

ДЕТИ ВОЙНЫ И ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ДЕТИ ВОЙНЫ
И ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ДЕТИ ВОЙНЫ И ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Саров, 2020

УДК 94(47):908(470.341)

ББК 63.3(2)622

Д38

Д38 Дети войны и Великой Победы. — Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2020, 254 с.

Цель деятельности Саровской городской общественной организации (СГОО) «Дети войны» — информационное участие в патриотическом воспитании российской молодёжи, развитии преемственности поколения Победителей для обеспечения безопасности России, в т.ч. информационной. Создание сборников воспоминаний детей войны предусмотрено планом работы общероссийской общественной организации «Дети войны».

Настоящая книга — продолжение предыдущих изданий СГОО «Дети войны»: «Опалённые бедой. Дети войны и Победы», 2016 г.; «Наше дело правое. Ядерный щит России детям XXI века от детей войны и Победы», 2017 г.; «Опалённые войной. Дети войны и Победы», 2018 г.

В подготовке сборника участвовали СГОО «Дети войны», журналисты и педагоги г. Сарова.

ББК 63.3(2)622

УДК 94(47):908(470.341)

Общественная редколлегия сборника: Н. В. Почтарюк (председатель), Г. Ф. Иоилев (зам. председателя), А. В. Веселовский, В. И. Егоров, В. А. Кручинин, В. В. Тенигин.

© Саровская городская общественная
организация (СГОО) «Дети войны», 2020
© ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2020

А. В. Веселовский

Обращение к нашим потомкам

Забыл прошлое — потерял будущее.
Русская пословица

Дорогие наши потомки! В этой и ранее изданных нами книгах, «Опалённые бедой» и «Опалённые войной», мы, «дети войны и Победы» (1928–1945 гг. рождения), кратко рассказываем о некоторых эпизодах нашей жизни в суровые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Время бежит очень быстро, среди вас уже не только дети, но и взрослые люди, затем наступает старость, изменяющая ваш облик. Это законы жизни, которые человек пока не может изменить, одно поколение сменяется другим. Скоро и вы замените всех нас. К сожалению, не всегда получается, чтобы вы и мы часто общались друг с другом, не спеша беседовали о том, что нас и вас волнует.

В нашем обращении к вам хотим высказать ряд мыслей, которые, надеюсь, будут полезными на вашем жизненном пути. В нашем далёком детстве мы росли далеко не в тепличных условиях, трудности жизни не способствовали беззаботному развитию, но они закаляли нас, побуждали работать не только для родной семьи, а в первую очередь, на благо Родины. Когда грянула страшная война, то на её защиту встал весь советский народ, прекрасно осознавая опасность фашистского порабощения. Мы, дети войны, рано повзрослели, на нашу долю выпали тяжелейшие испытания: голод, холод, бомбёжки, эвакуация, потери близких, родных и друзей. Невзирая на юный возраст, мы, как только могли, помогали фронту: собирали и сдавали металлолом для переплавки и изготовления

вооружения, тушили «зажигалки», сброшенные фашистскими бомбардировщиками, выступали в самодеятельности в госпиталях перед ранеными бойцами, работали в колхозах (посадка, прополка, сбор урожая, перевозка, складирование), на заводах (часто подставив под ноги ящик, чтобы дотянуться до суппорта станка). А когда кончилась война, вместе со взрослыми разбирали завалы разбомблённых домов, активно участвовали в восстановлении народного хозяйства, освоении целины.

История Руси, РОССИИ не была безмятежной, ее пытались поработить половцы, татаро-монголы, немецкие рыцари, шведы, поляки, турки, французы, страны Антанты, немцы (в сговоре почти со всей Европой). Но всегда находились в нашем многонациональном государстве ПАТРИОТЫ, поднимавшие весь народ на борьбу с захватчиками.

Вот и сейчас мы переживаем тяжёлые времена: нас со всех сторон окружают военные базы НАТО, серия «цветных революций» прокатилась по Ближнему Востоку, Прибалтике, Грузии, Молдавии, Украине, видим возрождение национализма и фашизма в европейских странах и Украине, создание «исламских государств» в Египте, Ираке, Ливии и Сирии, проявления беспредельного терроризма.

Нам и нашим родным было трудно выжить во время Великой Отечественной войны, сражаться с сильным, вооружённым до зубов новейшим оружием врагом, а затем восстановить разрушенные города и сёла, электростанции, заводы, школы. Но мы были едины и видели результаты своего ратного и мирного труда, чувствовали, что с каждым годом жизнь улучшается. Поэтому в нашей стране рождалось много героев, совершавших настоящие подвиги во имя народа. Мы с радостным чувством шли на работу, ехали на целину и новостройки, учились, душевно пели на праздниках песни, женились, растили детей и внуков.

Одним из подвигов наших учёных, исследователей, конструкторов, производственников, испытателей было создание ядерного оружия, которое стало надёжным ЯДЕРНЫМ ЩИТОМ

нашей страны от превентивного, т.е. первого и без предупреждения, термоядерного удара, вынашиваемого в планах Пентагоном с 1946 г. и по настоящее время. К этим работам мы имеем самое прямое отношение: 5 трижды, 2 дважды и 25 Героев Социалистического Труда (не считая других самых высоких многочисленных наград и званий), — такова оценка Родины этого ПОДВИГА.

Мы убеждены в том, что вы воспользуетесь богатым опытом предшествующего поколения, возьмёте всё лучшее, что нами сделано, и творчески используете для создания справедливо-го социально-ориентированного общества, не ради олигархов и политиканствующих личностей, а в интересах большинства тружеников страны. Необходимо бережно относиться к нашему историческому прошлому, быть ПАТРИОТАМИ своего Отечества, как подавляющее большинство ваших отцов, дедов и прадедов.

Дорогие наши потомки! Мы, ваши отцы, деды и прадеды, живём надеждой и верой в то, что вы сохраните в памяти своей боевые и трудовые подвиги наши во имя Родины и вашей жизни! Помните: великий народ с великой историей должен быть ВЕЛИКИМ в веках!

С уважением и надеждой, испытатель ядерного оружия, награждённый двумя орденами Трудового Красного Знамени и Государственной премией СССР, создатель и почётный председатель правления Саровской городской общественной организации «Дети войны», почётный ветеран РФЯЦ-ВНИИЭФ, заслуженный ветеран города Сарова и Нижегородской области.

Вспоминая войну

В. С. Шахов

«Для фронта всё. Всё — для Победы!»

Шахов Владимир Степанович (22.06.1930 — 17.12.1977). Работать во ВНИИЭФ начал в январе 1952 года лаборантом-физиком. В 1975 году окончил вечернее отделение МИФИ-4 по специальности «авиаприборостроение». Работая в отделе В. А. Цукермана, неоднократно участвовал в экспедициях на ядерные полигоны.

Я не хлебнул солдатской доли военных лет. Не привелось.
Но видел, как людское горе в тылу лилось.
Не слышал я гром канонады и свист свинца,
Но знал одно — работать надо мне за отца.
Мой одногодок знает это, не даст соврать.
Гудела пламенем планета — шла рать на рать.
А я мальцом полуголодным, в заплатах весь,
Встал у станка в цеху холодном, как боль и месть.
Как наваждение вражьей силе, как в горле кость.
Откуда в детской моей силе вдруг зло взялось?
Все было: голод, горе, стужа. Но жалоб — нет!
Я был отцу на фронте нужен лишь для побед.
Работал я порой до бреда в недетском сне.
«Для фронта всё. Всё — для Победы!» — Был лозунг — мне.
И был необычайно сладок и мал паёк...
Но знал я — трудно. Знал я — надо. Я был боёк
В отцовском грозном автомате. Я бил и бил.
Вы этого хотели? Натё простор могил!

Вы сами пожелали в гости ногой на стол.
Ну что ж, кладите свои кости под сень крестов!
Я был мальчишкой желторотым, в начале лет,
Но был с отцом в составе роты: я в партбилет
Был фотокарточкою вложен. И множил гнев.
Я был всем тем, чем быть возможен, её претерпев.
Я ждал лишь день одной Победы, и лишь её.
И это было моё кредо, лицо моё.
И день пришел, весной объятый, в далекий год,
Неповторимый Сорок Пятый! Я так был горд!
Я так был счастлив — даже плакал (в груди волна...) —
Что вот пришла она — расплата за всё сполна!
Всё мое детство ликовало в тот Май, поверь —
В своих коричневых подвалах задушен Зверь.
Он на паучьем знаке распят, раздавлен в блин!
И Мир вернулся к людям счастьем, как властелин.
Смеемся в радости огромной, поём хвалу...
И лишь Солдат усталый скромно присел к столу.
Хмельного выпил. Глянул строже. Силён был враг...
А если кто еще? Ну что же... Вновь будет так!

6 мая 1975 г.

Н. И. Аношина

Прости, что не пришла к тебе с цветами...

Они ровесницы — Таня Савичева и Эдита Пьеха. В их детстве была война. Война жестокая, кровопролитная, мировая. Имя ленинградской школьницы-блокадницы Тани Савичевой вошло во всемирную историю. Её детский дневник на Нюрнбергском процессе был предъявлен обличительным документом немецкому фашизму. Таня написала не только о себе, но и о тех, кто «остался один», страдал от голода, прятался от вражеских налетов.

Убегала от бомбежки и Эдита Пьеха, жившая во французском шахтерском городке. И там — голод, разруха, гибель. Забыть это невозможно. Далекий 1976 год. Народная артистка РСФСР Эдита Пьеха по приглашению радиостанции «Юность» выступает с концертами в студенческих отрядах Горьковской области. Однажды машина останавливается возле сельского кладбища в Шатках, где находится могила Тани Савичевой. В мае 1972 года был установлен памятник, на котором запечатлены страницы ее блокадного дневника. На открытие па-

мятника приезжали сестра и брат Тани — Нина Николаевна и Михаил Николаевич Савичевы.

Ленинградские артисты узнали, что много лет шатковские школьники вели поиск места захоронения Тани Савичевой. Указала юным следопытам безымянную могилу медсестра Анна Журкина, которая ухаживала за девочкой в больнице.

Эдита Пьеха пообещала посвятить песню судьбе юной ленинградки...

Прошел год. Июль 1977 года. Шатки. Пионерский лагерь «Салют», где отдыхают юные жители нашего города, принимает музыкантов из ансамбля Эдиты Пьехи. Торжественную линейку ведёт старшая вожатая Татьяна Шмелёва. Она рассказывает о том, что артисты из города-героя Ленинграда приехали почтить память Т. Савичевой.

Салютовцы приняли Эдиту Пьеху в почётные пионеры. Красный галстук ей повязала председатель совета дружины Люся Русяева. Выступая перед пионерами, Эдита Станиславовна с волнением говорила о своем военном детстве, и о том, что блокадники смогли пережить военное лихолетье благодаря тому, что держались вместе. Ради будущих поколений нельзя забывать об их подвиге. Певица рассказала о том, что средства от концертов по Горьковской области она передаст на сооружение в Шатках нового памятника.

Для салютовцев она спела «Балладу о Тане Савичевой»
(сл. Виктора Гина):

*Моя землячка Савичева Таня,
Прости, что не пришла к тебе с цветами.
Не знала, что тебя я встречу здесь,
Где слева лес и справа лес.
Где эти строчки на твоей могиле
Меня огнем блокады опалили.
В глуби России, от Невы не близко,
Теперь здесь навсегда твоя прописка.
Но память, как дорога без конца,
Сквозь времена и сквозь сердца,
И неизменно вечно будут рядом
Судьба твоя и подвиг Ленинграда.*

Встреча с ленинградскими артистами закончилась дружным исполнением песни «Пусть всегда будет солнце». Шатковцы присвоили народной артистке Эдите Пъехе звание «Почетный гражданин рабочего поселка Шатки».

В мае 1981 года скромный памятник Т. Савичевой был дополнен гранитным надгробьем.

Уже в XXI веке, 9 мая 2010 года, в дни празднования Победы в Великой Отечественной войне был открыт мемориальный ансамбль «Тане Савичевой и детям войны посвящается». Скульпторы — заслуженные художники России Т. Г. Холуева и А. Б. Холуев. Работает в Шатках и детский музей имени Тани Савичевой. Экспонаты музея рассказывают о событиях Великой Отечественной войны, о военном детстве наших родителей, бабушек, дедушек. Никто не забыт! Ничто не забыто!

Но на этом история знакомства саровчан с замечательной певицей Эдитой Пъехой не закончилась. Год 1993. Конец ноября. Идёт кампания по выборам в Государственную думу. Кандидатом от Сарова выдвинут Борис Певницкий. Его конкурент — нижегородец Сергей Воронов. Чтобы представить его саровчанам, из Нижнего Новгорода приезжают популярные

телеведущие Блудышев и Ластов, музыканты и молодые артисты. И вместе с ними — народная артистка РСФСР Эдита Пьеха. Это был великолепный концерт. Любимую певицу саровчане принимали очень сердечно, дарили цветы, провожали бурными овациями. В интервью городским журналистам Э. Пьеха сказала, что рада была побывать в нашем городе, ей понравился теплый прием саровских зрителей.

Н. И. Аношина

По материалам городской радиогазеты (июль 1977 года).

Военное детство

В. А. Белугин

Владимир Александрович Белугин (1931 — 2002 гг.), лауреат Государственной премии, награждён медалью «За трудовую доблесть», кавалер орденов Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Возглавлял ВНИИЭФ в 1987—1996 гг. Удостоен звания «Почётный гражданин г. Сарова».

«В Саров первый раз меня привезли родители где-то в начале 1938 года. Тогда отца перевели с Горьковского автозавода... Жили мы в старом монастырском здании, где позже располагалась стоматологическая поликлиника. В 1939 г. переехали в Краматорск, на Украину. Там достраивали завод тяжелого станкостроения — аналог Уралмаша. В Краматорске мы жили практически два года, я окончил там второй и третий классы, учил украинскую мову. Помню, на Украине было очень жарко, меня звали Москалем. Еще помню, как после школы носили мы отцам обеды в узелках на завод и на обратном пути купались зимой и летом в канале, куда сбрасывали воду, охлаждавшую мартеновские печи.

Эвакуировались мы из Краматорска в 1941-м году. Отчетливо помню возбуждение начала войны и собственное недоумение: почему некоторые плачут. В наш эшелон грузили станки на открытые платформы, людей — в товарные вагоны. Эшелон бомбили. Страха не было. Видели, как самолеты налетали, сбрасывали бомбы, взрывы вокруг — а нам не страшно. Что поделаешь, пацаны не понимали...

В Арзамасе эшелон разделили пополам. Часть вагонов с оборудованием и станками пошла на Урал, а другие направили в Саров, где дооборудовался завод по производству снарядов. Приехали — знакомые места, Саров. Всю войну прожили

здесь. Остатки колонии сохранялись до 43 года, потом её перевели в Ардатов.»

«Началась война, — вспоминает Валерия Александровна Панова, сестра Владимира Александровича. — Мне тогда было пять лет, я не сознавала всю трагедию происходившего. Мальчишки играли в войну, и я по-детски воспринимала ее как игру. Мне была непонятна тревога взрослых. Помню, они говорили, что только стала налаживаться жизнь, отменили карточки на продукты, начали жить лучше, и вот страшная напасть — война... Тяжкие испытания выпали на долю нашего народа. Надо было срочно перестраивать производство на военный лад, понадобилось новое оборудование, и папа с головой ушёл во все эти заводские дела. За оборудованием папу командировали в Москву, а затем на Урал. Там он сумел добиться всего, что требовалось для завода, и привёз станки в Саров.

Завод работал круглосуточно, в две смены по двенадцать часов. Люди недосыпали, недоедали, но самоотверженно трудились. Зачастую сутками не выходили из цехов.

Почти за каждым станком работали женщины. Они заменили мужей и братьев, ушедших на фронт. Поселок жил строгой напряженной жизнью. Здесь не было боёв. Мы не видели немцев, нас не бомбили, хотя немецкие самолеты регулярно пролетали над нами бомбить Горький. Но мы сполна испытали и голод, и холод».

«В июле 41-го года первый и последний раз попал я в пионерлагерь, — продолжает Владимир Александрович. — На машинах нас довезли до Санаксарского монастыря под Темниковом, расселили по баракам ФЗУ, через неделю отправили обратно — кормить нас было нечем. В то время только начали вводить карточки. До сих пор помню: 400 г хлеба — на ребенка, 300 г — на иждивенца — мама моя получала, 800 граммов получал отец как работающий на заводе, 600 г выдавали служащим. В 1941 году было очень голодно. Потом уже начали возделывать огороды. Весной в 1942 году дали семена и участки, люди посадили картошку, морковь, капусту. Раскопали всю

низину. Теперь понимаю, как тяжело было тогда нашим родителям. Только представьте, вы приходите с работы домой, а детей кормить нечем. Просто нечем — в магазинах ничего не было. Эвакуированные меняли вещи на еду: на картошку, на масло — все спустили по окрестным селам.

Валерия Александровна: «В 1943 году я пошла в школу. Не помню, как училась в первом классе. Учебников не было, тетрадей, карандашей, ручек, чернил не было, портфелей тоже не было. Учительница что-то объясняла у доски, а я думала: «Она тоже хочет есть?» Есть хотелось постоянно. В самодельных, сшитых из холстины сумках мы приносили в школу миску и ложку. На большой перемене учительница на подносе приносила в класс мятую картошку — пюре синюшного цвета, с очистками. Мы вставали между партами в две очереди, и она раскладывала нам в миски по ложке этого пюре. Но так было не всегда, а только один месяц.

В классе стояла высокая круглая черная печь. Дрова для школы заготавливали в лесу старшеклассники. Пока печь топилась, было какое-то тепло. Как только прогорали дрова, снова наступал холод. Мы сидели в ватниках, пальто, в шапках, в валенках и все равно мерзли».

Тяжелое военное время, на которое пришлось школьные годы Владимира Александровича, он вспоминал с особым чувством: «Я снова пошел в Сарове в школу, в четвертый класс. За моей учёбой родители в современном понимании не следили. Уроков с нами никто не делал. Какие там уроки! Мы вообще были предоставлены сами

себе. Отца мы не видели, потому что он все время был на работе. Он мне иногда помогал с учёбой, когда я чего-то не понимал, например, по физике, но это было очень редко.

Наши возможности по отдыху, по общению были ограничены — шла война. Мы много работали. Чтобы отапливать четырехэтажное здание школы, старшеклассники сами заготавливали дрова. Взрослым было не до нас. Деревья сплавляли по Сатису от Кремешков, где валили лес. Сплав шел весной. Дров не хватало, и зимой дополнительно рубили в районе будущего финского поселка. До сих пор помню огромные «голландки».

Днем занимались, вечером валили лес, а у костра учились танцевать. Девочки научили меня фокстроту и вальсу.

На месте современного здания УСиС был большой конный двор завода. Там, где сейчас клуб «Прогресс», находилась молочно-товарная ферма. Днем лошади были на работе, а по ночам мы их гоняли пастись на луга за речку. Пацанов было больше, чем лошадей. Были и столкновения, от одного из них у меня остался шрам на голове».

«Папа сутками пропадал на заводе, и маме пришлось испытать с нами все невзгоды той страшной поры, — пишет Валерия Александровна в очерке «Памяти брата». — В первую военную зиму мы поняли, что такое голод. Всё, что можно, обменивалось на картошку. За ней ездили в Шатки на дрезине по узкоколейке. После отъезда родителей мы сидели на подоконник и ждали, когда появятся огоньки дрезины. Брат рассказывал нам разные истории, стараясь отвлечь от грустных мыслей. Наконец, ночью родители приезжали, растапливали печь, варили картошку, мы ели и засыпали уже не голодными.

Весной 1942 г. всем приезжим семьям выделили по участку земли под картошку (старожилы уже имели огороды, сарайки, скотину). Позже за чисто условную цену предоставили и коров, но с тем, чтобы после войны вернуть их в совхоз. Таким образом, у нас была картошка и молоко, и мы выжили.

Брат во всем помогал маме: мыл полы, стирал с ней белье, вместе они обрабатывали огород. Но главной его заботой была заготовка дров. (Сохранились фотографии тех лет, где двенадцатилетние ребята шли заготавливать в лесу дрова для школы.) Брат приспособился один пилить бревна, рубил их и на веревке приносил в дом огромные вязанки дров. Соседки удивлялись и завидовали маме — какой у нее сын-помощник. Но он был мальчишкой, и ему хотелось играть с ребятами. Играли в основном в войну: сами вырезали деревянные сабли, наганы, ружья и носились... воевали. Притом у брата «сидела на шее» младшая сестренка. Она сопровождала его во всех походах и затеях. Но самое интересное — ни у кого из мальчишек это не вызывало ни малейшего протеста. Сестра в прямом смысле выросла «на шее» у брата».

«Мама часто болела, домашнее хозяйство было на мне, — говорит В. А. Белугин. — Я мог не только вымыть полы, но и приготовить обед, не считая всех прочих дел. В то время я очень привязался к сестрам. У меня три младшие сестры. Помню, еще в Горьком, мне пять лет, взрослые сообщают, что скоро приедет мама с сестренкой. Валерию привезли из роддома, развернули пеленки, собрались соседи, охали, ахали, восхищались, а на меня — никакого внимания. Я смотрел, смотрел, подошел и стукнул малышку по животу: меня тогда поразило, что я не один...»

Валерия Александровна: «Яркое воспоминание детства — встреча Нового года. Готовиться начинали заранее. Игрушки на елку вырезали из газет. В канун Нового года, числа 30 декабря, брат на лыжах отправлялся с топором в лес за елкой. Обычно это было после занятий в школе, часа в два, а в четыре в лесу уже темно. Поселок погружался в кромешную тьму, не было ни огонька. Электричество подавалось на производство, а мы обходились копилкой. Это такой пузырек, в который наливали керосин и опускали фитиль, он пропитывался керосином и зажигался. Даже такой неяркий источник света не должен был просматриваться сквозь окна.

Е. В. Белугина с детьми. 1949 год

Соблюдалась строжайшая светомаскировка. Немецкие самолеты ночами летали над нами бомбить Горький. В темноте был слышен гул их моторов.

Волки в те годы гуляли стаями. Даже заявлялись по ночам в поселок, и мы слышали их вой. Когда брат уходил за елкой, мама строго-настрого наказывала не задерживаться, не забираться глубоко в лес, а срубить с краю первую попавшуюся и возвратиться домой засветло. Мы с нетерпением ждали его возвращения. Четыре часа, уже темно, его нет, мама волнуется, мы тоже, пять часов — мама уже себе места не находит. Наконец, стук в дверь, мы открываем, и в комнату в первую очередь протискивается елка — огромное дерево, а за ней появляется брат. Восторгу не было предела. Мы радовались тому, что он вернулся живой и невредимый и принес такую елку — настоящую лесную красавицу, пушистую, нарядную, всю в шишках, даже игрушек не надо, высокую — под самый

потолок. А запах — на всю квартиру — свежий, хвойный, морозный, вкусный.

Теперь я не вижу таких елок даже в лесу, а брат нам находил. Была война, был голод и холод, но была и радость, которую порой нам доставлял брат».

Война подходила к концу

«Я помню, как начиналась война, и помню, когда пришел ей конец, — пишет Валерия Александровна. — Долгих четыре года все жили ожиданием победы. Когда дождались, не могли сразу поверить. Была ночь, захлопали двери, соседи прибежали друг к другу, никто не спал. Помню сплошное ликование. Люди смеялись и плакали... Поистине это была «радость со слезами на глазах». Затем отменили карточки на продукты и товары.

Можно было покупать хлеба сколько угодно, и даже белого. В квартиры дали электричество, сняли светомаскировку. Мы жили на третьем этаже в 31-м корпусе, где теперь Энергосбыт. Летом наши окна были открыты настежь. По вечерам мы сидели всей семьей у круглого стола и читали. Над нами висел абажур, вокруг которого вились мотыльки, а в открытое окно было слышно, как в Саровке квакают лягушки. И это было счастье...»

«И конец войны помню,— говорит В. А. Белугин. — Как вместе с Колей Любимовым у него дома ждали у репродуктора, когда объявят о конце войны, ждали с 7–8 часов вечера до 4 утра. Наконец зазвучал голос Левитана. Директором нашей школы был фронтовик Григорий Иванович Меднов, он покорял нас звоном своих орденов. Услышав о победе, мы побежали к Григорию Ивановичу. Он дал нам флаг, чтобы мы его водрузили над школой».

Статью подготовила О. Ю. Смирнова, научный сотрудник лаборатории исторических исследований РФЯЦ-ВНИИЭФ, кандидат философских наук, автор книги о жизни и деятельности В. А. Белугина «Жизненный путь» (Саров, 2006 г.)

Т. Криницкая

Современные «жития»

Свои праздники следует чтить. И наполнять их именно своим национальным содержанием. Так и с днем памяти святых Петра и Февронии Муромских, живших в XIII веке. Память Петра и Февронии Муромских — 8 июля — называют нынче днем любви и верности. Семья — это правильно. Вот о ней-то и поговорим.

Обещать — не значит жениться?

Если хорошенько подумать, то утверждение, что люди со временем не меняются, не оспоришь. Читаем «Повесть о Петре и Февронии Муромских». Она ныне считается единственным источником информации о достославной супружеской паре и одновременно одной из вершин древнерусской литературы XVI века.

Итак, по сказанию, за несколько лет до княжения Петр убил огненного змея (во времена оны — популярная версия дракона у русичей). Княжич испачкался его кровью и заболел проказой, от которой никто не мог его излечить. Во сне открылось, что исцелит его Феврония, крестьянская девка из деревни Ласково в Рязанской земле, дочь «древолозца» — бортника. Феврония в качестве платы за лечение пожелала, чтобы князь женился на ней после исцеления (тоже, знаете ли, суперпопулярный европейский сюжет: см. новеллы «Декамерона» Д. Боккаччо и «Сказку сказок» Д. Базиле). Князь и пообещал. А что, трудно, что ли? Но читаем далее.

Феврония князя исцелила, а слова он не сдержал — невместно же князю на простолюдинке жениться! И кто что поперек скажет? Но и крестьянка Феврония оказалась не лыком шита: предусмотрительно залечила один струп на теле князя. Ожидаемо возник рецидив болезни.

А дальше сюжет развивался по накатанной: Феврония вновь вылечила Петра, и тогда он женился на ней. Пётр наследовал княжение после брата, но чванливые бояре не захотели княгиню «из простых». Тогда князь взял Февронию и ушел по Оке. В Муроме началась смута, бояре попросили князя с женой вернуться, чета вернулась, а Феврония в дальнейшем заслужила любовь горожан.

В преклонном возрасте приняли монашеский постриг и умерли в один день, завещав похоронить их в одном гробу. Против их воли (несовместимо с монашеским званием) тела положили в разных обителях, но на следующий день они оказались вместе.

Вот вроде и вся история. О чем задумаемся? Да о том, что суженого-ряженого на кривой козе не объедешь.

Официально и в цифрах

Информационный повод — День любви и верности — мои коллеги в нижегородских СМИ использовали на полную катушку. С начала июля массированно выдавали «околосемейную» информацию. В том числе приводили данные руководителя Нижегородского управления ЗАГС Ольги Красновой о количестве заключенных браков, брачном возрасте и зарегистрированных новорожденных: «Большинство браков в Нижегородской области заключается в возрасте от 24 до 35 лет, но также много тех, кто решает связать себя узами брака после 35 лет — их больше, чем поженившихся до 24. До 18 лет в брак вступили восемь юношей и 43 девушки (запомним эту фразу. — Т.К.). Зарегистрированы самые возрастные союзы 2019 года. Так, нижегородец в возрасте 85 лет взял в жены 76-летнюю невесту. А другой 87-летний мужчина женился на 71-летней нижегородке».

Ольга Краснова упоминает о необычных церемониях бракосочетания: «В Автозаводском районе прошла свадьба рокеров на мотоциклах. Другой пример — пара пришла расписывать»

ся в костюмах батона и сыра, посчитав их символами своего единения. А в другой церемонии 15 подружек невесты, которая боялась выходить замуж, тоже пришли в свадебных платьях, чтобы поддержать подругу. Еще на одной свадьбе кольца на выездной регистрации выносил тигренок».

Тигров на бракосочетаниях в Сарове пока еще не было, но, по словам начальника отдела ЗАГС Сарова Марины Егоровой, наш город, в общем-то, не сильно выбивается из областных тенденций. Разве что «несовершеннолетних» свадеб меньше: одна-две в год. По данным саровского ЗАГСа, за 1 полугодие нынешнего года заключено 152 семейных союза. Возраст вступающих в брак за недавние лет двадцать вырос до 27–37 лет. Причины? Да, наверное, общие для страны: сначала граждане хотят получить образование, карьерные шаги предпринять, создать имущественную «подушку безопасности», а потом уже заключать семейный союз. Есть основания полагать, что к заключению браков люди подходят более осознанно.

Марина Егорова: «Самая зрелая пара в Сарове в нынешнем году — 78 лет супругу и 76 — супруге. Закон позволяет нам зарегистрировать брак, если соблюдены все необходимые условия для его заключения. И, разумеется, есть молодожены, которые подходят к церемонии с выдумкой». На памяти Марины Павловны и байкерские свадьбы с развевающейся на ветру фатой, и свадьбы в народных русских, мордовских костюмах. Были и свадьбы в одной цветовой гамме — светло-сиреневое платье невесты и оттенков сиреневого — у её подружек. Были и другие истории. Законные, но грустные. К примеру, регистрировали браки в больнице или (в присутствии нотариуса) на дому. Было заключение брака и в СИЗО... При этом Марина Егорова утверждает: «Знаете, сейчас многие говорят, мол, было бы материальное благосостояние, а любовь-то — пустое! Ой, нет! Любовь очень большую роль играет. А мы — ЗАГС — славим любовь и семью».

«Все делаем вместе»

А. А. Борисов и Ю. П. Шлаитова

Приметная пара — Юлия Павловна Шлаитова и Александр Анатольевич Борисов. Оба — участники хора ветеранов, оба — одного года рождения, дети войны, оба выступают перед школьниками. Юлия Павловна — еще и член литературного объединения «Саровские ключи».

Она шутит: «Медалей — целая коробка!» — и, как настоящая «девочка-девочка», добавляет: «Только я не все прикрепляю — они на блузке ткань оттягивают, сидит некрасиво». Александр Анатольевич — почетный ветеран ВНИИЭФ, ветеран атомной энергетики и промышленности, награжден почетной грамотой главы города (2017 г.).

Вместе они уже тринадцать лет. Познакомились в хоре ветеранов Дворца культуры ВНИИЭФ. Оба к началу XXI века овдовели. Юлия Павловна — из Шатков, Александр Анатольевич — из Сеченовского района. У обоих отцы погибли во время Великой Отечественной.

Юлия Павловна: «Близко нас «познакомила» Габриэла, собака Александра Анатольевича, черная, лохматая, красotka и умница. Ему дочка из Москвы отдавала свою собаку на передержку. В начале «нулевых» Александр Анатольевич не только еще работал, но и в командировки ездил (59 лет трудового стажа во ВНИИЭФ!). Вот и попросил присмотреть — зайти пару раз в день, накормить, выгулять, поговорить, чтобы Габи не скучала. Я ее к себе брала поначалу, а потом Александр Анатольевич предложил жить вместе — мол, что бегать-то из дома в дом!»

Им было тогда по 75 лет. У обоих супругов взрослые не только дети, но и внуки, да что там — и правнуки-то уже под-

растают. Решение супругов жить вместе поддержали все.

Александр Анатольевич приехал в город в 1949 году после окончания с отличием московского ремесленного училища. Пять лет проработал в основных цехах. Окончил вечернюю школу, техникум. «Комсомольская организация рекомендовала меня на работу в органы безопасности. Учился на курсах, работал в секретной части. На пенсию вышел в 2007 г. руководителем полигонной группы», — вспоминает он.

Юлия Павловна в городе с 1957 г. А до того пять лет преподавала русский и литературу в одной из школ Тувы. Лишь недавно супруги перестали заниматься огородом, а прежде, как образцовые саровчане, сажали картошку, морковку-свеклу-огурцы.

«Да, — говорят супруги, — у нас нормальная, дружная семья. Мы постоянно вместе на встречах, на выступлениях. Пусть не общие дети — но общие интересы». И действительно: на День Победы в «Бессмертном полку» с портретами погибших отцов — вместе. Вместе занимаются скандинавской ходьбой, ходят в магазин.

Не удержалась и спросила: «А вы ссоритесь?» — «Зачем? Поводов нет, — ответила Юлия Павловна. — Александр Анатольевич меня оберегает: тяжести — даже ноты на хор — не позволяет носить. Выполняет любую просьбу. Чистит овощи, стирает, гладит, протирает пол. «Доброе утро» и «Спокойной ночи», никаких резких слов в адрес друг друга. За тринадцать лет однажды только услышала... незлое слово — Александр Анатольевич футбол смотрел в наушниках, чтобы меня не беспокоить, а игрок промазал по воротам. И так это от души высказался! Его дочь и внучка, мои дети и внуки нас уважают. Они уважают наш выбор, наши решения».

Что к этому добавить? Да и надо ли?

А. Ф. Воскобойник

Кто хочет жить в мире, тот должен быть готов к войне

Слова Н. Макиавелли, вынесенные в заголовок, передают основную идею воспоминаний о военном детстве замечательного человека — бывшего заместителя директора ВНИИЭФ по социальным вопросам, депутата городского Совета народных депутатов шести созывов Александра Филипповича Воскобойника. Начало войны он встретил четырехлетним ребенком и на всю жизнь запомнил голод, холод и страх перед незваными «гостями».

Войну 1941–1945 годов семья моих родителей Филиппа Архиповича и Таисии Михайловны встретила на Кубани, в станции Березанской. Нас, детей, было трое — брат Михаил 1936 года рождения и двое близнецов — сестра Мария и я, 1937 гр.

Довольно ясно помню, как мимо нашего дома шагали с песнями шеренги новобранцев с винтовками на левом плече и примкнутыми штыками. Мы, дети, с восторгом смотрели на стройные шеренги, особо не обращая внимания на плачущих женщин, провожавших своих мужчин на фронт. Ушел и отец, мы осталась с матушкой одни. Дедушка с бабушкой жили на хуторе, что в семи километрах от нас.

Дальнейшую нашу судьбу решил дед, предложив матушке перебраться к ним на хутор. Переезд случился в скором времени после ухода отца на фронт и без особых проблем — дедушка усадил нас троих в небольшую повозку, запряженную коровой, собрали кое-какой домашний скарб и уже к вечеру прибы-

ли к новому месту жительства. Во все тяготы жизни матушки в ту пору мы, естественно, не вникали и были в восторге от речки, которая протекала в конце нашего нового огорода. Мы её быстро освоили, и, к счастью, никто из нас и новых друзей не утонул — присмотр родительский был строгим. По рассказам матушки, жизнь всех нас на новом месте началась весьма печально. Никаких съестных запасов, а также денег у неё не было. Первое время питались, как она говорила, чем бог послал. На новом подворье, к счастью, было довольно много вишни, у соседей обильно плодоносила шелковица, были сливы и яблоки, которыми нас угощала соседка. Матушка упала духом: лето близилось к концу, а там не за горами и зима. Одним словом, было от чего горевать.

Для нас же, детей, то время было периодом счастья — тепло, речка рядом, появилось много друзей.

Всё время — о войне

Взрослые говорили все время о войне, читали редкие письма-треуголки с фронта, ждали прихода немца. В колхозе в тот год созрел хороший урожай зерновых, и уже в августе 1941 г. сельчане убрали зерно с полей. Огромными кучами лежало на току — руководство ждало указаний сверху, как и куда его сдавать государству. Однако шли дни, а указаний никаких не было. Все чаще появлялись слухи о плохих делах на фронте. Немцы стремительно продвигались на восток. И вдруг поступила команда раздать все зерно людям и не допустить его захвата немецкой армией. По улицам хутора стремительно потянулись и стар и млад к току с зерном. Матушка тоскливо стояла у калитки дома, провожая взглядом бегущих. Она ведь не работала в колхозе, и ей, как она потом говорила, было стыдно бежать за зерном. Рядом проходивший сосед-старичок накричал на неё и заставил взять пустые ведра и увел к току, увещевая: «У тебя дети, чем ты будешь их кормить зимой?»

Зерно было в миг растащено и до ночи засыпано хуторянами в тайные закрома в домах, чтобы не нашли немцы. Так нам удалось выжить до апреля 1942 года.

В ожидании беды

Весной мы с матушкой посадили в огороде (по одному гектару на семью) немало сельхозкультур: пшеницу, картофель, бахчу, морковь, свеклу, капусту и помидоры, огурцы и т.п. В речке ловили много рыбы и раков, собирали травы, обильно произраставшие на благодатной Кубанской земле. Созрел хороший урожай. Матушка ранними утрами снимала уродившуюся продукцию и складывала в кучки, а доставка ее к дому лежала на наших плечах. Матушка пошла работать в колхоз. Рано, к 7–8 часам утра она со всеми колхозниками уходила в поле и давала задания старшему брату, куда что переносить с огорода, а относительно нас с сестрой требовала с него: «Не будут слушать — бей моей рукой». После таких наставлений для нас с сестрой не могло быть и речи о просьбах к брату искупаться в речке, а уж потом все закончить по хозяйству. Жара к полудню была такая, что хотелось только одного — залечь в холодке и отдохнуть. Но только перенеся во двор все, что подготовила мама, мы стремглав убежали купаться.

Близилась осень, жара спала, стали частыми прохладные северные ветры. Никакой теплой одежды и обуви у нас не было, мы ходили в обносках с чужого плеча, которые давали матушке добрые люди, а когда пришли холода, мы практически безвылазно сидели в доме, где была печка с большой лежанкой. Топили ее в основном соломой и сухой травой, стеблями кукурузы. Печка была нашим пристанищем, так как глиняный пол плохо прогревался и босиком по нему мало ходили.

Позже, после оккупации, мы организовали изготовление брикетов из той же соломы и коровьего кизяка по незамысловатой крестьянской технологии, которая была в ходу у хуторян, а пока не пришли холода, мы купались, общались с друзья-

ми, помогали матушке, одним словом, вживались в хуторскую жизнь.

«Первые ласточки» с автоматами

И вот неожиданно, без стрельбы и танков прилетели «первые ласточки». А дело было так. Мы, дети, играя в глубине двора, услышали какой-то приглушенный шум на улице, который быстро нарастал. Устремились на улицу и застыли от страха у калитки: к нам приближалась шумная, гогочущая толпа каких-то людей. Часть из них ехала на подводах и распевала песни на непонятном языке, слышна была музыка губных гармошек. Но нас напугал не столько шум и гвалт незнакомцев, а то, что у каждого на груди были автоматы. Уже издали было видно, как солдаты забегали во дворы и возвращались, держа за лапы орущих кур, уток, гусей, пищащих поросят. Всю эту живность они передавали сидящим на повозках. Матушка быстренько увела нас в дом, и мы уже из окна наблюдали приход мародеров к нашему двору. Сильно впечатлило то, что эти «войки» почти без разбега перепрыгивали метровый забор нашего двора и рыскали в поисках съестного. Поскольку в доме было скудно с живностью, они долго в нашем дворе не задержались. Судя по всему, мародеры были настроены на веселый обильный ужин (а дело шло к вечеру) и оставляли впечатление уже поддавших. Никому из хуторян не было угроз, не стреляли. Было разгульное веселье «гостей» в предчувствии сытой ночевки.

На следующее утро мы собрались разузнать все о «гостях». Но родители запретили все поиски, так как гогочущий шум завоевателей исчез еще вчера так же быстро, как и появился. Первых немцев хуторяне восприняли с облегчением — ни насилия, ни стрельбы, тем более убийств, не было. И самое главное, что они куда-то исчезли. Только позже, спустя неделю — две, все поняли, что это была разведка основных вражеских сил.

«Гости» — хозяйева

Оккупанты пришли лишь в начале ноября. На юге в это время было уже довольно прохладно, особенно по ночам, но снега и заморозков еще не было. Мы практически не выходили из дома, так как матушка боялась нашей простуды — никаких врачей, лекарств и аптек на хуторе не было. Все родители уповали только на народные способы лечения — пар от сваренной картошки вдыхали, парили ноги, растирались какими-то самодельными мазями. Справедливости ради надо сказать, что мы в тот период сильно не простужались. В связи с этими обстоятельствами мы узнали о приходе немцев несколько необычно. В дверь дома постучали. Мы с матушкой в это время занимались в доме кто чем. Она вышла в коридор (сени), и мы услышали, что она тихо ойкнула. Буквально через секунду-две открылась дверь комнаты, и в нее вошел громадный (как нам показалось) военный. Мельком взглянув на нас, сидевших на печке, стал молча осматривать помещение. Первая комната, куда он вошел, была проходная и вела в довольно большой зал с четырьмя окнами — во двор и на улицу. Видимо, немец сразу оценил хороший обзор. Вслед за ним вошел второй, пониже ростом, с лицом отталкивающего вида — худым и серо-желтым. Оба вошедших были с пистолетами. Второй на поводке вел огромную красивую овчарку. Собаки мы сильно испугались, но ее красоту оценили с первого взгляда. Матушка молча, со слезами вошла последней, быстро подошла к нам, успокаивая. «Гости» зашли в зал, закрыв дверь. Был слышен их невнятный разговор на непонятном языке. Овчарка легла под закрытую дверь и зорко следила за нами. Вскоре немцы ушли, не задав ни единого вопроса, видимо, не зная русского языка.

Видимо, шумные разведчики—мародеры, изучив обстановку во многих селениях и хуторах Кубани, оценили её положительно для размещения на зимний период основных сил фашистов. На долю нашего хутора выпало размещение кавалерийского полка. Позже мы узнали, что наш первый немец-

кий «гость» был командиром этого полка и сам выбрал себе наш дом с широким обзором из окон. Это дошло до нас позже. Аналогичные смотрины были проведены во многих домах хутора. Буквально на другой день к нам явились три фашиста и молча стали хозяйничать. Первой их «жертвой» стала красивая подвесная керосиновая лампа с круглым железным абажуром. Она была, пожалуй, единственной в доме реликвией. Матушка со слезами жестами просила, чтобы её вернули потом. Немец, также жестикулируя, её успокоил, дав понять, что именно так и будет. Больше у нас брать было нечего. Зерно мы спрятали в яму за сараем, посуда из глины какая-то была, но немцев она не заинтересовала. «Гости» удалились. В оккупации пробыли до марта 1943 г.

Гимн матери

Дорогая мама! Сегодня твой юбилей, тебе — 90 лет! Пройдена долгая, трудная и вместе с тем, полная радости дорога твоей жизни — в трудах и заботах о нас, твоих детях, в общении с людьми. Все было на твоём жизненном пути. Ты родилась очень давно, в канун Первой мировой войны, в большой дружной крестьянской семье. Вы жили трудом земледельцев: работали от зари до зари, трудились и дети. Мало отдыхали, благодаря чему и жили в достатке. Твоя заветная мечта о школе, едва начав осуществляться, закончилась в первом классе. Ты стала самоучкой. Было не до учебы — началась Гражданская война, затем коллективизация и страшный 1933-й год — жестокий, голодный год. Ты выжила благодаря мудрости своей матери, пославшей тебя с братом на заработки под Краснодар. Там тебе пришлось стать землекопом: за норму в 9 метров траншеи вас кормили похлебкой раз в день.

А когда слег брат с простудой и не мог работать, ты рыла его траншеею, чтобы спасти от голодной смерти. Вы оба выжили и вернулись в заросшую бурьяном безлюдную станицу. Но мать свою живой уже не застали. В тот год съедено было всё: зерно, продукты, птица, коровы и лошади, свиньи, собаки и кошки. Были случаи каннибализма. Выжили немногие, ты среди них. Молодость взяла своё. В начале 1936 г. ты обвенчалась с нашим отцом, познала радость материнства, а в феврале 1936 года родился твой первенец. Вам с отцом захотелось уравновесить семью девочкой. И в 1937 году ты родила двойню, девочку и мальчика.

Затем грянула война. Отец ушел на фронт, и ты осталась с тремя малолетками на руках одна. Ты, дорогая, вынесла всё. Вспомни возвращение отца: во двор въезжает фура, на горе мешков, чемоданов и сумок сидят трое, среди них отец в военной форме. Ты стояла растерянная, высохшая, с загорелым до черноты лицом, из глаз катились слезы...

Наступило трудное послевоенное время и медленное вы-
ползание семьи из нищеты. Ты нашла в себе силы пережить
потерю дорогих тебе людей и встретила новый XXI век.

Вся твоя жизнь, дорогая, это непрерывный труд и терпение.
Сколько вынесло твое сердце, сколько сделали твои золотые
руки — знает один бог. Ему ты поклонялась и верила всегда.
Да разве только у тебя одной такая судьба! Твоя судьба — это
судьба сотен твоих сверстниц, которые, как и ты, живут сегодня.
А сколько их лежит сегодня в сырой земле!

Сегодня мы, твои дети, рядом — смеёмся и плачем от сча-
стья общения с тобой, от благодарности за все, что ты дала нам
в жизни, от того, что ты с нами! Живи, родная, долго, будь здо-
ровой и сильной, какой ты была всю свою долгую жизнь. Спаси
и сохрани тебя, бог!

Мы дети непростой судьбы,
Родимой матушки России,
Мы не пигмеи, не рабы,
Мы покорители стихии.
Придет наш час, и мы уйдем
В пенаты вечного Мессии,
В грядущее уйдет без нас
Великая Россия.
Мы верим, к ней успех придёт
Трудами нынешнего века.
Россию к счастью приведёт
Могучий разум человека!

*Подготовила Н. В. Почтарюк.
Фото из архива А. Ф. Воскобойника и сети Интернет*

А. И. Герасимов

«Пришлось немного повоевать ... »

Имя саровчанина, ветерана войны Анатолия Ивановича Герасимова известно по его острой, крайне актуальной статье о проблеме сохранения рек города. А сегодня мы публикуем фрагменты его воспоминаний о военном детстве (полностью с ними можно ознакомиться на портале zatosarov.ru). Как оказалось, подросткам той поры пришлось не только трудиться наравне со взрослыми, но даже ловить немецких диверсантов...

Враг будет быстро разбит ...

Родился я в деревне, в крестьянской семье, 21 декабря (в день рождения И. В. Сталина) 1930 г., и было это на северо-востоке Рязанской области, в красивой лесисто-озерной местности, называемой Мещерским краем. В семье было еще две старших сестры.

В 1941 г. я окончил 3-й класс начальной школы и находился на каникулах, мне шел 11-й год. Я помогал матери вести домашнее хозяйство (отец был служащим), иногда она брала меня на колхозные работы, если выполняла индивидуальный подряд.

Электричества у нас не было, радиотрансляция отсутствовала, поэтому о нападении Германии на СССР жители деревни узнали так. Вечером 22-го июня бригадиры стали обходить дома с просьбой всем собраться у правления колхоза. Приехавший из райцентра посланец рассказал о вероломстве немцев, которые внезапно напали на наши немногочисленные пограничные войска, несмотря на действующий мирный договор с Германией, разбили многие наши части и продвигаются

вглубь советской территории. При этом ни на один из вопросов он отвечать не стал, но предупредил мужчин в возрасте до 36 лет о готовности к мобилизации в ближайшие дни, добавив, что Красная Армия всех сильнее, и под руководством мудрого И. В. Сталина и наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова враг будет быстро разбит.

Я, мои сверстники и одноклассники, пришедшие к правлению, будучи патриотически настроенными, были возбуждены этим известием, и начали бурно обсуждать предстоящий ее ход, как лихо красноармейцы из винтовок и пулеметов станут расстреливать в боях фашистов. Вспомнили неоднократно прочитанные в газетах высказывания наших вождей: «Непобедимая Красная Армия станет бить врагов только на их территории», «Чужой земли нам не нужно ни пяди, но и своей вершка не отдадим», «На удар врага ответим тройным сокрушительным ударом» и др. Но взрослые выглядели встревоженно, память о недавней войне с маленькой Финляндией и наших больших потерях была еще свежа.

Наравне со взрослыми

В конце июля 1941 года всем родителям объявили, что по указанию руководства района школьники в возрасте 10 лет и старше не начнут учебу в этом году, так как их привлекут к работам в колхозе. Поэтому председатель колхоза ходил сам по домам и договаривался с родителями, к каким делам привлечь их детей.

К нам он зашел с насаженным на черенок «шестиручным» полотном косы и сказал матери и мне, чтобы я послезавтра выходил утром в бригаду деда Ивана косить траву около полевых подсохших болот. Полотно было из очень качественной стали с клеймом на нем в виде трех лебедей известной австрийской фирмы. Его он привез еще в 1924 году из Германии, возвращаясь из плена. Австрийская коса оказалась хорошо отбиваемой, с тонким острием, сталь которого была сильно упрочнена

наклепом и потому долго не тупилась, поэтому я мало уставал за целый день, хотя косьба считается в тяжелым трудом. Но заниматься пришлось не только косьбой и заготовкой сена, но и многими другими делами.

Затишье перед бурей

Довелось мне немного и «повоевать». По планам немцев, они хотели захватить Москву к декабрю 1941 г., но войска Западного фронта этому отчаянно сопротивлялись. Тогда враги решили начать штурм Москвы с юга, для чего заняли плацдарм в Рязанской области — Михайловский район. Центр района — Михайлов — находится от нашей деревни в 90 км. Над нами днём летали на небольшой высоте самолеты с крестами на крыльях. Нас они ни разу не бомбили и не обстреливали, хотя на окраине селения обустроилась наша воинская часть, оборудав блиндажи, траншеи и окопы, а также утеплённые землянки для жилья.

Оформлен на службу

Весной 1942 г. посыльный из сельсовета вручил мне официально повестку быть завтра в 9.00 в здании совета. Прибыв в назначенное время, я увидел троих офицеров и нашего председателя колхоза. Один из военных начал говорить, обращаясь, главным образом, ко мне, что фашисты высадили в наши леса много диверсантов. Эти разведчики совершили ряд диверсий и убили нескольких советских руководителей. Для борьбы с ними сюда прислали воинскую часть в составе 180 человек. «Но у нас, — сказал офицер, — нет детальных карт здешних лесов, расположения болот, озер, ручьев и проток, а также проходов, просек и тропинок между ними. Нам нужен знающий все это проводник. Мы обратились к руководству сельского совета, и оно попросило председателя вашего колхоза выделить нам толкового человека, чтобы документально оформить его призванным в армию в качестве проводника. Председатель сказал, что в настоящее время единственным

знающим леса человеком являетесь Вы, так как все лесники мобилизованы на фронт».

Я объяснил, что леса и проходы в них знаю не очень хорошо, и то только в округе нескольких десятков километров. Офицеры посоветовались и сказали, что кроме меня никого другого нет, и, хоть я и школьник, они оформляют меня на службу. Поэтому завтра к 12.00, когда к сельсовету приедут военные, я тоже должен быть тут. Мы пообедаем, обговорим план действий и тремя группами по 60 человек отправимся по маршрутам в леса на поиски фашистов. Связь между собой группы будут держать по рациям.

Вернувшись домой, я всё рассказал матери. Она начала охать и плакать, а затем побежала к председателю, чтобы у него все это подтвердить и уточнить.

Пришла обратно более спокойной. Он объяснил ей, что действительно я там очень нужен, кого-либо другого направлять нельзя, меня солдаты будут всячески оберегать, и вернусь я примерно через два месяца.

Собрав с помощью матери самое необходимое из одежды и сложив все это в заплечный мешок, я явился на другой день к сельсовету. Вскоре туда из райцентра прибыли грузовики с солдатами. Пообедав и немного отдохнув, командиры решили проехать около 15 км до окраины густого и труднопроходимого леса, откуда тремя колоннами направиться на поиски диверсантов...

Охота на диверсантов

На третий день одна из групп сообщила по радио, что она обнаружила и преследует немцев, с которыми уже трижды вступала в перестрелку. К концу этого дня группа вышла на связь и сказала, что солдаты ранили и захватили в плен двух немцев, один из которых сдался сам. Один наш солдат легко ранен. Немцы знают русский язык, все имеют очень подробные карты этой местности. Также пленные рассказали, что на западном

А. И. Герасимов с внучкой

направлении немцы потерпели крупное поражение, далеко отступили и были вынуждены оставить захваченный участок Рязанской области. Диверсантам по радио было приказано пробиваться назад через фронт и продолжать борьбу уже в составе своих войск. Многие, якобы, уже покинули здешнюю территорию.

Командиры групп, посоветовавшись, решили прочесать здешнюю местность и окончательно очистить ее от диверсантов. Меня проводником привлекать больше не стали, так как доставшиеся от немцев карты давали очень подробную и

точную информацию о территории. Всего же операция длилась более двух месяцев, были обезврежены еще четыре диверсанта, но, к сожалению, ранения получили и трое наших бойцов.

Это только часть наших трудностей и невзгод в тылу, тяжелый труд школьников на колхозных и других работах; не описана, например, борьба за выращивание и уборку урожая, частое голодание, поиски и добыча хоть какого-то пропитания, поддержка многих бежавших от немцев соотечественников, оказание помощи эвакуированным.

Подготовил В. Тенигин.

Фото из архива А. И. Герасимова и сети Интернет

О. Ф. Дегтярёва

Чтобы не было войны

Дегтярёва Ольга Федоровна (Калашникова) родилась 25 ноября 1928 г. в Сарове — с января 1952 г., прибыла в числе большой группы молодых специалистов, отобранных из ведущих вузов страны. По её инициативе была создана комплексная лаборатория физико-химических методов анализа. Кандидат технических наук. Автор многих научных статей и изобретений. Во ВНИИЭФ проработала больше 50 лет. Избиралась депутатом Горьковского областного совета.

Война

В 1941 г. я окончила 5-й класс. Было ясное солнечное воскресное утро 22 июня. Родители отдыхали. Отпустили меня на улицу погулять. И вдруг я слышу: «Война».

Собрались у здания института. Слушаем выступления Молотова, Сталина, с тревогой звучит мобилизующая боевая песня — мощный призыв отстоять страну и сделать всё для Победы!

*Вставай страна огромная,
Вставай на смертный бой...*

Война быстро продвигалась на восток. В здании института на первом этаже уже с начала июля располагался госпиталь, который быстро заполнялся ранеными. Хирурги непрерывно оперировали. Мама работала в госпитале.

По территории института гуляли выздоравливающие раненые. Что поразило — это были очень молодые солдаты, похоже, призывники первого года. Мне уже было почти 13 лет, и казалось, что они лишь немного старше меня.

Вначале немецкие самолёты пролетали высоко, уходя на восток, потом они стали обстреливать места скопления людей. Мне пришлось испытать этот ужас, когда по тебе бьют из пулемёта, а ты даже убежать не успеваешь. Я стояла у магазина, ожидая его открытия, людей было

немного, человек 20–30, и вдруг кто-то крикнул: «Самолёт!» Наш или чужой, не сразу научились разбираться, да и время надо, чтобы прислушаться и определить, а он уже дал очередь из пулемёта: одну, вторую, третью. Все бросились кто куда, большинство прижалось к стене магазина, и я тоже. Пронесло. С тех пор у магазинов не задерживались. Ждали у соседних домов и под деревьями.

Эвакуация

Фронт приближался, и с/х институту было приказано эвакуироваться. Увозили ценное имущество, семенной фонд, уезжали ведущие сотрудники и прежде всего члены ВКП(б) с семьями. Мы уезжали тоже. Папа вступил в партию в 1931 году. Удивляет, что эвакуация проходила без особой спешки, без паники. По документам: в конце октября сотрудникам выдали зарплату и проездные удостоверения, а в первых числах ноября нас погрузили в плацкартные вагоны и мы влились в поток составов с ранеными, беженцами, оборудованием и т. д.

Остановили нас на узловой ст. Лихая, забитой эшелонами с людьми. Ожидаем отправления. Спорят, по какой дороге нас

повезут: на север или на юг. А вечером объявляют, что поезд дальше не пойдёт, так как немцы окружили Лихую, и ехать теперь некуда. Прошло около часа, и (о, радость!) со станции сообщили, что окружение снято. Вскоре наш состав вместе с другими по освобождённой южной железной дороге срочно был пропущен на Ростов.

Перед Ростовом нас часто останавливали, и мы долго стояли, так как немцы непрерывно бомбили мост. Там их встречали зенитки и тогда они сбрасывали остатки своего смертоносного груза на беззащитные поезда с людьми. Во время налёта мы убегали кто куда: в открытое поле, к Дону, подальше от вагонов. Затем возвращались, лечили раненых и снова ждали очередного налёта.

Наконец, случился, возможно, нелётный день, и все застрявшие у Ростова поезда, в том числе и наш, двинулись в направлении Минеральных Вод. Мост проехали благополучно, а затем начались обстрелы с брющего полёта по окнам. Прятались кто куда, под защиту дерева и металла. Места под нижним сидением были всегда заняты. Я сидела, вжавшись в угол нижней полки у окна, и почему-то внимательно наблюдала за присутствующими в вагоне. Их было немного, куда исчезли остальные, не знаю, родителей тоже не было. Помню перекошенное ужасом лицо заслуженного в институте доцента (Долгих Л. А.). Он искал, куда бы спрятаться, не замечая рядом присутствующих. Кто-то бегал в поисках детей, но всё тихо, без крика, как будто он мог навлечь ещё более яростную атаку с воздуха.

Обстрелы повторялись и на станциях, где люди выходили за кипятком или продуктами на перрон. Тогда самым лучшим укрытием были бетонные погреба, для чего-то используемые рабочими, и не всегда открытые для проезжающих. Обстрелы продолжались до города Грозный, а к вечеру мы уже были в Махачкале.

Дальше наш путь по морю. Ищут корабль, но кроме нефтеналивного судна (баржи) ничего нет. Нас сразу, несмотря на

девятибалльный шторм, погрузили на баржу. Помню неустойчивый от порывов ветра настил от причала до палубы, по которому передвигались поодиночке. Вверху нас ловили матросы. Страшно было идти, когда доски под тобой движутся, а внизу бурлящее море. Баржу долго не отправляли. Кроме нас на ней были дети из детских домов и беженцы из Ворошиловграда. Я там встретила даже свою подружку из детдома. Их держали внизу в трюме, и с нами им запрещалось общаться. Многим было плохо. Укачивало, а тут ещё запах нефти.

Всех из нашего состава разместили на палубе. Тут и воздух чище, и море рядом, а внизу можно представить, что творилось. Каюты только у немногих моряков. Туалет один. И туда с палубы на лестнице стоит постоянная очередь, а снизу подают пар, наверное, для дезинфекции. У отца поднялась температура, и один из моряков взял его на время к себе в каюту. Меня же на палубе рвало и мне было позволено заходить иногда к папе в каюту.

По морю плыли в потёмках вдали от Баку в сторону Красноводска. Там нас перегрузили в товарные вагоны. Внизу — имущество института: ящики, свёртки, затем наши вещи и так до самой крыши. А под крышей — люди и только лёжа. Был большой дефицит вагонов, так что не до жиру, быть бы живу. Ехали медленно, часто и подолгу стояли. Иногда в поле, где никого и нигде не видно было, устраивали генеральную разминку и чистку. Все вылезали из своих нор, чистились, умывались, мыли голову густым гребешком с ватой (предложение профессора Луцкого). Ведь мы ехали около полутора месяцев, и за это время мыли разве что только руки. Иногда удавалось сварить кашу на костре.

Итак, мы в Таджикистане. Время в пути — с 01.11.1941 по 10.12.1941 г. Поселили нас обособленно, на территории каких-то пустующих помещений Ленинабадского с/х института за городским парком. За домом пустое место с уклоном к р. Сыр-Дарья. Берег отвесный, крутой, высотой 3–5 метров. Река очень бурная, широкая.

Наш двор обнесён забором в рост человека, называется дувалом. Он сложен из глинистых кирпичей, между ними щели, отверстия, в которых днём прячутся жуки, пауки, скорпионы, змеи. Посреди двора на высоком столбе — чёрная тарелка репродуктора. Сюда в определённое время сходились послушать известия с фронтов. Земля вокруг двора серо-желтая, пыльная, глинистая, сухая, без единой травинки. Спать в комнате было душно, выносили кровать во двор, накрывали марлевым пологом (от москитов) и так до утра. Ночью, помнится, не вставали, а на рассвете вся земля вокруг была покрыта следами от ползающих змей и другой живности, которая днём где-то пряталась (в дувалах, в земле).

В летнем театре билеты проверяла чья-то знакомая, поэтому, наверное, а может, и из-за недостатка зрителей, вход на спектакли нам, детям, был свободным. Мы весь репертуар пересмотрели не по одному разу. Театр тоже был эвакуирован из Ворошиловграда и выживал, отвлекая публику от повседневных забот о пропитании.

Мы тоже попробовали вырастить какие-то овощи. Землю между нашим домом и берегом Сыр-Дарьи раскопали под огород и посадили там помидоры. Поливать было моей заботой. Спускаться с отвесного берега за водой было довольно просто, только бы не угодить в реку. Течение стремительное, противоположный берег — гора, где, по слухам, добывали уран. Река несёт много ила, постоянно образуя воронки. Однажды в полутора метрах от берега погибла женщина. Её засосало в воронку и выбросило на берег. А вдали от берега в воронку затянуло лодку с людьми, все погибли.

Вот из такой реки я черпала воду и с трудом затем забиралась по очень крутому берегу, чтобы полить 2–3 куста помидоров. Поливать надо было в несколько приёмов, понемногу, так как через промоины в почве вода утекала вниз (в реку). Ходить между рядами по политому участку нельзя — провалишься выше колен. Страшно! Был ли урожай помидоров — не помню, наверное, я в это время уже работала в колхозе.

Время было голодное. Однажды отец из командировки привёз какое-то местное масло (кажется, кунжутное). Вот был праздник! В городе многие пухли с голоду. Было много эвакуированных, которые имели аттестат (денежный) от воюющих членов семьи, но его, говорят, хватало на 5–6 дней. В школе ученикам с утра давали по пирожку с требухой, в том числе и отсутствующим. Эти распределялись по очереди каждому.

Где-то в 1942–1943 гг. в наш класс пришёл необычный ученик, очень худой, одетый кое-как, весь какой-то зажатый, словно скукоженный. И вдруг мы узнаём, что его семья (кажется, сестра, бабушка и он) голодают. И тогда по моей просьбе (я была в то время уже старостой класса) все решили отдавать лишние пирожки Юре Бабаеву. Да, это был он — будущий академик, Герой Социалистического Труда, лауреат всех возможных премий, разработчик первых образцов термоядерного оружия. Он и тогда был выше всех нас по уму и общему развитию. На олимпиаде решал задачи раньше всех. Учёба ему давалась легко. Но школу ему пришлось бросить, и семью он увёз в деревню (так говорили), чтобы не умерли с голоду, и там работал. Встретила я Юру много лет спустя, в 1952 г. на нашей Саровской земле. Он экстерном сдал экзамены, окончил МГУ и на год раньше меня был направлен в город.

Таджики к нам, русским, и всем эвакуированным относились терпимо, но не всегда и не все. Были случаи пропажи детей. Так у нашей соседки (жены офицера), работающей воспитательницей в детском саду, пропал мальчик: мать довела его до дверей, но куда-то спешила и не сдала в руки воспитателю, и ребёнок исчез, не нашли.

Как-то мне пришлось участвовать в военных занятиях старших классов. Учения проходили за городом в саду. Рядом виноградник и хранилище, сплошь заполненное виноградом. На воздухе, прямо на земле, на лёгкой подстилке из какой-то трухи в полной антисанитарии сушился урюк. Это те же сухие абрикосы, но с гораздо более высоким содержанием сахара. Рядом под абрикосовым деревом, сплошь

усыпанным плодами, сидела молодая таджичка и на камне разбивала косточки, извлекая зёрна (орешки) и выбрасывая мякоть. И это в то время, когда приезжее городское население голодало. Помнится, мама пойдёт на базар, продаст какую-нибудь из вещей, купит килограмм картошки и делит её на неделю. Особенно хорошо продавались папины рубашки с украинской вышивкой воротника и передних полок. Мама очень хорошо вышивала крестом, гладью, да и филейные работы у неё были отличные.

В летнее время в Таджикистане было очень жарко. От нашего дома, чтобы попасть в город, нужно было пройти через городской парк. Первые 200–250 метров — открытое пространство: это дорожка и вдоль неё арык (канавка, заполненная проточной водой). Я открытое солнцу место старалась пробежать, чтобы поскорее укрыться в тени деревьев, а мама каждые 10–15 метров смачивала косынку в арыке, чтобы охладить хоть немного голову. В то время на солнце измеряли ~70°C. У мамы начались болезни: перебои в сердце, давление, головные боли, и она перестала выходить в город во время жары.

С весны 1942 г. начались работы в колхозе на хлопковых полях. Как сейчас помню, бесконечные ряды подрастающих кустов хлопка высотой до ~0,3 м, а между ними глубокие канавы. Вода из р. Сыр-Дарьи поступает в отводной канал, затем с помощью насосов направляется в канавы между рядами хлопка. Нам необходимо было с помощью большой стальной мотыги (кетменя) перенаправлять воду в ещё сухие ряды. Всё бы ничего, но кетмень тяжёлый, весил, как мне казалось, 7–10 кг, таскать его и ворочать землю им не всегда получалось. Тогда подходил взрослый сильный таджик и помогал разбить слипшиеся комья земли, а иногда переводил на более лёгкий участок. Кормили нас один раз в сутки. Давали нам довольно густой суп из чечевицы, и это было благо по сравнению с домашней едой, вернее с её отсутствием. Иногда голодные мальчишки щипали какие-то «хлебные кусты», но их за это наказывали.

Под осень и до конца ноября шли работы по уборке хлопка. Помню, бескрайние белые хлопковые поля. Кусты высотой мне до плеч. Надо было собрать вату из всех раскрывшихся коробочек, да так, чтобы сухие части бывшего цветка не попадали в сборник. В противном случае хлопок шёл 2-м сортом, требовал повторной очистки и был непригоден в качестве стратегического сырья в производстве боеприпасов.

Чтобы собирать больше хлопка, я решила попробовать раз-рекламированный до войны способ сбора хлопка двумя руками (предложила пионерка Мамлакат ~1939 г.). И у меня получилось. Хлопок шёл первосортным, в 1,5–2 раза больше, чем у остальных. Сборник в виде открытой сумки привязывался на поясницу и за шею. Таскать его было не столько тяжело, сколько неудобно: он быстро наполнялся. А потому в стороне выбиралась полянка, где у каждого сборщика был свой мешок, куда он высыпал хлопок, после чего мешок взвешивался. Время от времени мешки переносили на другое место ближе к сборщикам, и это было нелегко. В конце дня таскать мешки я была не в силах, и мне стали помогать ребята. Как-то за смену я собрала 13 кг, а спустя некоторое время, уже в школе, услышали сообщение, что 3 ученика из всех школ города (в том числе и я) награждаются за успехи при сборе хлопка. Наградой этой была большая готовальня со всеми принадлежностями для черчения. Её успешно использовала не только я, но и потом мои сыновья во время учебы в школе, и сейчас кое-что из набора ещё сохранилось.

Об успешной работе на хлопковых полях узнал мой родственник, который в то время воевал. Он прислал с фронта открытку с поздравлением. Открытка сохранилась, датирована 23.01.1943 г.

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом (02.02.1943 г.) и Курском (05–23.07.1943 г.) наступил коренной перелом в Великой Отечественной войне. В феврале 1943 г. был освобождён Ворошиловград. Наша семья вместе со всеми сотрудниками с/х института покинула Тад-

жикистан и выехала поездом через Ташкент на запад. Ехали долго, пропуская воинские составы, 02.02.1944 г. прибыли в Ворошиловград...

Зурраст вуй Оли! 23.143

Оли, пишу писмо с фронта
кто и Стасика напав.

Оли храни эту откритку
а при встрече с тетей
Залей и Стасиком поговори
им, что моя ты тоже
участвовала в ответственной
войне помогай фронту
не только имела переписку,
а как ты отлучаешься на
работе за это тебе
премировать в совхозе.
Оли желаю тебе успехов
в учебе и в твоей помощи
фронту, а я буду бороться
с заклятым врагом до победы
защитаю свободно жизнь сов.
народа. Доевданик желаю тебе

Крепко и за стабильно и на радио слы, еще не знаю имени Оли

Ю. Г. Дегтярёв

Дети фронту на «Смерть фашистам!»

Дегтярев Юрий Григорьевич, родился в г. Кургане 11 марта 1929 года. Окончил физико-механический факультет Ленинградского политехнического института и с 1953 до 2003 года работал во ВНИИЭФ. Основные направления деятельности: экспериментальные и расчётно-аналитические исследования констант нейтронного взаимодействия с атомными ядрами, участие в проведении физизмерений на Семипалатинском и Новоземельском полигонах. Кандидат физико-математических наук. Награждён медалями «Ветеран труда», «Ветеран атомной энергетики и промышленности», «За доблестный труд».

Известно, что в 1942 году доля подростков на оборонных предприятиях страны составляла 15 % от числа работающих. Об этом, сегодня особенно, как-то не принято внятно говорить. Такого рода воспоминания идут под рубрикой «Детство, опаленное войной». В предлагаемых материалах, написанных к 30-летию окончания Великой Отечественной войны, гордость за то, что частица детского труда была вложена в общий потенциал Победы.

22 июня 1941 года. Репродукторы сообщили о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. Помрачнели лица людей, мигом повзрослели ребятишки из нашего и соседних дворов, прижавшихся к реке Исеть в городе Свердловске. Еще вчера это были отъявленные хулиганы, озорники и проказники.

Разом прекратились ребячьи игры в войну, закрылись дворовые мастерские по изготовлению разного рода стреляющих приспособлений, чем издавна славился наш район. Будто вне-

запный гром, началась война, и вчерашние пацаны-драчуны тоже прониклись ответственностью за судьбу страны, которую знали лишь по урокам географии. Вполне естественно, что уверенности в скорой победе в нас было больше, чем у взрослых. Мы старались, как могли, утешить плачущих и упавших духом женщин, провожавших на фронт своих сыновей и мужей.

На Урале лютая тяжесть войны накатывалась все сильнее и сильнее по мере военных успехов захватчиков в 1941–1942 гг. Особенно трудной мне запомнилась суровая зима 1942–1943 гг. Наше школьное здание переоборудовали под госпиталь.

Была организована учёба в третью смену в удалённой школе. В классе случались голодные обмороки. А вокруг солдатские вдовы и матери погибших на фронтах. Новые и новые проводы в армию тех, кто чуть подрос, а также добровольцев старших возрастов. Осенью 1942 г. ушёл воевать отец. Страна в предельном напряжении сжимала кулак перед всё ещё оскаленными зубами фашистов, и они начали неотвратимо осыпаться.

Тринадцатилетние пацаны с большим усердием обследовали сбитый «Хейнкель», выставленный на Площади 1905 года, собирали (хоть из-под земли) металлолом, шефствовали над одинокими пожилыми женщинами, мечтали о победе и собственном существенном вкладе в неё. Но, к сожалению, на работу до 14 лет решительно не принимали. Постоянно хотелось есть... Добыча чего-нибудь мало-мальски съедобного также была нашей каждодневной заботой... Очень холодная зима... Дров хватало только на «буржуйку». К утру вода в ведре и умывальнике замерзала... Да что об этом.

Ранней весной 1943 г. мы переехали в г. Курган в дом моего деда. Мне исполнилось 14 лет. Все предприятия тогда выпускали продукцию для фронта. Я поступил работать на завод (в метрическом свидетельстве проставлены штампы «Союзлесотара»), который был теперь подчинён главному минному заводу и готовил два вида продукции: ящики для ствольных батальонных мин калибра 82 мм и бочки под со-

лонину соседнего мясокомбината (естественно, тоже для фронта).

Обучение столярному и бондарному делу состоялось за один день, и в дальнейшем каждый из нас (я имею в виду пациентов) самостоятельно трудился у своего верстака, равняясь на опытных стариков и женщин. Первое время я работал бондарем. Научившие нас делать бочки парни уже имели на руках повестки в военкомат, и вскоре ребята нашего поколения стали главными (заправскими) бондарями. С большим чувством на каждой изготовленной бочке мы выводили краской слова «Смерть фашистам!»

Через некоторое время меня перевели на участок по изготовлению ящиков для мин. Здесь тоже все операции, включая нарезку досок и брусьев на циркульной пиле, превращение их в прочное изделие под две мины с откидной крышкой, замком и ручками, выполнялись каждым рабочим без какого-либо разделения труда. Только обработка посадочного места для мин специальным составом и складирование готовых ящиков для отправки производились специально выделенными людьми.

Мне до сих пор немного неловко перед фронтовиками за то, что наши ящики были занозистыми и некрашеными: время было такое, не до красоты. Зато, надо полагать, они хорошо горели в костре и фронтовой печурке, обогревая солдат в минуты затишья.

Приходилось работать и на токарном участке по обработке корпусов мин в основном цехе завода. Здесь мы обтирали от масла и стружки поступавшие по транспортерным лентам еще горячие от скоростной обработки изделия и выставляли их рядами на попа — картина, многим знакомая по документальным фильмам военных лет.

Цех деревянной тары представлял собой огромный деревянный сарай с рядами верстаков, деревообрабатывающих станков различного назначения и пил. Приходилось ребятам работать на многих из них, и конечно, случались травмы. Работа шла беспрерывно (только на обед) и с молчаливой со-

средоточенностью, часто в ночную смену. Рабочая смена для нас продолжалась десять часов, для взрослых — двенадцать. Наверняка были руководители, задания и нормы, но, как мне представляется теперь, каждый рабочий тогда сам по себе стремился выдать за смену максимум ящиков, зная, что это очень нужно фронту. Хорошо запомнил только одного начальника, это иногда приезжал директор (а может быть, военпред) завода. На бричке, в которую был запряжён сильный нетерпеливый конь. Одет «директор» был с ног до головы в черную кожу (кепка, куртка, галифе, сапоги). В руках он держал короткий кожаный хлыст (конечно, для коня). Был с виду строг и озабочен, но не ругал, а подбадривал и интересовался, не подводят ли поставки материалов, как нас кормят в обед.

Нередко по окончании ночной смены мы, набрав из-под циркульной пилы опилок, засыпали от усталости на пару часов где-нибудь в углу под грохот молотков и визг пилорам. Однако наши силы хорошо подкреплял ежедневный обед — суп из жирных бараньих кишок, поступавших по кооперации с того самого мясокомбината.

По молодости усталость после работы исчезала довольно быстро, и все другие моменты жизни не обходили нас стороной. Читали газеты, переставляли флажки на карте, отмечая последнюю линию фронта, копали картошку, ходили смотреть «Чапаева» и «Котовского»...

В Курском сражении был тяжело ранен мой отец. Оказавшись в результате ряда перемещений в госпитале г. Кургана, где вблизи семьи его выздоровление происходило заметно быстрее, он велел мне продолжать учебу в школе. В ноябре нас принимали в ряды ВЛКСМ. Начиналась комсомольская жизнь. Но это уже другой рассказ.

До конца войны, до Великой Победы, было еще 1,5 года.

А. Г. Звенигородский

Воспоминания

Звенигородский Анатолий Григорьевич родился 16 августа 1939 г. в г. Киеве УССР. В 1963 г. окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ, Москва) по специальности «Экспериментальная ядерная физика». С 1962 г. по 2006 г. работал во ВНИИЭФ, г. Саров, пройдя путь от лаборанта до начальника лаборатории. Награждён медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». В 2006 г. вышел на пенсию, преподает в СарФТИ. В настоящее время доцент кафедры ядерной и радиационной физики, ведёт курс «Квантовая механика» для студентов 3-го года обучения.

Признаюсь, эти воспоминания родились и воплотились в то, что Вы сейчас видите и читаете, благодаря значительным усилиям Егорова Вячеслава Ивановича.

Мои родители — отец Звенигородский Григорий Викторович (14.07.1913–02.04.1979) и мать Звенигородская (Гальперина) Феня Семёновна (26.05.1913–10.06.2008) — до войны студенты киевских вузов. В 1939 г. мама оканчивала Киевский государственный университет по специальности «Историк», а отец работал инженером на киевском заводе «Арсенал», учась на вечернем отделении Киевского политехнического института.

Война для них, как и для всех советских людей, явилась трагической неожиданностью, несмотря на то, что все говорили о ее возможности. Киевский «Арсенал» должен был эвакуироваться на Урал в г. Воткинск Удмуртской АССР. Отец пропал на заводе, участвуя в формировании эшелонов с заводским оборудованием. Заботу о ближайших родственниках

Крайняя слева — моя мама, крайняя справа — её старшая сестра Лиза. Комсомольская ячейка, 1928 г.

(своей матери и бабке с её родными сестрами) он перепоручил маме, что она благополучно провалила, не сумев уговорить стариков отправиться в эвакуацию вместе с нами, да и сама чуть было не осталась в полуокружённом Киеве. В результате они, что тогда не могло присниться даже в страшном сне людям того поколения, оказались в Бабьем Яру расстрелянными дедами нынешних украинских националистов-бандеровцев. Мы же с мамой были подобраны последней машиной, выделенной тогда, когда казалось, что всё пропало, руководством завода, которое сделало все возможное, чтобы вывести все семьи сотрудников из оставляемого войсками города.

В результате отец ехал в эшелоне с оборудованием, а мы — в последнем эшелоне, успевшем выскочить из Киева, с эвакуировавшимися семьями работников «Арсенала».

Бомбежка нашего эшелона, или скорее, имитация оной, в исполнении германских лётчиков запечатлелась у меня яркой картинкой: масса испуганных людей, бегущих к лесочку, и я на руках у матери. К счастью для всех, немецкие лётчики полностью израсходовали ранее боекомплект и нас пытались лишь

попугать, а себя потешить, проходя на бреющем над остановившимся эшеленом.

Эвакуировали нас в г. Воткинск Удмуртской АССР на родину Петра Ильича Чайковского. Сам город и его завод не случайно оказались в списке мест, куда планировалось эвакуировать оборонные заводы, подобные киевскому «Арсеналу». Воткинский оружейный завод уже в 1939 г., т. е. за два года до войны, попал в списки предприятий, которые должны были бы принять, в случае необходимости, оборонные заводы с запада страны. (Это к слову о том, что сталинское руководство ничего не делало или делало преступно плохо при подготовке страны к войне с фашистской Германией.) Таким образом, эвакуированный на Урал киевский оружейный завод «Арсенал» занял цеха Воткинского оборонного завода.

Моя первая марка, подаренная мамой через два года после ухода отца на фронт. На марке изображена знаменитая «сорокапятка», противотанковая пушка, выпускаемая в больших количествах «Арсеналом» в 1941–1943 гг., а затем полностью замещённая 76,5 мм противотанковой пушкой конструкции Грабина

Надо было срочно налаживать выпуск противотанковых пушек. Для справки: в годы Великой Отечественной войны по заказу ГКО в Воткинске киевским заводом «Арсенал» было изготовлено более 52 тысяч противотанковых орудий.

В настоящее время одно из предприятий на основе Воткинского завода выпускает межконтинентальные баллистические ракеты стратегического назначения «Тополь-М», входящие в основу «ядерного щита» России, и ряд других изделий военного назначения. Среди гражданской продукции — оборудование для нефтяной, газовой промышленности и станки.

Нас поселили в одном из деревянных домов, принадлежавшем рабочему заводу, имя которого я, к сожалению, не запомнил, а фамилию скажу — Зорин. Немец стоял уже под Москвой, поэтому взрослым особенно хотелось подбодрить и порадовать детей праздником Нового года. Была прекрасная ёлка, чудесные подарки, особенно большущий конь, на которого я, двухлетний малыш, мог взобраться только с помощью отца, и незабываемое впечатление от покорения этого благородного животного. Я гордо сидел на покорённой мной лошади. Взрослые вокруг шумно радовались, тем более, что празднование совпало с победой советских войск над гитлеровцами под Москвой.

Но очень скоро, уже в начале лета 1942 г., это прекрасное чувство уверенности в коренном переломе хода войны сменилось тревогой, вызванной жестоким поражением наших войск под Харьковом и в Крыму. И здесь опять яркое детское впечатление: мы с мамой едем на станцию, где формируется состав с призывниками, провожать отца на фронт. Отец прощается с нами. Все плачут. Состав трогается. Женщины подхватывают детей и пытаются бежать за эшелоном.

Паровоз протяжно гудит и ускоряет ход. Отец вместе с остальными военными быстро и, казалось, навсегда удаляется от нас. С тем же возницей возвращаемся уже в опустевший дом. Детское ощущение покинутости долго не оставляло меня, и я часто, не думая, ещё не раз пугал маму словами, что папу убили. Это вызывало у неё неподдельные слезы и просьбы никогда больше не говорить ничего подобного.

Меня часто спрашивают, как же так получилось, что ваш отец был призван на фронт с завода, являвшегося одним из базовых предприятий в наркомате обороны, где практически все инженерные кадры имели «бронь» — были освобождены от призыва в действующую армию. Тяжелейшее положение заставило руководство страны пересмотреть мобилизационные планы в сторону их ужесточения, что коснулось и сотрудников, защищенных «бронью». Брали всех, кого могли по тем

Благодарность старшему лейтенанту Звенигородскому Григорию Викторовичу

Разбор полётов (крайний слева — мой отец). 1944 г.

или иным веским причинам лишить спасительной «брони». Не минула эта компания и отца. Вылилось это конкретно для него в то, что на собрании коллектива, на котором присутствовал командующий Уральским военным округом, директором завода был торжественно объявлен список добровольцев, изъявивших желание встать на защиту страны. В этом списке неожиданно для отца присутствовала и его фамилия, вписанная туда чьей-то услужливой рукой. Так он стал добровольцем и честно пронёс свой воинский долг, начиная с поздней осени 1942 г. до победного мая 1945 г.

В результате, мы с мамой остались одни, согреваемые, к счастью, регулярными весточками с фронта от нашего защитника, который после окончания в конце 1942 г. Саратовского лётного училища по специальности штурмана проходил службу в 101-м полку дальней бомбардировочной авиации под командованием Героя Советского Союза Валентины Степановны Гризодубовой.

К слову сказать, таких, как мы с мамой, было большинство. Мужчины сражались на фронте, а женщины заменили их в цехах предприятия, круглосуточно работающего на нужды фронта.

Пошла на завод и мама, овладевшей к тому времени бухгалтерским учётом, чему способствовало и высшее образование, полученное в киевском университете, и домашнее воспитание (дед был во времена нэпа управляющим крупным сахарным заводом на Украине). Я же ходил в детский сад. К тому времени мы переехали в новый дом, построенный заводом для своих рабочих, в котором получили просторную комнату на двоих.

Шёл 1944 г., четвёртый год войны, которая стала для нас, пяти-шестилетних ребятишек, страшно подумать, обычным атрибутом нашей жизни. Она присутствовала в играх, в рисунках на занятиях в детском саду, в сопереживаниях, когда в ту или иную семью приходила похоронка на близкого человека. Я был уже достаточно взрослым и хорошо помню нашу жизнь в коммунальной квартире, где помимо нас квартировались ещё две семьи. Несмотря на тяжёлые годы войны я не помню ни одного случая крупной ссоры, наоборот, запомнились лишь моменты коллективных посиделок на общей кухне, когда жена соседа Фёдора Настя готовила картофельные оладьи или, как говорят на Украине, драники, и мы, то бишь я и дочь соседней семилетняя Галя, с неподдельным аппетитом поглощали их. Третью маленькую комнату занимала бездетная интернациональная пара: он немец Поволжья по имени Адольф, водивший воинские эшелоны с продукцией «Арсенала» на запад, а обратно — санитарные поезда с фронта на Урал, и его жена — красивая киевская еврейка.

Глубокой осенью 44-го года приехал с фронта в отпуск по случаю ранения отец. Я не сразу узнал его в офицерской форме с новыми погонами и двумя орденами на груди. Особенно дорожил он боевым орденом Красной Звезды, полученным за выполнение боевой операции, когда ему по приказу командира пришлось покинуть теряющий высоту самолёт. (Тем

более для нас уже после его смерти осознавать факт потери, кражи этого ордена каким-то мерзавцем, случившейся уже во время похоронной церемонии). В начале декабря отец уехал на фронт, оставив после себя яркие воспоминания и кое-что ещё более весомое, реализовавшееся ко дню окончания Второй мировой войны в моего младшего брата Виктора.

Что касается нашего с мамой житья-бытья, то вскоре оно заметно изменилось. В начале 1945 г. приехали из Саратова бабушка и дедушка, чтобы помогать маме во время беременности и после рождения ребёнка. Они поселились в комнатке, которую к тому времени освободили Адольф со своей женой. Мама любила литературу и старалась, как могла, привить эту любовь и мне. В результате я уже в 5 лет знал много стихов и сказок, которые читала мне мама в долгие зимние вечера нашей воткинской одиссеи.

В начале сентября 1946 г. за нами в Воткинск приехал отец. Его дивизия, закончившая войну в Германии, была передислоцирована в Россию. Головной полк и штаб дивизии, где к тому времени служил отец, дислоцировались в г. Туле, легендарном городе российских оружейников. Отец принял

решение не возвращаться на «Арсенал», а остаться в армии, служба обеспечивала в то голодное и жестокое время относительное благополучие семье с двумя малыми ребятами. Мне тогда уже исполнилось семь лет, и я пошёл в первый класс. Я не только научился хорошо читать и грамотно писать, но и сумел окончить среднюю школу с золотой медалью. И здесь я не могу не сказать, что за всеми моими успехами стоял большой труд моих родителей, который проявлялся не только в помощи, которую они мне оказывали, но и был ярким примером ответственного отношения к исполняемому ими делу.

Следует отметить, что послевоенный период 1946–1949 гг. был наиболее трудным для людей того времени. Более половины густонаселённой европейской части СССР лежало в руинах. Бывшие союзники нам объявили новую — «холодную» — войну, и ужас от её возможного перехода в «горячую» ясно прослеживался в разговорах людей. Фраза «только б не было войны» — это не выдумка поэта, это общее чаяние — тех дней, когда американцы, обладавшие атомной монополией, реально планировали атомные бомбардировки советских городов, и только невероятные усилия советского общества, мобилизованного своим руководством, которому безгранично доверяло и верило, позволили остудить головы горячих американских парней. Как мы все помним, Советский Союз испытал свою первую атомную бомбу РДС-1 в августе 1949 г. на Семипалатинском полигоне в Казахстане, через четыре года после окончания мировой войны.

Это время (1946–1949 гг.) запомнилось мне постоянным ощущением холода и голода, поразивших практически всех вокруг, не исключая и пленных немцев, строивших в то время магистральное шоссе Москва — Симферополь, которое проходило и через Тулу.

Вспоминая этот послевоенный период, не могу не отметить ещё одну значимую его особенность. Как ни странно это осознавать, но война с нацистами, одним из основных лозунгом которых была борьба с мировым еврейством, вызвала бук-

важно повсеместно как в Европе, так и у нас в России всплеск бытового антисемитизма. Коснулось это и меня лично, так что значительные усилия мне пришлось в это время прикладывать к отстаиванию своего «Советского Я», что практически ежедневно приводило к дракам с малолетними носителями черносотенного сознания. Надо сказать, что довольно часто из этих столкновений я выходил победителем, так как пользовался весомым аргументом, — достаточно простым и моим обидчикам весьма в то время понятным: «Немцы ненавидели евреев, ты, повторяя их слова, становишься их союзником, пособником». Это действовало. Более того, как у нас в семье, так и повсеместно в печати и по радио, а также школе, интернационализм, присущий советскому обществу, постоянно подчеркивался и поддерживался.

Военное детство кончилось в 1956 г. с окончанием средней школы с золотой медалью и поступлением в Московский институт инженеров геодезии, картографии и аэрофотосъемки. Но это уже другая история.

С. М. Зиброва

Мне шёл седьмой год...

Зиброва Светлана Михайловна приехала в наш город после окончания в МГПИ им. В. И. Ленина в августе 1957 года. Работала воспитателем в д/с №12, методистом детских садов в административно-хозяйственном отделе (АХО), учителем в педагогических классах школ №1, 3, 15, а с 1966 года в течение 25 лет — инспектором гороно.

Избиралась секретарем комсомольской организации в АХО, профгруппоргом (22 года) в гороно, в партбюро в партийной организации горисполкома. В настоящее время входит в совет ветеранов при Доме учителя (с основания совета в 1995 году).

Награждена знаками «Отличник народного просвещения РСФСР», «Отличник просвещения СССР». В 2017 г. награждена почетной грамотой городской Думы Сарова.

22 июня 1941 года

Мои детские и юношеские годы прошли на Южном Урале, в Челябинске, в районе Челябинского тракторного завода. Мне шёл седьмой год, когда 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Жестокая война... В тот день было тепло, солнечно, и в семье радость: к нам в гости из деревни приехал любимый дедушка Василий посмотреть на внука Шурика, которому исполнился 1 год и 2 месяца.

Мне разрешили поиграть во дворе, да еще босиком! Но когда я, веселая и радостная, вбежала после прогулки в комнату, я поняла, что взрослым не до меня. Все с тревожными лицами припали к «черной тарелке» радио, слушая диктора. Так весть о «подлой» войне вошла в мое сознание.

В тесноте, да не в обиде

Светлана с братом Сашей

В наш город были эвакуированы предприятия и население из Днепропетровска и Ленинграда. В деревню, где жили наши родственники, привезли семьи из Белоруссии. Тракторный завод реорганизовали в танковый им. С. М. Кирова и пополнили сотрудниками из Ленинграда. Из-за нехватки жилья прибывших пришлось подселять к местному населению. В нашей коммунальной трехкомнатной квартире в соседнюю комнату (там жили двое, муж и жена) подселили ленинградскую семью из троих человек... Жили, конечно, трудно. Выручали хлебные карточки, значение которых невозможно переоценить. Благодаря им хлеб получала каждая семья.

Дополнительно открылась баня (в домах горячей воды не было), где каждому при посещении выдавали кусочек хозяйственного мыла. Хорошим подспорьем были и общественные прачечные, в них были созданы условия для желающих постирать бельё (горячая вода, тазики, скамейки и т.д.).

В летний период для детей сотрудников завода вдали от города (в лесу) был открыт оздоровительный лагерь. Помню, как я, городская девочка, удивлялась, какие, оказывается, вкусные щи с зеленой крапивой.

Дело всех

До нашего города немецкие самолеты не долетали, но подготовительная работа с населением проводилась. По объявлению жители должны были погасить свет в домах или зате-

нить окна. В такие вечера мне поручалось выбежать на улицу и посмотреть, плотно ли затемнены наши два окна на третьем этаже. В подъезде и на улице, помню, в это время было темно и жутко. А над городом пролетал наш самолет для проверки.

Мой отец (в начале войны ему было 30 лет) работал в сталелитейном цехе на руководящей должности в ОТК (отдел технического контроля). У него, как и у многих сотрудников, была бронь, и на фронт его не взяли. Завод выпускал мощное грозное оружие — танки.

Жены заводчан в основном были домохозяйками. Поскольку мужья приходили с работы поздно и выходных дней не было, бытовыми хлопотами по дому, заботами о детях занимались исключительно женщины. Однажды директор завода тов. Зальцман провел с ними собрание в заводском театре. Объяснил, какую ответственную государственную программу выполняет завод, просил учесть такую обстановку и по возможности помочь своим мужьям.

Моя мама (ей было тогда 28 лет) была домохозяйкой и надомницей. Она откликнулась на обращение швейной мастерской о помощи по выполнению плана. У нас дома была хорошая ножная швейная машинка. Мама приносила из мастерской скроенную ткань и шила из нее нижнее белье для солдат.

Брат отца Иван воевал на Западном фронте, попал в плен. Их лагерь освободили американские войска. Возвращаясь домой, в г. Шумиху (Курганская область), дядя Ваня заехал в Челябинск, посетил родственников, побывал и в нашей семье. Рассказал о пережитом, о жестокости фашистов.

Спасительные игры

Осмысливая прошлое и пережитое, удивляюсь, как в тех условиях детей не покидала потребность в играх. Родители решали нам играть во дворе, следя за нами из окон квартир. А игр было большое разнообразие: в «прятки», со скакалками, с мячом, в «догонялки», в «классики» и др. В играх мы много

бегали, прыгали, проявляли ловкость, находчивость, смекалку и т.д.

Хочется подробнее рассказать об игре в «школу». В нашем, подъезде жили две школьницы (близнецы) и очень часто играли с нами во дворе. Нам это нравилось. Однажды они предложили игру в «школу». Мы, дошколята, с радостью согласились. «Учительницы» приводили нас в класс (в подъезде), рассаживали на ступеньки. Доской служила фанера, прибитая вместо стекла к оконной раме и окрашенная в черный цвет. На ней было удобно писать мелом. До сих пор для меня остается загадкой, как эти юные «учительницы» научили меня считать, писать. Эти умения еще более усилили во мне желание учиться в первом классе. Позже мама меня записала в детскую районную библиотеку. Первая прочитанная книга — «Конек-горбунок» П. Ершова. Чтение я полюбила на всю жизнь.

На прогулках зимой тоже было весело, интересно. Во дворе со снежной горки катались на санках. Большая площадка между нашим и противоположным домом заливалась водой. В середине катка — нарядная большая елка.

Коньки привязывались к валенкам. Катались и взрослые, и дети. Я — тоже, коньки «ласточки» достались мне от двоюродной сестры.

Булочка и ложечка сахара

В 1 класс школы я поступила 1 сентября 1943 года. Сколько усилий потребовалось в условиях суровой войны учителям, родителям, чтобы обеспечить обучение и воспитание школьников! В город прибыло с фронта много раненых. Формировалась сеть госпиталей, и в мужской школе №48 разместили госпиталь. Всех учащихся перевели в нашу, женскую школу. Занятия стали проходить в три смены. Учебников не хватало, учителя распределяли один учебник на несколько человек.

Не было и тетрадей, мне папа приносил из цеха блокноты, разрезанные пополам (бумага серая). Портфелей тоже не

было. Мама сшила мне из двух цветных лоскутов сумочку (зеленую с коричневым). В памяти сохранилось, как учительница в классе раздавала нам белые булочки и сахарный песок (по чайной ложечке), подобного лакомства дома тогда не было. Уроки музыки из-за отсутствия преподавателя не проводились, но учителя организовывали праздничные утренники, мы охотно читали стихи, пели песни, танцевали.

Учителя настраивали нас на хорошую и отличную учебу, говоря, что это наш вклад в дело Победы. И мы старались! И вот наступил долгожданный День Победы – 9 мая 1945 года! Жестокая война закончилась. Трудности и проблемы начали постепенно отступать, «растворяться». Началась мирная жизнь...

Подготовила Н. В. Почтарюк, фото из архива С. М. Зибровой

Но боль вызывает к людям...

И. Ф. Камская

В международный День учителя 5 октября 2004 г. ушла из жизни Ирина Федосьевна Камская — отличник народного просвещения, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, ветеран атомной энергетики и промышленности.

Она «ребенок войны». Родилась в потомственной учительской семье 31 августа 1928 года. Общий педагогический стаж ее родных насчитывает более 250 лет. Сама Ирина Федосьевна после окончания филологического факультета Горьковского государственного университета в 1952 году приехала в наш город и работала в средней школе №1 сначала учителем русского языка и литературы, а с 1961 года — заместителем директора по учебно-воспитательной работе. На счету Ирины Федосьевны Камской 27 выпусков, преподавание в 38 классах. Это более 1000 учеников.

По ее инициативе в школе был создан творческий коллектив по издательству книг и брошюр по истории школы, обобщенного опыта школьных учителей, творческих работ учащихся. Ученики писали сочинения на тему «Великая Отечественная война в судьбах наших близких». Это удивительные работы ребят, побудившие их еще раз заглянуть в семейные архивы, альбомы и поведать о роли своей семьи в Великой Отечественной войне.

Вступительные статьи в эти сборники сочинений писала сама Ирина Федосьевна, дитя войны. Давайте вместе прочитаем ее воспоминания о том, какой след в ее жизни оставила Великая Отечественная война.

Ирина. 1947 г.

*Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем!
Пусть память горькую о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.*

(И. Ф. Камская)

«Первые дни января 1943 года. Война. Эвакуация. Далекий западносибирский город Курган. Трудное, голодное время. Но Родина заботилась о детях. И даже в условиях военного лихолетья детям фронтовиков нашли возможность сделать подарки. Это был тульский пряник. Сейчас это, возможно, звучит смешно, но тогда этот пряник был золотым. И принести пряники доверяли нам, школьникам. Мы с моей подружкой Тамарой Пономоревой разносили их до позднего вечера. И когда мы, усталые, голодные, пришли в школу, чтобы отчитаться о выполненном задании, и принесли два пряника, так как по указанным адресам не нашли детей, встретивший нас учитель был крайне удивлен. Он задал нам вопрос, который нас поразил: «Что же вы не съели их, девочки?» Да, в тех условиях это было необыкновенное лакомство. Но у нас даже мысли не возникло, что это возможно сделать, ведь предназначены они были другим детям. И лишить их новогоднего подарка, с нашей точки зрения, было преступлением.

Мне тогда было столько лет, как сидящим сегодня передо мной ученикам. И что бы сегодня ни писали о войне, как бы ни трактовали те или иные события, у меня есть свой счет к фашизму. Это и мое преждевременно оборвавшееся счастливое

детство. Это и уничтоженный до основания немецкой авиацией тихий и уютный, утопающий в зелени садов и бульваров мой родной город Чернигов (фашисты стирали его с лица земли с немецкой пунктуальностью, желая поставить на его месте памятник своей авиации).

Это и погибший под Кёнигсбергом мой двоюродный братишка Лёничка («Леонид Александрович Богданов — старший сержант», — как значится на одной из многочисленных стел, воздвигнутых в окрестностях этого города), призванный на действительную службу после окончания школы в 1940 году и прошедший дорогами войны от Вильно до Москвы и от Москвы до Кёнигсберга. Он один из тех мальчиков 1922–1923 года рождения, которых в живых осталось трое из ста, они ушли из жизни, «недолюбив, не выкурив последней папиросы». Это и его любимая девушка Соня, юность которой тоже прошла в военной шинели на фронтовых дорогах, к счастью, выжившая и долгие годы поддерживавшая Лёнину маму (до самой ее смерти).

Это и простреленное под Берлином легкое моего отца, которое не давало ему покоя 36 лет послевоенной жизни. Это и голодное трудовое детство моего мужа, который в 13 лет, подставив под ноги ящик, чтобы доставать до станка, делал на эвакуированном из Киева заводе им. Петровского снаряды для фронта.

Это и сожженная заживо вместе со своей мамой и тетей в районном городке Черниговской области Карюковке двенадцатилетняя девочка Танечка, моя подруга.

Это... Как много можно еще написать. Но это очень тяжелые воспоминания. И когда они всплывают в памяти, то кажется, что это какой-то страшный сон, что все это было не со мной, что об этом я прочитала в какой-то очень грустной книге. К сожалению, всё это — незабываемая явь. Глядя на сегодняшних девочек и мальчиков, моих учеников, я радуюсь тому, что у них счастливое детство и счастливая мирная юность. Но мне хочется, чтобы они не забывали о том, какой ценой завоевано

это счастье. Ведь война не обошла ни одну семью и оставила свой след в каждой судьбе.

Удивительные это люди, которых сегодня называют почетными словами: ветераны и труженики Великой Отечественной войны. Через мою жизнь их прошло немало: и родственников, и близких людей, и просто знакомых... Мой зять генерал-лейтенант Пётр Сысоевич Ильин — бывший командир 20-й мотострелковой Краснознаменной ордена Суворова бригады, героически сражавшейся под Сталинградом, почетный гражданин Новоградволыньска и Калача-на-Дону, написавший книгу «Героический рейд 20-й». Это и отец моей соученицы — Герой Советского Союза командир партизанского соединения, автор книги «Подпольный обком действует» Алексей Федорович Федоров. Это и заместитель начальника его штаба кавалер многих военных орденов Георгий Федосеевич Михайленко, близкий друг моего отца. Это и военврач Анна Матвеевна Широкина, и белорусский партизан Алексей Данилович Пятойкин, и медицинские сестрички военного времени Анна Артемовна Игнатова и Клавдия Васильевна Леонова, и Дмитрий Павлович Бронзов, и Николай Миронович Гончаров...

Это и наши бывшие учителя и работники школы: Михаил Георгиевич Якиманский, Николай Антонович Сказко, Мария Васильевна Рахманкина, Клавдия Григорьевна Скачкова и многие-многие другие. Они в трудную для Родины минуту без колебаний встали на ее защиту и отстаивали ее свободу и независимость.

И мне всегда при встречах с ними или перед обелисками на их могилах хочется низко-низко поклониться и сказать им большое человеческое спасибо за то, что они дали возможность мне, моим детям и внукам, моим ученикам, миллионам моих сограждан жить в свободной стране, с чувством собственного достоинства трудиться, любоваться тихими зорями и с честью нести память о тех, кто не вернулся с этой страшной войны.

И я очень хочу (и стараюсь делать все для этого), чтобы мои ученики чтили ветеранов Второй мировой, чтобы они знали

сами и смогли рассказать своим детям и внукам о том, как эта война отразилась на судьбе их семьи, ибо не было семей, не опаленных ею. И пусть из рода в род, из поколения в поколение передается память о героических предках.»

*Люди! Покуда сердца стучатся, —
Помните!
Какою ценой завоевано счастье, —
Пожалуйста, помните!
Песню свою отправляя в полет, —
Помните!
О тех, кто уже никогда не споет, —
Помните!
Детям своим расскажите о них,
Чтоб запомнили!
Детям детей расскажите о них,
Чтобы тоже запомнили!
Во все времена бессмертной Земли
Помните!*

(Р. Рождественский. Реквием)

Материал подготовила Н. И. Аношина

И. Егорова

Поколение мужественных

Виктор Александрович и София Ивановна Коротенко

Верить в человечность

Так бывает — в беседе со старожилками нашего города вдруг попадаешь в другое измерение. Как же прихотлива судьба человека, как многогранна история земли!

Фотографии в семейном альбоме, веселые и красивые, рассказывают о крепких корнях, хороших традициях, добром нраве семьи...

Война пришла внезапно

В четыре года показалось, что война пришла внезапно. Вроде вчера еще беззаботное лето, а сегодня — раз! — по добротной булыжной дороге в село въехали танки. Холоповицы — село в районе Гатчины под Ленинградом. Жили в нем в основном обрусевшие финны, «чухонцы», как говорит про них сама София Ивановна Коротенко. Вот и у Софии Ивановны отец был финн, а мама — из семьи репрессированных поляков...

Впрочем, национальные черты, с точки зрения государства, ничего не меняли. Отца своего Софка и не помнила — она родилась в 1938 г., а в 1939-м его убили на финской войне. Многих тогда убили — призывали-то в основном жителей Ленинградской области и Карелии...

Летом 41-го маленькой Софке было 4 года, ее сестре Люсе — 6, а Тасе — 12. Гусеницы танков по булыжной дороге принесли с собой хрестоматийное «матка-курка-яйки!» Да и от говядины «гости» не отказывались. Софке рано пришлось плакать — любимый дедушка попытался не отдать молочного теленка, но получил такой удар, что не смог оправиться и угас за несколько дней...

Да что там мясо — даже деревянный штакетник изгрызли испанские мулы — диковинные животные — полулошади, полуслы. Вместе с немцами в село пришли испанцы — та самая «голубая дивизия», больше замеченная в хозяйственных работах, чем в боевых действиях, чувствительная и сентиментальная. Отрывочные воспоминания ребенка сохранили картинку, как испанские солдаты встречали католическое Рождество в России. Печально встречали — многие плакали. Видно, не очень уютно было им в наших суровых широтах.

И постоялец Тихоновых, немецкий военный врач, тоже не очень хотел воевать — в разговорах с мамой-полькой, знавшей немецкий, он так и говорил, будто оправдываясь: «А как не пойти? Послали — и пошел...» Он очень скучал по двум девочкам, оставшимся дома, и потому был ласков с Софкой. А когда она — казалось, безнадежно — раздробила дверью мизинец, ювелирно его собрал.

Но период затишья длился недолго. Ленинград не сдавался. Немцы нервничали и зачищали округу от потенциальных пособников партизан.

Так и семья Тихоновых в один день оказалась на подводе с тем, что успела захватить, и поехала в никуда, еще не зная, что впереди Европа и три года баланды (вкус этого гадкого варева из брюквы и прочих отходов София запомнит на всю жизнь).

Латвийская баня

Родилась София под счастливой звездой. В Латвии, куда их привезли на поселение, сначала была «баня»... Память Софии Ивановны, конечно, не подсказывает, как оно все было и где именно происходило. Помнит только комнату в белом кафеле идеальной чистоты. И много странных краников. Маленькая Соня тщетно пыталась рассмотреть хоть одну капельку воды на их носиках (баня ведь!)... И народу набилось человек пятьдесят, все голые — мужчины, женщины. Помнит, что стояла рядом с мальчиком, который не расстался с куском ткани на бедрах. И все удивлялась — зачем ему этот лоскутик, если все вокруг голые. И казалось, все ждали, когда дадут воду. Но воду не давали... Наверное, взрослые знали, а Софке в тот момент и в голову, к счастью, не пришло, что через эти краники подается не вода, а смертоносный газ. Но чудесным образом страшная казнь отменилась. Как потом оказалось, поступил запрос на рабочую силу, и колесо судьбы раскрутилось в обратную сторону.

На латвийском хуторе, куда их временно определили, спать им предстояло на соломе. Софка удивлялась, глядя на стены пристройки, что за черные майские жуки ползают по стенам (а это были черные тараканы). Мама с бабушкой весь день ходили за коровами — их у хозяев было аж двенадцать штук. Но и тут судьба не дала пожить спокойно — опять на подводки, в Ригу, а потом в Гданьск. В Гданьске чуть не потерялась приемная дочь мамы — Тася, побежала за сладкой водичкой и... пропала. Уже закончилась погрузка на пароход, а Таси нет. Тут мама заупрямилась — у меня дочь пропала в городе, не пойду на пароход! Немцы ее тут же разыскали и даже на мотоцикле привезли!

Про это путешествие София Ивановна вспоминает с ужасом. Первое, что сделал конвой, пустил окутывающую дымовую завесу, чтобы пароход не заметили с воздуха. «Я тогда чуть не задохнулась и будто до сих пор чувствую тяжесть в легких».

Три парохода ушло в Германию по Балтийскому морю, и все попали под налет английской авиации. Сначала ушел под воду

первый. Потом третий... На палубе второго, на котором плыла семья Тихоновых, началась паника — люди испуганно твердили, что скоро пойдут рыбу кормить... Софка тогда не могла понять, а что плохого в том, чтобы покормить рыбок. Они же тоже кушать хотят...

Немецкие груши

Город Кириц и по сей день вспоминается своей красотой. Педантичной аккуратностью, расчерченностью. Домики немцев стояли как кукольные, ухоженные. Но рабов из Советского Союза поместили в загон за колючей проволокой. Мама с утра до вечера пропадала на деревообрабатывающей фабрике, бабушка — на молокоперерабатывающем заводе. Бабушке иногда давали горсть творога на хорошую работу, а мама как-то принесла деревянную куклу — сама выточила! Эти малые радости помогали жить и радоваться и не очень страдать от постоянного чувства голода. А голодать Софке приходилось — несколько раз она даже теряла способность есть, ее приходилось насильно кормить той самой баландой... Неудивительно, что немецких детей, живших в сытости и довольстве, дети угнанных не любили. Когда двум мальчишкам из соседних домов вздумалось днем прокрасться в лагерь, чтобы поиграть с «русскими», лагерные дети затолкали их в пустую бочку из-под квашеной капусты и принялись катать ее по двору. Когда мальчуганам удалось освободиться, они с громким плачем и криками «Мути! Мути!» кинулись домой, а ребяташки бросились врассыпную — маленькая София просидела целый день под кроватью в ужасе от ожидания неизбежного наказания.

Она помнит, что приходил староста и спрашивал о ней у мамы. Мама отвечала, что только что пришла с работы и дочь не видела... И как-то случилось, что ничего страшного не произошло. Шла вторая половина 44-го, русские танки уже были в Европе, и отношение к угнанным менялось по мере их приближения. Соня помнит, как хозяйка соседнего дома позвала

их с сестрой на какой-то праздник в дом (показавшийся после их сараев царским дворцом) и нарядила обеих в длинные цветные фартучки, в которых путались ноги. А однажды — о чудо, запомнившееся на всю жизнь! — их накормили вареной картошкой с мясом.

Детская память не хочет цепляться за плохое, она хранит светлые дары от людей человеческих и честных. Староста их рабочего лагеря был поляком, у которого немцы погубили всю семью. Он исполнял свои обязанности — следил за порядком, но был добр и внимателен к пленным. Еще вспоминает София Ивановна детский набег на грушевый сад, когда ребята сложили в подолы падалицу, а на окрик сторожа-немца все свои «трофеи» выронили и бросились было наутек. Оказалось, напрасно — сторож дал им стремянку и приказал мальчишкам нарвать спелых груш с самого дерева. Такие моменты хочется вспоминать и верить, что ростки человечности пробьются сквозь окаменелость любых догм. Когда Соне 1 января 1945 года исполнилось семь лет, друзья ей подарили горшок с кудрявой традесканцией. Уже все вокруг дышало радостью скорой свободы.

Пришел день, и русские танки вошли в город. Так и стоит перед глазами картина: любопытство и радость жителей лагеря, будто принарядившийся и настороженный город, желтые усталые лица бойцов на запыленной броне... Еще одна гибель прямо на глазах — случайным снарядом убило девятилетнюю подругу...

Много раз потом София Ивановна будет вспоминать город Кириц, и любопытно ей хоть раз в жизни еще взглянуть на него, оставивший такой отпечаток в детской памяти... Но... «раньше было нельзя, а сейчас уже поздно».

Не быть изгоем

А дома родных стен не оказалось — от всей избы осталась деревянный пол. Рядом лежал в руинах Ленинград. И еще

одна несправедливость жизни осталась рубцом в сердце моей собеседницы.

Едва ли не единственным мужиком на всю деревню оказался дядя Вася Ингелайнен. Засучив рукава, взялся за работу, колхоз поднял. Хороший он был... Но. В войну он не воевал на фронте, остался связным в тылу врага. Партизанам помогал, будучи старостой. С подводы, на которой возил провиант гитлеровцам, он сбрасывал хлеб партизанам (и это далеко не единственное, что он делал для подполья). Но... все-таки по доносу ярославского переселенца-пьяницы его схватили и в отсутствие живых свидетелей замучили за три месяца. А когда нашлись люди, обелившие его имя, было уже поздно... Настоящие дезертиры, кстати, потом еще долго ходили по лесам и ночами стучались в окна: «Еда есть?» Еду им давали, боялись расправы...

«Мне тоже несладко пришлось, со мной за партой никто не хотел сидеть, когда узнали, что я в Германии была», — почти без грусти говорит София Ивановна.

На «объекте»

А на «объект» моя собеседница попала случайно: думали лучшие выпускницы Сестрорецкого профтехучилища, что едут в Москву, и набились в вагон все, кто мог, а оказалось, что в лес, да еще за колючую проволоку! Хотя это была и не первая колючая проволока в жизни 18-летней Софии, но первый испуг запомнился. Страх прошел, когда она ощутила в полной мере, каким юным, бурлящим и спортивным был город. В 19-м общежитии каждый вечер устраивали танцы и игры, работа на заводе «Коммунист» была интересной (от токаря она постепенно поднялась до мастера цеха, под ее началом трудилось 50 человек!), и скоро у Софии появился кавалер — самый симпатичный парень со всей улицы Ленина.

Сейчас у супругов Коротенко две взрослые дочери и трое почти взрослых внуков (почему-то почти все пошли по кора-

блестроительной линии и живут в любимом Софией Ивановной Санкт-Петербурге). Позади — честная трудовая жизнь и много-много совместных радостей и трудностей. Но главное, конечно, бережность. Во время беседы мне показалось, что Виктор Александрович лучше жены помнит историю её детства. Свое-то военное детство он провел на трудовом Урале, но это уже другая история.

П. П. Максименко

Тревожное детство

Максименко Павел Петрович родился 02 ноября 1936 г. в г. Москве в семье военнослужащего. Ленинградское высшее артиллерийское училище окончил в декабре 1959 г., получил воинское звание инженера-лейтенанта. Прослужил в аппарате военного представительства 27 лет, прошел путь от инженера-приемщика до старшего военпреда-руководителя военного представительства при КБ-1 ВНИИЭФ, от лейтенанта до полковника. Награжден орденами Красной Звезды (13.09.1984) и Мужества (09.09.1999), медалью «За боевые заслуги» (02.07.1974) и рядом юбилейных медалей.

Ветеран Вооруженных сил, Подразделений особого риска и атомной энергетики и промышленности.

Девятого мая 2020 года в Российской Федерации, в большинстве государств, входивших в состав Советского Союза, и в других странах мира будут отмечать 75-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, унесшей 27 миллионов жизней граждан Советского Союза. В истории цивилизации 75 лет — это мгновение, а в жизни людей — это время, соизмеримое со временем смены поколений.

Я из того поколения советских людей, детство которых пришлось на годы Отечественной войны, восстановления народного хозяйства, нехватки еды, предметов первой необходимости и нормальных жилищных условий. Время стирает многие воспоминания и в памяти остаются только наиболее яркие события.

Война застала меня в живописной лесистой местности под Ленинградом. Сюда выезжал на лето детский сад, в который ходили я и мой старший брат Александр. Мне было четыре с половиной года, а брату почти 7 лет. В один из

последних дней июня за нами приехала мама и увезла в Ленинград, на Таврической улице проживала наша семья из 5 человек: отца, матери и троих детей. Это мы с братом и сестра Мила, ей было два с половиной годика. Главой семьи был отец, кадровый офицер, выпускник Военно-транспортной академии, участник финской кампании 1939–1940 гг. капитан Максименко Петр Прохорович. Медаль «За оборону Ленинграда» была первой правительственной наградой отца. Во время Великой Отечественной войны он был награжден за боевые отличия орденами Отечественной войны 2-й ст. (1944) и Красной Звезды (1945). Отец служил в Вооруженных силах до 1962 г. и уже в послевоенные годы был награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени и орденом Ленина.

Все дела по дому и уходу за детьми лежали на плечах мамы Елизаветы Владимировны. Она до рождения первого ребенка окончила первый курс биологического факультета Ташкентского университета, потом, следуя за мужем, переехала в Москву, где родился я, а затем и в Ленинград.

В июле 1941 года началась эвакуация жителей Ленинграда и ряда предприятий в отдаленные от границ районы страны. Родителями было принято решение об эвакуации мамы с детьми в город Джамбул Казахской ССР. Там проживали родители отца и его братья Иван и Владимир с семьями.

Со слов мамы, мы выехали из Ленинграда в начале августа 1941 г. Попрощались с отцом на вокзале, мама не сдержала слез. До Москвы мы ехали в пассажирском вагоне. В Москве была задержка из-за объявления воздушной тревоги, и мы довольно длительное время провели на одной из станций метрополитена. По всей вероятности, это была станция «Комсомольская» — станция трех вокзалов: Ленинградского, на который мы прибыли, Казанского, с которого мы должны были выехать, и Ярославского. В метро меня поразило очень большое скопление людей. В основном это были женщины с детьми, многие из которых громко плакали.

Через какое-то время, после отбоя воздушной тревоги, нас посадили не в пассажирские вагоны, а в так называемые «теплушки» — товарные вагоны с нарами. Ехали мы долго и медленно. Складывалось впечатление, что мы больше стояли, чем ехали. Право первоочередного проезда предоставлялось эшелонам, движущимся в сторону фронтов, и составам с работниками и оборудованием эвакуируемых промышленных предприятий, движущимся на восток.

Какие-то неудобства от поездки мне не запомнились. Мама была рядом, и мы были спокойны. Но трудно себе представить состояние самой мамы. Это была молодая 27-летняя женщина с тремя маленькими детьми. На станциях она была вынуждена оставлять нас под присмотром соседок и решать вопросы с питанием. На одной из станций она не успела вскочить в наш вагон. Мороз по коже от мысли о возможных трагических последствиях этого случая. К счастью, мама успела сесть в один из последних вагонов нашего эшелона и вошла в наш вагон на следующей станции. Беда миновала нас. Со слов мамы, мы ехали до Джамбула более недели. Родители отца были уведомлены о нашем приезде, и мама рассчитывала на то, что нас в Джамбуле встретят. Но эти надежды не оправдались. Из-за неопределенности в дате нашего приезда и отсутствия чёткого расписания движения поездов нас не встретили.

При доме был небольшой участок земли с несколькими фруктовыми деревьями и грядками. На участке был сарай, в котором содержались корова и поросенок. Осенью поросенок был заколот. Дедушка оказался большим мастером в приготовлении колбасы и солении сала. Вкус одной из колбас, напоминающий телячью колбасу советских времен, запомнился мне надолго. Хорошим подспорьем было молоко, творог и масло.

Летом 1942 года случилась беда. Пала корова. Кто-то проколол ей брюхо металлическим прутком. Жили только на то, что получали по продовольственным карточкам. Часто появлялось чувство голода. Яблоки в саду срывались детьми задолго до их созревания. В пищу пошла лебеда и крапива. Бабушка пекла

из них лепешки. Она же поджаривала детям мелкую рыбешку, пойманную нами с братом в арыке небольшой металлической сеткой, в центре которой закреплялся кусочек хлебной корочки или жмыха, приносимый иногда дядей. Для детей жмых был настоящим лакомством.

С чувством голода зачастую приходили воспоминания о чем-то недоеденном и не сохраненным до войны. Запомнился мне новогодний утренник в школе, на который брат взял меня с собой. Откровенно говоря, запомнился не сам утренник, а новогоднее угощение — кусочек черного хлеба с маслом и сахарным песком.

Все взрослые, проживающие в доме, кроме бабушки, работали. Она выполняла работы по дому и присматривала за детьми. Пожалуй, самым ответственным делом для неё был присмотр за Милой. Поэтому вся детвора постарше была фактически предоставлена самим себе. Постоянных дел не было. Иногда нам поручалось прополоть грядки, сходить в магазин и выкупить по карточкам хлеб. За хлебом ходили вчетвером: мы с братом и обе двоюродные сестры. Хлеб получали на все карточки единым весом, а дома дедушка развешивал его на каждую семью.

Поручалась нам с братом также работа по сбору коровьих «лепешек», которые смешивались с соломой, сушились и шли на топливо для печи. Большую часть времени я проводил на улице с соседскими мальчишками, казахом Картурде и узбеком Алтаем. Летом мы купались в арыке, что-то сооружали из влажного песка, катали по дороге с помощью изогнутой проволоки обод небольшого колеса, занимались лепкой из глины. В этом занятии проявился талант художника Картурде. Он искусно лепил машины, танки и прочую военную технику, а также карикатурные, т.е. такие, какие видел на плакатах и в газетах, фигурки фашистских захватчиков. Со временем Картурде стал профессиональным художником.

Зимой общение с соседскими мальчишками практически прекращалось. Вероятной причиной тому было отсутствие не-

обходимой одежды. Поэтому большую часть времени мы проводили в доме за незатейливыми детскими играми. В кухне на стене висело радио — большая черная тарелка. Это радио было главным источником информации о состоянии дел на фронтах. Взрослые слушали военные сводки, затаив дыхание. Бабушка и дедушка беспокоились о сыновьях Петре и Владимире, мама — о муже, отце и брате Анатолии, которые были на фронте. Весточки от них приходили очень редко, а плохие новости о гибели людей, пропаже без вести слышались отовсюду. Прихода почтальона ожидали с надеждой и тревогой, так как часто он приносил не письма от близких родственников, а так называемые «похоронки» — горестные уведомления о смерти. Поэтому чувство тревоги, неуверенности в завтрашнем дне было свойственно практически каждому человеку. Как-то пришло письмо с фронта от деда Владимира Герасимовича, который был военным врачом. В этом письме сообщалось о пропаже Анатолия. Мама очень тяжело переживала это известие, но, к счастью, через некоторое время она получила еще письмо от отца, в котором он сообщал, что брат поучил легкое ранение и находится на лечении в госпитале.

Негативно влияло на настроение общее снижение уровня жизни, и прежде всего недоедание. Чувство голода испытывали и дети, и взрослые. В январе 1943 г. дошли радостные вести о прорыве блокады Ленинграда. Мне это мало о чем говорило, но радовало то, что мама сказала нам о большой победе под Ленинградом, отступлении фашистов и возможности скорой полной победы над ними. Вскоре после этого события маме пришел по почте денежный аттестат, по которому стала получать жалование отца. Этих денег хватало, как я узнал гораздо позже, на выкуп хлеба по карточкам или на покупку двух буханок чёрного хлеба на рынке или в коммерческом магазине. Но все же это было хорошим подспорьем к нашему скудному бюджету.

Письма от отца стали приходиться чаще. В некоторых из них он присылал карандашные рисунки на маленьких листочках

бумаги. В семейном архиве, состоящем из моего личного и архива отца, переданного мне, сохранилось два из них. На одном нарисована свинья в форме захватчика и текст: «Не стреляйте меня, не буду». На втором рисунке с надписью «Павлику» изображен старичок с бородкой, в костюме и шляпе. В левой руке у него тросточка, а в правой, вытянутой вперед, небольшой свёрток. Под рисунком текст: «Дедушка несёт Павлуше гостинец». На оборотной стороне надпись: «Слушайся маму, бабушку, дедушку. Помогай им, не ленись. Тогда и ты будешь умным мальчиком». Похоже, что я не очень радовал маму своим поведением, и она сообщила об этом отцу.

Не могу умолчать о «фронтовом письме» от 11 апреля 1943 г. за подписями начальника штаба Ленинградского фронта, его заместителя и ответственного секретаря партбюро. Письмо написано от руки на типографском бланке, начиналось со слов «Боевой первомайский привет» и было адресовано маме. Позволю себе процитировать отдельные фрагменты письма: «Дорогая Елизавета Владимировна, командование и парторганизация штаба Ленинградского фронта поздравляют Вас с международным праздником Первого мая и желают Вам больших успехов в деле скорейшего разгрома фашистских извергов и очищения нашей Родины от фашистской погани. Ваш муж Петр Прохорович Максименко за весь период Отечественной войны стойко и мужественно защищает свою Родину. Не жалея своих сил и самой жизни... Не в далеком будущем придёт радостный день, когда немецкая армия будет разбита и наша славная Родина снова заживет радостной жизнью...»

Несомненно, что это письмо вселило в нашу семью оптимизм и надежду на лучшее. Долго ждать не пришлось. Летом 1944 года мы вернулись в Ленинград. Дом, в котором мы жили до войны, был частично разрушен из-за попадания бомбы. Поэтому отцу была выделена комната в квартире соседнего дома. В этой квартире проживали еще две семейные пары. Несмотря на строгий запрет родителей не ходить на старую квартиру, мы с братом все же пробрались туда. При входе в подъезд было

Отец и сын

много битого кирпича и всякого мусора. Лестничный пролет на второй этаж был частично разрушен, и у нас хватило ума не подниматься туда. Дверь в нашу квартиру, расположенную на первом этаже, была прикрыта, но не заперта. Мы вошли и уже в прихожей увидели самокат брата и его лыжи. Эти находки порадовали нас. Заглянули в комнату, в которой проживали до войны. Разрушений в ней не было, а в шкафу на полочке стояли целехонькие фужеры.

Теперь о Ленинграде, пережившем блокаду. Бросались в глаза малолюдность, полностью или частично разрушенные дома, окна, заклеенные крест-накрест полосками бумаги, воронки от бомб или снарядов, светомаскировка в ночное время, заключающаяся в закрытии окон шторами из плотной черной бумаги. Особенно запомнилось мне большое серое здание на Суворовском проспекте, на пути в школу, от которого остались только обгорелые стены с оконными проемами. Малолюдно было и в нашем дворе, общем для трех пятиэтажных домов, не было ни одного моего ровесника, лишь трое сверстников моего брата. Поэтому на улице я проводил время в компании этих

ребят. 1 сентября мы с братом пошли в школу, расположенную недалеко от Смольного. Брат — в третий класс, а я — в первый.

В мае закончилась война с фашистской Германией. Это событие ознаменовалось грандиозным салютом. Разрывы праздничного салюта были хорошо видны из нашего двора, в который вышло большинство, если не все жители прилегающих домов. Люди ликовали, смеялись, улыбались, кричали и плакали.

Подводя итоги пройденного пути, могу с уверенностью отметить, что мне повезло в жизни. Я получил неплохое образование, с удовольствием и интересом служил в Вооруженных силах и работал во ВНИИЭФ. У меня прекрасная семья. И самое большое моё желание, чтобы моим детям, внукам и правнукам, всем жителям Земли не пришлось пережить ужасов войны.

Без конца гудели сирены...

Л. А. Носова

А теперь воспоминания ветерана городского ОРС Людмилы Алексеевны Носовой (Ковалевой): «Я родилась 19 октября 1938 года в Арзамасе Горьковской области. Родители мои — Зотовы Алексей Васильевич и Анисья Андреевна (1908 г.р.) родом из Владимирской области. До Великой Отечественной войны мы жили в Арзамасе на частных квартирах, своего жилья у нас не было.

Папу призвали на фронт в 1941 году, с началом войны. В эти тяжелые, бедственные времена мы жили в Костромской области в рабочем поселке Шуя. Мама осталась одна с тремя дочерьми, работала завхозом в детском саду, и нас с сестренкой возила зимой на одних санках, еще сонных, по утрам в этот детский сад. Хорошо помню, я ехала сзади на санках и то и дело сваливалась с них прямо на дорогу, да так и оставалась сидеть, как куль, в снегу. Мама возвращалась, снова сажала меня позади сестры на санки, и мы ехали дальше. Как тяжело доставались маме эти поездки с нами в детский сад, да и вся эта военная жизнь!

Страшные треугольники

Еще я помню, как без конца гудели сирены. Потом с фронта жителям начали приходить письма-треугольники. Это были страшные вести о гибели отцов, мужей и братьев... Мы, малыши, видели слезы и горе людей. По вечерам мама сажала нас на табуретки, просила вести себя тихо, и все внимательно слушали по черному круглому громкоговорителю сводки информбюро с фронта. Сообщали фамилии убитых и раненых наших фронтовиков. Слушали внимательно и боялись, как бы не про-

изнесли фамилию «Зотов». Очень радовались вместе с мамой, что папа наш жив и продолжает воевать с фашистами. В армии он служил политработником в звании майора, закончил войну в Германии. Но сразу же по окончании войны он был оставлен там и продолжил работать. Он забрал нашу семью туда, и мы жили в двух немецких городах — Хафельберге и Гранзее, где он работал в политчасти и заместителем коменданта этих городов.

Время учиться

Но пришло время нам с сестренкой идти в школу, папа принял решение демобилизоваться и вернуться в Россию,

Я, папа, мама, сестра

хотя его очень просили работать в первом отделе. Папа привез всю семью к своим родителям в деревню во Владимирскую область. Там я пошла в первый класс, а сестренка — во второй. Учились мы в деревенской школе в одном классе, только учитель давала нам разные задания по программе.

В деревне после войны всем нам приходилось жить в голоде и лишениях. В свободное от учебы время все дети в де-

ревне помогали своим родителям, бабушкам и дедушкам на разных работах в колхозе, особенно выбирать в поле картошку. Помогали родителям за трудодни («палочки»), работали на сенокосе, помогали дедушке возить дрова из леса на тележке.

Детство нашего поколения было безрадостным и голодным. Ели всякую траву: столбунцы, дикий лук, цветущие одуванчики, липовый цвет и т.п. Конечно, хотелось сладкого. Но все были увлечены учебой и трудом.

В старших классах средней школы я училась в Арзамасе, мы продолжали жить там на частных квартирах, так как постоянного жилья так и не приобрели. В 1958 году я окончила в Арзамасе техникум советской торговли, и всю нашу группу молодых специалистов — товароведов продовольственных и промтоваров — привезли в «Москву Центр-300» (Саров), работать в отделе рабочего снабжения. Все сначала трудились продавцами, я проработала продавцом около четырех лет, а затем почти 30 лет — на торговой базе ОРСа, — сначала заведующей складом мебели, а затем заведующей складом торговой базы ОРСа машиностроительного завода «Коммунист». За достижение высоких производственных показателей в социалистическом соревновании награждалась неоднократно премиями и почетными грамотами, а 24 апреля 1987 года награждена медалью «Ветеран труда». На заслуженный отдых ушла 31 января 1994 года.

Участвовала в общественной жизни города. Была старшей по своему 12-этажному дому, а в Совете ветеранов микрорайона №7 была уполномоченной в двух 12-этажных домах. Мы, поколение 30-х, смело причисляем себя к «детям войны», познавшим это лихо».

*Подготовила Н.В. Почтарюк,
фото из архива Л. А. Носовой*

Л. Я. Поздеева

Безгранично радостный День Победы

Лидия Яковлевна и Юрий Антонович Поздеевы

Мой отец родился в 1901 г. и вырос в большой крестьянской семье, родом он был из села Каргат Томской губернии (ныне — Новосибирская область). В 1919 г. его призвали в ряды Красной Армии, служил он в дивизии командарма Егорова, воевал против Колчака и Врангеля, устанавливал Советскую власть в Закавказье. В 1924 г. из-за жестоких приступов малярии, подхваченной в Закавказье, был демобилизован и вернулся в родные края.

Уходил он в армию «тёмным», малограмотным парнем, а пришел из нее выдавшим виды красным командиром, чётко усвоившим все преимущества новой власти для простого народа. Во всей своей дальнейшей жизни он вставал и ложился спать не с молитвой «Отче наш», а со словами «Партия, правительство и ВЦСПС».

В 1935 г. семья переехала в Омск, где нас и застала война. Осенью 1941 г. в город стали прибывать эшелоны с имуществом заводов, эвакуированных с Украины, из Москвы и других городов, с рабочими, инженерами и их семьями. Заводы ударными темпами строились на окраинах города, людей размещали по уже заселенным квартирам «на уплотнение» или строили для них бараки.

Картошка-спасительница

Зима 1941–1942 годов была свирепой. Сдержат натиск врагов под Москвой и Ленинградом было проще закаленным сибирякам, вот папу в феврале 42-го года и призвали на Ленинградский фронт. Маму (она была медсестрой) перевели из больницы на призывной пункт военкомата. Работала она по 14–16 часов. Мы с братом (мне — 9, ему — 12 лет) жили одни, стояли часами за хлебом, топили печку, варили картошку, ходили в школу, в госпитали, приносили раненым немудреные подарки: вышитые кисеты для махорки, сделанные из старых вещей рукавицы. Читали раненым стихи, письма, пели, танцевали.

С весны 1942 г. всем горожанам выделили за городом земельные участки под картошку, иначе было не выжить, так как кроме 250 г хлеба на ребенка и 300 г на служащего (мама) в сутки государство ничего не могло дать — все шло «Для фронта, для победы над врагом!» На базаре буханка хлеба стоила 250–300 рублей, а мамина зарплата составляла 400 руб. Чем можно было подкормить себя в городе?

Путей было несколько. В городском парке росли дикие яблони — ранетки с плодами, размером не больше сантиметра в диаметре, ужасно кислые. Мы их рвали, варили и с наслаждением уплетали. Кроме того, вдоль заборов росли кое-какие травы, дающие съедобные семена. Еще летом брат пытался ловить в реке рыбу. Некоторые женщины с детьми уезжали в деревню, если у них там были родные. А еще нам, ученикам, в школах на завтрак давали по крошечной булочке. Главным же кормильцем был участок под картошку. В мае мы на трамвае ехали до конечной остановки, потом шли пешком 10 километров до участка. Копали и сажали картофельные «глазки», через полтора месяца окучивали кустики, а в конце августа выкапывали драгоценный урожай. Урожай, надо сказать, были хорошие. Мы собирали по 25–30 мешков (по 6 ведер в каждом). Жили мы на первом этаже, и картошку хранили под

полом: сами выломали доски, вырыли яму. Приспособились делать из картошки лепешки: пропускали сырую картофелину через мясорубку, комочками раскладывали получившуюся кашу на горячей плите и затем переворачивали комочек на другую сторону.

Бывало, что у некоторых воровали карточки, и тогда случалось, что такие несчастные с горя бросались с моста в реку. В 1943 г. брат вступил в комсомол и стал вечерами ходить на дежурство в городской парк, чтобы поддерживать там порядок от расплодившихся за войну хулиганов и бандитов. Я каждый раз ждала его в большой тревоге, так как в городе в то время случались кровавые схватки с бандитами.

Школа — второй дом

Школа была для нас вторым домом. Учителя (90% женщины) не жалели сил для нас, детей, организовали и вели множество кружков: драматический, хоровой, вязания, спортивной гимнастики. Проводили вечера, ходили с нами в госпитали, помогали переживать жизненные проблемы, которых тогда было множество. Авторитет у учителей был очень высокий. Воспитывали нас на примерах героев из таких известных книг, как «Тимур и его команда», «Как закалялась сталь», девиз наш был «Сначала думай о Родине, а потом о себе». Не все ребята окончили десятилетку. Многие после 7 класса пошли в ФЗО, техникум, встали к станку.

Весной 1944 г. вернулся с фронта отец. Все его гражданские вещи мы «проели», и он года 3–4 потом ходил в военной одежде, пока не сносил ее до дыр. Но тогда это никого не удивляло, все жили одинаково бедно. После его возвращения нам стало немного легче, но все равно мы жили впроголодь еще несколько лет.

А каким удивительным, безгранично радостным был День Победы 9 Мая! Такими же лёгкими, несмотря на трудности и лишения, были и все послевоенные годы. Мы жили верой в

светлое счастливое будущее, личное и всего нашего народа!

После окончания Куйбышевского авиационного института я трудилась во ВНИИЭФ конструктором. Проработала 39 лет в КБ-1. За свой труд отмечена в 1963 году благодарностью Правительства СССР, в 1964 году удостоена звания «Ударник коммунистического труда», в 1977 году получила знак «Победитель социалистического соревнования», в 1986 году — медаль «Ветеран труда», в 2006 году — знак «Ветеран атомной энергетики и промышленности», имею памятную и очень дорогую для меня медаль «Дети войны».

*Подготовила Н. В. Почтарюк,
фото из архива Л. Я. Поздеевой*

В. В. Рассказова

Блокада глазами ребенка

27 января 2020 года исполнилось 75 лет со дня снятия блокады Ленинграда. Блокада, длившаяся 872 дня, с 8 сентября 1941 года до 27 января 1944 года, унесла жизни до 1,5 миллиона человек.

Одна из выживших в осажденном городе — Вера Владимировна Рассказова (09.09.1931 — 15.05.2012). Она приехала в наш город в 1963 году и до 2012 года работала (с небольшим перерывом) в математическом отделении ВНИИЭФ, пройдя путь от старшего инженера до главного научного сотрудника, стала крупным специалистом

в области вычислительной математики, информационных технологий и математического моделирования. В 1975 г. защитила диссертацию кандидата физико-математических наук, в 1995 г. — докторскую диссертацию. Ниже публикуются её воспоминания о блокадном детстве.

Бесценные воспоминания

Я родилась и выросла в Ленинграде. Жили мы на Васильевском острове, в Гавани, недалеко от Финского залива. Квартира у нас была маленькая (хоть и три комнаты, но площадь всего 26 кв. метров), а жило в ней 9 человек. К 1938 году нас осталось шестеро. Мой папа в 1939 году уехал в командировку в Эстонию, и я его никогда больше не видела — он погиб в сентябре 1941-го года; а два маминых брата ушли учиться в военные училища (один — в лётное, другой — в Высшее военно-морское инженерное училище, которое находилось в здании Адмиралтейства, чтобы стать подводником). В выходные дни они приходили домой в увольнение, и я очень часто слышала в их разговорах слово «война», которая скоро будет и будет очень страшной.

Взгляд убийц

Выйдя на улицу 22 июня, мы увидели большую толпу людей, которые слушали репродуктор, висящий на столбе. Голос Левитана извещал, что в 4 часа утра немцы перешли границу и бомбили Киев. Так началась война!

Где-то в конце июня начались воздушные тревоги. А проравшиеся сквозь наш заслон немецкие истребители сопровождения поливали нас, стоявших на крышах, из пулеметов. Самолеты летали очень низко, и мы видели и брюхо самолета с колесами, и выглядывавших из кабины фашистов в кожаных шлемах и очках с четырьмя стекляшками.

Казалось, мы прощались навсегда

В детстве на Васильевском острове

Началась эвакуация заводов вместе с работниками и их семьями. Оставшиеся мужчины уходили в армию, а женщины каждый день отправлялись рыть окопы вокруг Ленинграда. Детей же решили эвакуировать в пригород Ленинграда без родителей. Списки эвакуируемых детей составляли в школах, а родителям сообщали день, час и место, куда привезти детей, что взять с собой для проживания на все лето.

К вечеру мы добрались до станции, где ждали подводы, которые отвезли нас в деревню. Поселились в

пустой школе, а утром разделились по возрастам на группы, наподобие лагерных отрядов.

Утро возвращения

Немцы стремительно рвались к Ленинграду, приближаясь к нашему лагерю. К концу июля за многими ребятами стали приезжать родственники и забирать их домой, так как лагерь собирались перевезти на восток за Урал.

В Ленинград мы приехали на восходе солнца. Было тихо. На ярко голубом небе сияли отраженным солнечным светом аэростаты, которые каждое утро спускали на землю для того, чтобы вечером их снова поднять для защиты города от налёта немецких самолетов. Это тихое яркое утро надолго врезалось в мою память, и я до сих пор испытываю чувство радости, при едвая в Ленинград.

Кольцо замкнулось

А через несколько дней, 8-го сентября, замкнулось кольцо наступающих фашистских войск, и началась блокада. Участились ночные налеты, и мы уже не бегали в бомбоубежище, спасались на лестничных пролетах, так как опыт подсказывал, что при попадании бомбы больше всего разрушались стены, но сохранялись лестничные пролеты. В Гавани, где мы жили, было очень много военных заводов. Бомбили их чаще ночью, а для освещения в начале налета немцы сбрасывали зажигательные бомбы и на борьбу с ними выходили жители. Дежурившие на чердаках с помощью щипцов сбрасывали эти бомбы вниз тем, кто дежурил на улице и засыпал их песком. Среди дежуривших на улице была моя бабушка, и я с нею. А моя мама дежурила на заводе либо на наблюдательной вышке, сообщая в бункер о местах загорания от зажигательной бомбы на территории завода, либо в бункере принимала сведения с вышки. Чтобы не оставлять меня одну, бабушка всегда брала меня

с собой на чердак для поиска упавших туда бомб. Мне очень нравилось носиться по чердаку в поисках упавших зажигалок и чувствовать себя защитником своего дома...

Блокада глазами ребенка

В первых числах сентября мы пошли учиться, но не в школу, а в бомбоубежище. Это продолжалось недолго, так как кольцо вокруг Ленинграда стягивалось все сильнее и сильнее, все чаще редела тревога, объявляя об очередном воздушном налете. В октябре бои шли уже в районе Путиловского завода, а однажды немцы даже прорвались по проспекту Стачек до Нарвских ворот, и пулеметные очереди были слышны у нас в Гавани. Как я слышала от взрослых, все были готовы защищать Ленинград до конца. В нашем доме жителям были розданы бутылки с зажигательной смесью, в том числе по три бутылки на каждого ребенка.

В конце октября—начале ноября в результате масштабного налёта были сожжены знаменитые Бадаевские продуктовые склады. Мы сразу же почувствовали уменьшение выдачи продуктов по карточкам. Чтобы как-то выжить, мама перешла на другую работу, где давали рабочую карточку, а это означало, что хлеба по ней она будет получать в два раза больше, чем раньше, и в четыре раза больше, чем получала бабушка (по иждивенческой карточке давали 125 граммов хлеба). Работа у нее была тяжелая, не женская. Она таскала тяжелые слитки свинца на весы, взвешивала их и относила назад к станкам. В выходные дни она либо ходила на рынок что-либо продать и купить чай, либо пробиралась к совхозным огородам на линии обороны в районе Средней Рогатки по Московскому шоссе, где был уже собран весь урожай, и из-под снега выкапывала замороженные зеленые листья капусты, называемые хряпой. Дома эти листья рубили и засаливали в большой кастрюле. Из небольшого количества этой соленой капусты с добавлением чечевицы или бобов, что давали по карточкам, мы варили суп. Варили каждый день, так как мама очень строго следила за использованием продуктов. Отоварив карточки, она распределяла продукты по 30 мешочкам и никогда не допускала, чтобы в один день использовались два мешочка. Благодаря этому мы каждый день ели горячую похлебку. И я думаю, что именно эта мамина пунктуальность и строгость позволила нам выжить в блокаду.

Город замер, замерз

Дом, в котором мы жили, был дореволюционной постройки с печным отоплением. До войны у нас была большая библиотека, и теперь чтобы сварить суп на плите, мы жгли книги и мебель. Воду привозили на саночках из лунок Финского залива, благо, мы жили на его берегу.

К ноябрю немцами были захвачены Ораниенбаум, Новый Петергоф, Стрельна и почти все остальные станции вплоть до

Ленинграда. На этой стороне Финского залива оставался свободным только Старый Петергоф под защитой артиллерийского огня кронштадтских фортов. С той поры и до снятия блокады продолжались артиллерийские обстрелы. Они начинались внезапно, без объявления. После начала артобстрела иногда объявляли по радио (его никогда не выключали), какой район города обстреливается в данный момент. На стенах многих домов была надпись «Эта сторона улицы при артобстреле наиболее опасна». Поэтому люди старались перемещаться по противоположной стороне.

В начале ноября после массивного налета продовольственные склады, где хранились мука, крупы, сахар и пр., серьезно пострадали. В том месте, где стояли склады с сахаром, сахар расплавился и перемешался с землей, и эту смесь потом продавали на рынках по разным ценам, в зависимости от глубины, с которой ее выкопали.

Наступили очень сильные морозы и голод. Люди стали есть все, что можно было затолкнуть рот. Ели жмых (это шелуха, полученная после отжима масла из подсолнухов), лепешки, которые делали из порошка горчицы, ели столярный клей, кошек, собак. Только мы ничего этого никогда не употребляли, но по совету одного врача, покупали на все свободные деньги чай

и его пили от голода. Нашу кошку еще в ноябре съели чужие люди, а до того мы давали ей ту же баланду, которой питались сами.

В феврале 42-го года появились первые случаи поедания человечины. Нет, не думайте, что для этого людей убивали. Все были настолько истощены, что, упав, многие не могли подняться и умирали, замерзая на снегу, становясь добычей каннибалов. Безусловно, каннибалов было мало, но они были. Я сама видела, как выводили семью из дома, а в руках у всех членов семьи были кастрюли с мясом (я видела, как дети его доставали и ели). Их всех посадили в черную машину и увезли.

Детей на улицу уже не выпускали. Город замер, замерз. Только время от времени в репродукторах слышался вой сирены, да непрерывно стучал метроном, извещая жителей, что город жив, радио работает, мы не сдались и никогда не сдадимся (ведь у нас еще были бутылки с зажигательной смесью!).

«Смоленское» в другой стороне

Дом наш был с печным отоплением, когда гас огонь в плите, мы на нее садились, чтобы собрать остатки тепла. И все-таки я заболела воспалением почек. Вызванный на дом врач дал направление в госпиталь и настоятельно посоветовал маме меня туда отвезти, если она хочет, чтобы я не умерла от этой болезни. Боль у меня была такая сильная, что я иногда теряла сознание. Госпиталь находился далеко от нашего дома, никакой транспорт в эти дни в Ленинграде не ходил. Мама завернула меня в ватное одеяло, положила на саночки и повезла. Было это в декабре.

Мы добрались по Большому проспекту до 7-й линии и оказались около моста лейтенанта Шмидта. Прошло уже 68 лет, а передо мной все стоит картина, которую в тот день я увидела с берега Невы. Замерзшей Невы. Такого я никогда не видела, ни до этого дня, ни после. Повсюду согнутые черные фигурки людей, стоящих на коленях около пробитых снарядами при

артобстреле луночек, чтобы набрать воды и на саночках отвезти драгоценную влагу домой. Еле передвигая ноги, тащили свою поклажу. Собирали щепки около разбомбленных домов для печек-буржуек, чтобы иметь возможность вскипятить воду и хоть как-то согреться. Некоторые на саночках везли людей, либо еще живых, но чаще мертвых.

Умерших отвозили на места сбора для захоронения в общих могилах. Принимали их только в том случае, если живые приносили справки о смерти и оставшиеся карточки за текущий месяц. Понятно, что сдавать трупы старались настолько позже, насколько позволяла их сохранность, чтобы воспользоваться пайком.

Как только мы спустились на лед, начался артобстрел и мы вместе со многими другими собирались под пролетами моста. Мама тянула быстро, как могла, я несколько раз выпала из саночек. И еще я помню боль в больных почках от постоянных толчков на неровном льду. Помню, как маму спрашивали, куда она меня везет, ведь «Смоленское» (кладбище, где был пункт сбора трупов, находилось на острове Голодай в районе рядом с Гаванью) в другой стороне. Оттуда мы через площади Труда и Театральную добрались в госпиталь за Мариинским оперным театром.

Как меня мама там оставляла, я не помню, потому что была без сознания, как не помню и то, сколько дней так пробыла. Когда очнулась, в окно светила большая рыжая луна...

Стало чуть легче

Пребывание в больнице оставило у меня только отрывочные воспоминания. В палате было много людей. Я часто была без сознания. Однажды из-за бомбежки меня на кровати, вместе с посаженными на нее пятью или шестью детьми, спустили в бомбоубежище, а когда возвращали наверх, я увидела, что меня везут в другое место, и стала просить вернуть меня в мою палату. Когда проезжали мимо моей палаты, санитары

открыли дверь: «Вот твоя палата». После бомбежки там была пустота до самой земли...

В новой палате нас, детей, клали уже по двое на одну кровать. В палате были еще и взрослые раненые, они были перевязаны и стонали (дистрофики, кстати, не стонут). Из-за неразберихи у меня не оказалось таблички с указанием о бессолевой диете, и меня накормили обычной, нормально посоленной едой, от этого я снова потеряла сознание. Когда пришла в сознание, в окно опять смотрела луна и отражалась в неподвижных открытых глазах другой девочки в моей кровати. Я заорала от страха... В больнице я пролежала до 28 февраля. И мы опять поехали домой, но теперь в саночках я уже сидела.

Первое, что мы сделали, — сожгли одежду, что была на мне, и вымыли меня водой, принесенной с Финского залива перемешанной с той, которую бабушка натопила из собранного снега. Я отогрелась, сидя на плите, закутанная в пуховое одеяло.

В начале апреля весь город, все выжившие в ту самую страшную зиму принялись очищать улицы от слежавшегося снега и льда, еле поднимая ломы и лопаты. Я смотрела на это из окошка. Стало чуть легче. Прибавили немного хлеба. Детей перестали бояться выпускать одних на улицу, и мы занялись сбором травы — всякой, какую только можно было есть. Лица многих были чумазыми от поедания невымытых корней одуванчиков, а крапива вообще была редкостным лакомством, её несли домой на салаты. В поисках травы приходилось уходить все дальше от дома, со временем я дошла за этим, буквально подножным кормом до того самого Смоленского кладбища, с которого убрали горы трупов, что накопились за зиму.

Ещё нас стали собирать в школах, но не столько для занятий, сколько для того, чтобы подкормить. А к 1 Мая всем был выдан праздничный паек: у детей был комковой шоколад, видимо, американский, маме и мне досталось по банке американской свиной тушенки (вкус этой тушенки военного времени помнят многие, и не только ленинградцы), работавшим выдали порцию водки — мама поменяла ее на чай.

Однажды во время занятий в школе я ждала бледного чая с сахарином (это химический подсластитель, в десятки раз слаще сахара), как начался артобстрел. Мы спустились в полу-подвал. К нашему ужасу, проломив стену, в помещение влетел докрасна раскаленный артиллерийский снаряд. Все вжалось в стены. Стояла оглушительная тишина. В образовавшуюся пробоину, спасаясь от обстрела, с криком вбегали люди с улицы. И я услышала: «Дом Зверева разбит». Это был наш дом, принадлежавший до революции Звереву. Я вылетела и пулей понеслась домой, не зная, что с мамой и бабушкой. И вот что я увидела: снаряд разорвался рядом с домом, вся стена изрешечена осколками, а на улице лежит убитая девочка, с которой я только что рассталась: она пошла домой, потому что не хотела ждать чая с сахарином.

Простите, больше я вспоминать не хочу, это очень больно...

Н. И. Аношина

Танцующие ребята

Н. Г. Рогачева

*Учила буквы складывать, читать,
Цветы растить и бабочек ловить,
На всё смотреть и всё запоминать,
И всё родное, русское любить.*

Н. Г. Рогачева

До войны в Сталинграде была установлена скульптурная группа — танцующие ребята. Они радостно кружились, крепко держась за руки, словно так, не разлучаясь, не размыкая рук, собирались пройти весь свой путь. Но вот в город, который сама история позже нарекла городом-героем, ворвалась война. Во фронтовой кинохронике есть кадр: дети так и не разомкнули рук, не разорвали кольца дружбы, хотя кругом были руины, да и сама сталинградская скульптура была изранена, изрешечена снарядами и пулями.

Именно сюда в Сталинград из Каспийска была эвакуирована семья Нины Георгиевны Рогачёвой. Отец, офицер, получил назначение на формирование дивизий на фронт. Добирались до пункта назначения на полutorке по просёлочным дорогам. Мама с девятимесячным ребёнком — в кабине, а Нина с сестрой — на соломе в кузове машины. В Сталинграде жили недалеко от парка, где стояла военная техника, в дом иногда заходили солдаты, с которыми дети общались.

В начале 1942 года женщины начали рыть окопы вокруг домов, и ночи семьи проводили в этих окопах. Но всё когда-нибудь кончается. Закончились и окопные ночи. На телегах, запряжённых верблюдами, семьи покидали город, добирались до переправы через Волгу. Горела Волга, горели баржи с нефтью,

над ними кружили немецкие самолёты — всё это врезалось в детскую память навсегда. Фашисты обстреливали обоз с отступающими, и мамы с детьми спасались под телегами. После обстрела живые стали убирать мёртвых. Крик, стоны... Женщины стаскивали окровавленные тела в ров.

Волга осталась позади. Казахские степи без воды и еды. Заболел маленький братик, у него начался рахит. Все беженцы старались помочь, кто чем мог. Добрались до казахского селения, где обмыли, напоили, накормили. После Гурьева — кому куда. Семья Нины отправилась на верблюде в Астрахань. Это было уже начало 1943 года. Вскоре в семье родился четвёртый ребёнок. Все помогали — мама Нины была 14-й в многодетной семье. Несли еду, одежду, свою любовь. Нине пора было идти в школу. Книг и тетрадей не было. Из старых газет сшили тетради. А тут большая радость — приехал папа. И снова Сталинград.

Сентябрь 1943 года. Нина — первоклассница. Букварь только в руках учительницы. Дети смотрят, слушают, запоминают. Тетради из газет, ручки из камыша, чернила из сажи. Полуголодные ребята читали стихи, решали задачи, писали диктанты, учились, любили школу, помогали друг другу.

И вот настал великий день Победы. Учеников привели на центральную площадь Ленина, где проходил митинг. И там ребятам повязали красные галстуки. Они были сделаны из простыней, окрашенных марганцовкой. Это были пионеры Победы, такая радость!

Нина училась хорошо. За успешное окончание 9 класса ее наградили поездкой в Москву. Это была незабываемая встреча со столицей.

В 1954 году окончила школу и поступила в сельхозинститут г. Махачкалы. Но учиться там не довелось. Райком комсомола направил пионервожатой в детский дом. Там были ленинградские дети, ласковые, сердечные, добрые. Нина стала учиться в Астраханском педучилище. После выпуска детей в ремесленные училища её перевели учителем начальных классов в посёлок Северный. Наряду с обучением младших школьников пришлось заниматься вечерами с молодыми калмыками. Те были реабилитированы и вернулись в родные края. Были больные, неграмотные. Учителям немало пришлось с ними потрудиться, причём совсем бесплатно. Об этом опыте Нина Георгиевна рассказала на комсомольской конференции в Элисте.

В посёлке Северный Нина Георгиевна проработала до 1960 года. До сих пор она поддерживает связь с этой дорогой сердцу школой. Приехав в наш город, сначала всё лето работала в пионерском лагере «Чайка», потом в школе № 1, где 46 лет преподавала в начальных классах.

Многое изменилось с тех пор. Менялось название города, в котором мы живём. Теперь это Саров. Не стало гордой страны СССР — победительницы фашизма. Есть великая Россия. И есть такие простые, обычные люди, как Нина Георгиевна Рогачева, которая не только учила наукам своих мальчишек и девчонок, но не уставала сеять разумное, доброе, вечное.

В. В. Сазонов

«Дедова кучка» и немец на дереве

Виктор Васильевич Сазонов — ветеран Вооруженных сил, помощник командира 94-й орденов Жукова, Красной Звезды дивизии войск национальной гвардии по работе с ветеранами.

Родился я 12 марта 1940 г. в деревне Савинка Мичуринского района Тамбовской области в крестьянской семье. Отец Василий Илларионович и мать Анастасия Васильевна занимались сельским хозяйством. Октябрьскую революцию они приняли с радостью. Отец воевал в Гражданскую войну в рядах Рабоче-крестьянской армии, воевал против «батьки Махно», как он говорил. После войны до 1943 года работал в колхозе, был агрономом. В начале Великой Отечественной войны был призван в Красную армию в тыловые подразделения, но примерно через год получил ранение и был комиссован по состоянию здоровья. В 1943 году семья переехала в г. Мичуринск, старшая сестра Нюся, 1922 года рождения, добровольно ушла на фронт, воевала в войсках ВНОС прожектористкой до августа 1945 года.

Картошка пленным немцам

Начало войны я не помню, был маленький, да и фронт был далеко. А вот уже в конце 1943 года мы узнали, что такое война, бомбежки. На собственном огороде отец вместе со старшими братьями вырыли землянки. В 5-10 км от города находились большие железнодорожные станции, через которые днем и

ночью шли эшелоны с фронта и на фронт, с солдатами и техникой. Немцы очень часто совершали авиационные налеты, стремились уничтожить станции и идущие эшелоны. Раза два они бомбили вокзал Мичуринска, электростанцию, элеватор.

Первого немца мы увидели в лесу, он был мертв, висел на дереве на парашюте, при нем находилось оружие, о чем и сообщили дежурному по железнодорожному разъезду. Второй раз мы встречались уже с пленными немцами, идущими большими колоннами на работу по восстановлению железнодорожного моста на пути из Мичуринска в Тамбов. Некоторые жители нашей улицы давали им картошку.

Спасибо «дедовой кучке»

Очень хорошо помню лето 1945 года, когда возвращались фронтовики с войны. Первыми прибыли дядя Петя Мачнев, дядя Саша Каньшин и другие. Некоторые были ранены, а дядя Саша Скрипкин — на костылях. И, конечно, особенной радостью стало возвращение сестры Нюси, вышедшей за муж за старшего лейтенанта Фёдора Васильевича Селеменова. Все фронтовики были с орденами и медалями. Всюду были гуляния, слышались песни.

Военные и послевоенные годы были очень трудными, холодными и страшно голодными. Мы, пацаны, ели все, что находили возле железнодорожных путей, идущих на Москву, Воронеж, Тамбов. Спасал нас и военный продовольственный пункт, где кормили военных, следующих в эшелонах на фронт и с фронта. На «дедовой кучке», как мы звали это место, куда сваливали все отходы из столовых, где кормили военных, мы в избытке находили куски хлеба, мяса, рыбы и все остальное. И даже кое-что приносили домой. Благодаря этому пацаны 5–9 лет выжили в это трудное время.

В пищу шла лебеда, свекольник, жмых, прошлогодняя картошка, оставленная в зиму в земле, швейное машинное масло и многое другое. До 1947 года хлеб выдавался по карточкам

на всю семью на месяц. Его было очень мало. Однажды мы с сестрой Ниной 1935 года рождения пошли в магазин за хлебом и она потеряла карточки, но скорее всего, у нее их украли. Я до сих пор помню, как она шла три километра домой и кричала истерическим криком. Хлеба семья лишилась. Помогли соседи, железнодорожники, работавшие с отцом и братом Борисом в железнодорожном депо.

Номерок на руке

После отмены карточек облегчения было немного. Хлеб продавался в ларьках, его привозили в небольших фургонах на лошадях примерно к 8.00. А очередь занимали накануне с 22.00. Записывали номер очереди на руке старшие братья и сестры, возвращающиеся с танцев. Перед открытием

ларька — давка, крики, стоны, иногда были травмы, обмороки, приезжали машины скорой помощи.

В 2019 году исполнилось 60 лет, как я встал в военный строй. Прослужил во внутренних войсках 32,5 года, 22 года работал начальником штаба ГО на заводе ВНИИЭФ. С 2011 года — помощник командира 94-й орденов Жукова, Красной Звезды дивизии войск национальной гвардии по работе с ветеранами. За время прохождения службы награжден медалями Советского Союза. Являюсь заслуженным ветераном города Сарова, Нижегородской области, внутренних войск, лауреатом премии генерала армии И. К. Яковлева.

Фото из архива автора

С. Н. Скрипка

Ненавижу войну*

Светлана Николаевна Скрипка, ветеран Саровского медицинского колледжа, преподаватель первого педагогического состава медицинского училища. Состава, закладывавшего традиции по воспитанию высококлассных работников среднего медицинского звена. Светлана Николаевна — активный участник общественной жизни (комсомольский организатор, многолетний профсоюзный лидер училища, одна из активистов медицинской ячейки «Фонда мира»). Родилась в 1938 г. в селении Усть-Курлыч Сретенского района Читинской области. Семья пятилетней девочки оказалась на линии боевых действий в районе города Мелитополя (Запорожская

область, Украина). Кровавые бои в предместьях Мелитополя, в районе реки Молочной, отмечены даже в исторических книгах о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов.

Светлана Николаевна рассказывает о своей семье и памятных событиях военных дней.

Родом я из обычной семьи — маленькой ячейки большой страны. Страны, которая, по моему мнению, в прежние годы была объединена человеческой добротой и единством целей значительно сильнее, чем сегодня. Деньги и частная собственность объединению не способствуют. Деньги, скорее, разделяют. Их недостаток — удручает и угнетает, а избыток — развращает. Каждый день это вижу и слышу.

Мои родители в тридцатые — начале сороковых годов прошлого века жили в Крыму: в Алуште, Евпатории, а затем

* Еженедельник «Саров», №32, 7 августа 2019 г.

в Симферополе. В 1935 г. группу крымских специалистов (в их числе папу, агронома по специальности) направили в длительную командировку в Читинскую область для развития там сельского хозяйства. В 1939 году они возвратились в Крым. Из Сибири, как говорила мама, они привезли дочь Светлану, любовь к краю и населявшим его людям. Жили и работали они в Забайкалье, на реке Шилке, в поселке Усть-Курлыч (место моего рождения) Сретенского района Читинской области. У родителей была мечта: вырастив детей, переехать в Сибирь на постоянное место жительства. Мама рассказывала, что их заворожили тишина, необъятность просторов и люди.

Перед войной мой папа Питерский Николай Семенович был сотрудником Наркомзема (Народного комиссариата земли) и увлеченно занимался созданием новых сортов растений. Мама Нина Филипповна, химик-пищевик по образованию, работала в лаборатории Госмельницы. А всего в семье нас было пятеро: ещё мой старший брат, Юра (1930 года рождения) и бабушка — мамина мама, Середа (Буцкая) Надежда Германовна.

Когда началась война и появилась угроза немецкой оккупации Крыма, была организована через Феодосию и Керчь отправка на материк материальных и культурных ценностей, и сельхозпродукции. На эти важные работы был откомандирован папа, его друг из промышленного отдела, Николай Бандура, и сотрудник НКВД. А мельница, на которой работала мама, была объявлена государственным предприятием стратегического значения (людям хлеб нужен ежедневно!) и эвакуироваться сотрудникам не разрешали до последних дней. Маме предложили отправить детей одних, на транспорте через Керченский пролив. Она отказалась наотрез, только вместе. Всю жизнь потом вспоминала, как фашисты потопили транспорты с детьми и мирным населением.

Организаторы отправки с/х продукции должны были эвакуироваться на последнем транспорте. Реальность поломала эти планы. Мама рассказывала, что еще был вариант тайком переправить через Сиваш тех, кто не успел эвакуироваться.

Тоже не получилось. Папу, его друга и сотрудника НКВД немцы забрали в первые же дни. Забрали по доносу. Больше их никто не видел, по рассказам, их расстреляли в декабре 1941 года. В 1942 г. немцы забрали и расстреляли семью сотрудника НКВД, работавшего в группе вместе с папой. У нашей семьи была реальная опасность такой же участи. Нам удалось спастись благодаря Симферопольским подпольщикам. Всю жизнь молим Бога о спасении их душ!

Дело в том, что в местах, где росла мама, было много «русских немцев», живших там ещё с Екатерининских времен. А у мамы были способности к языку (она мечтала окончить иняз и преподавать в школе), подкрепленные общением с немецкими детьми и хорошим преподаванием языка в школе. Опираясь на её знание языка, подпольщикам удалось добыть для мамы документы, что она «русская немка». Немцам не было дела до какой-то «фрау» — война! Это позволило нашей семье выехать из Крыма в Мелитополь (там были родственники и возможность выжить).

1943 год! Перелом в ходе войны. Но враг ещё силен и надеется на реванш. Фашисты вывозят в Германию всё, что могут, и... людей в том числе. 23 августа 1943 года нашими войсками освобожден Харьков! На пути к Крыму, к морю — Мелитополь, «ворота Крыма». Само географическое положение и рельеф местности влияли на жестокий характер боев. Мелитополь — южный город, вокруг росли сады. Какие это были сады! Фашисты боялись их, как лесов: «Партизаны! Партизаны!» И вырубали. Не всё вырубали, и жители города, в основном, женщины и дети укрывались там от бомбежек и угона в Германию. И мы прятались в садах. В нашу группу собрались человек 10: мама (ей было в то время 35 лет), мы с братом (ему — 13, мне — 5), мамыны сестры Саша и Вера с 2-летним сыном Валерием, наша бабушка Надежда Германовна и несколько соседок.

На окраине сада вырыли окопы, замаскировали. Осень. В степи много «перекати-поле». Из них женщины соорудили вокруг «лагеря» «крепостную защитную стену». Наш окоп был

необычной, Г-образной формы. К нам присоединились пятеро мужчин, среди них два еврея, за укрытие которых расстреливали немедленно. Мужчин переодели в женские одежды, спрятали в маленьком окопе, вход в который замаскировали узлами. Ранним осенним утром, по земле ещё стлался туман, в поле началось какое-то движение. Мама выглянула из окопа и скомандовала: «Быстро собираемся и к выходу! Немцы готовятся к бою, сооружают укрепления!» Садами мы побежали к реке Молочной, за ней луг, поле и большое село Константиновка. Немцам, видимо, было не до нас — казалось, нам удалось уйти. Но фактически мы попали прямо на передовую. Стреляют со всех сторон. Пробравшись через какой-то сад, вышли к речушке и... замерли! На мостик двигался танк с крестами.

Там тоже, видимо, оторопели, танк на мгновение замер, а мы услышали из кустов зычный голос: «Ложись!» Поверх голов пролетели снаряды. Идёт бой. Нас каким-то образом проводят в домик, где много бойцов. Кто-то с оружием выходит, вбегают люди, звучат команды...

Помню раненного солдата: бледный, окровавленный, ему здесь же делают перевязку. Нам в другой комнате выделили угол, отгородили нашими узлами и приказали сидеть тихо. Мама мне потом рассказывала как я, 5-летняя девочка, прижавшись к бабушке, молила Боженьку (бабушкино влияние), чтобы он спас нас. Бой шел целый день. В какой-то момент в комнату вкатили пулемет и стали устанавливать его на подоконнике. Женщины взмолились — сюда станут стрелять. А нам говорили: «Сидите тихо! Если не отобьемся, погибнут все!» Сколько шел бой, трудно сказать, но фашистов не пропустили, вражеские атаки отбили. Снарядом была разрушена часть дома, но «наш угол» уцелел. Рядом горела какая-то постройка.

Пришел боец, приказал всем держаться за руки и быстро идти за ним. Мы пробирались в темноте, и только изредка из темноты раздавалось: «Стой! Кто идет? Пароль?», — и мы шли дальше, до улицы Воровского. Она начиналась зданием ликеро-водочного завода. Страшное, незабываемое зрели-

ще — небольшая площадь буквально усеяна телами погибших. Вера Прокопьевна, наша соседка, бежала со мной на руках. Она споткнулась, и мы с ней летели по трупам, пока меня не подхватила мама. Потом мы побежали дальше, чтобы успеть в укрытие до артобстрела... Не успели. Уже под взрывы снарядов скатывались по ступенькам какого-то глубокого погреба.

После отбоя мы, выбравшись из погреба, добрались до берега реки, не попали на минное поле, что можно расценивать как Божье провидение, так как в этих местах многие годы, уже в мирное время, рвались мины и гибли люди. Добравшись до Константиновки, мы всё никак не могли остановиться. Подошел командир в плащ-палатке. Кроме радости от встречи с жи-

выми гражданскими людьми, важно было получить информацию о положении в городе. Командир обратился к моей маме, безошибочно определив в ней старшего этого маленького отряда мужественных женщин. Мама и другие женщины рассказали, что они успели заметить в городе, где какие укрепления немцев, все, что могли знать. В это время бойцы подстрелили пару куриц и выдали их нам «сухим пайком», потом проводили дальше в тыл до деревни Волчья балка, где мы дождались окончательного освобождения города.

Мелитополь освободили 23 октября 1943 года, ровно через два месяца после освобождения Харькова. Город весь был в руинах (развалинах). Многие годы ушли на восстановление разрушенного войной. Например, здание пединститута начали восстанавливать только в 1960 году. В восстановлении посильное участие принимали и студенты нашей группы. Не помню, куда делись мужчины из нашего отряда. Но уже после возвращения в Мелитополь однажды на улице мы с мамой встретили двоих подтянутых, в ладно сидящей форме военных — это были они. До полной победы оставалось ещё больше года!..

В. Т. Солгалов

Не жили – пережидали*

Василий Тихонович Солгалов (1930–2016) — сотрудник ВНИИЭФ, начальник отдела (1969–1975), заместитель начальника отделения (1984–1988), секретарь парткома РФЯЦ-ВНИИЭФ (1974–1984), к.т.н. С 2000 года и до выхода на пенсию был начальником лаборатории исторических исследований РФЯЦ-ВНИИЭФ.

Его пронзительные воспоминания о военном детстве вошли в его автобиографическую книгу «Мы были в начале пути» (Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2005), выдержки из которой мы публикуем.

«До 1949 г., до окончания 10 класса средней школы я жил в деревне. Моя мать Ксения Егоровна работала в колхозе и дома. Мать была добрая, работящая, умная женщина. Любила нас, детей. Отец Тихон Ильич, был спокойный, даже, казалось, хмурый мужчина. Он работал в районе бухгалтером, управляющим банком, затем заведующим районным финансовым отделом. Коммунист с 1936 года, член РК КПСС, депутат райсовета и т. д. Честный, порядочный человек.

22 июня 1941 года после обеда мы, дети, играли на выгоне в лапту. Вдруг по дороге галопом мчится всадник из районного центра. Оказывается, часа два назад председателю колхоза по телефону сообщили, что началась война, но он не стал будоражить народ, мол, может, это так же, как на озере Хасан. И тут приехал уполномоченный проводить общее собрание колхозников села.

* «Вести города», №17–19, апрель—май 2019 г.

Набить морду немцу

На собрании шумно, грубовато говорили все разом, все хотели идти добровольцами на фронт и набить морду этому немцу. Более ста человек записались добровольцами. Первые недели провожали еще с гармошкой, песнями и плясками, а уже в августе-сентябре — с плачем и воплями.

Немец все шел, подходил все ближе и ближе. Атмосфера в селе становилась все угрюмее. Радио немцев распространяло различные слухи, ложь, панику. Такая обстановка порождала у одних страх перед приходом немцев, но были и те, кто не боялся немцев, а даже ждал их прихода, надеялся на лучшую жизнь при них.

С запада гнали скот, лошадей, с запада шли беженцы, кто на телегах, кто пешком — сотни тысяч. Шли наши солдаты в порванных шинелях, усталые, утомленные и часто голодные. Тылы были разрушены. Они рассказывали о злодеяниях немцев, гибели своих детей, отцов. В селе стало тихо, неуютно, люди попрятались. И природа словно ощетибилась. В октябре было много дождей, в ноябре выпал снег, для тех мест рано, и к концу ноября начались сильные морозы. Пятого декабря появилась разведка немцев: гуськом с поля в село пришло человек сорок. К вечеру прибыл обоз и еще ряд войск. Село оккупировали. Расквартировались по сельским домам и начали свою жизнь. Фронт остановился.

Идет женщина метрах в 150 от группы немцев, несет воду на коромысле из колодца. Они орут, потом быстро хватают винтовки, и кто первый убьет. Убили — споры, хохот. Старая бабушка выглянула в окно, они заметили, второй раз выглянула, а на третий раз ее в окне и застрелили.

Дня через четыре из соседней деревни начали наступать наши войска, бои длились три дня. Уходя, немцы подчистую сожгли село, с пучками соломы бегали от дома к дому и поджигали крыши. Осталось домов 30 в лесу. На удивление, наш дом остался цел. Его тоже подожгли, но в село уже входили наши

солдаты, и его затушили. Мы же в это время в лесу прятались от немцев. Немцы загоняли людей в погреба и бросали туда гранаты. Растапливали сильно печь и бросали туда хозяйку, топили людей в колодцах. Так погибло около сорока человек. Отбирали коров, свиней, овец, кур себе на кухню. Все было. Русский человек лишался всех прав. День освобождения был радостным, но проявилась страшная картина, везде дым, пепелища на снегу, черные остатки домов, сараев, сотнеголосый плач женщин.

Вам рано погибать

Ежедневно по селу стреляли снарядами, минами, ночами ходила немецкая разведка и перестрелка шла в селе из винтовок и автоматов. Гибли солдаты, мирные жители, дети. Над селом часто висел немецкий разведчик — двухфюзеляжный самолёт, мы его называли «рамой», и бросал листовки.

Солдаты выкопали окопы, построили блиндажи возле домов в наших садах и огородах. Мы, дети, большую часть времени проводили с солдатами в окопах, даже спали в блиндажах. За день несколько раз прибегали домой за водой или вареной картошкой для солдат, за это они давали нам сахар. Носили мы им молоко, носили белье для стирки женщинам. У нас были уже друзья среди солдат, они оберегали нас, когда шли бои, артиллерийский или минометный обстрел. Когда немцы большим количеством подходили к селу и завязывался серьезный бой, они отсылали нас в погреба. Лейтенант говорил, что в бою детей не должно быть, им еще рано погибать. Так было всю зиму 1941–1942 гг.

Люди приспособивали для жилья что осталось от пожаров: сарай, погреба. И все равно настрой был такой, только бы немцев разбить, а остальное потом будет. Была вера в армию, во власть, в Сталина И. В. Весной наши войска взяли еще две-три деревни, и фронт отодвинулся от нашего села на 10–12 км.

Отцовский долг

В. Т. Солгалов и В. А. Белугин

Отец мой до июня 1942 года в армию не призывался. Во-первых, возраст — 42 года, во-вторых, вся область со своими делами и аппаратом была эвакуирована в г. Балашов Саратовской области. Для сохранения банковских ценностей, регулирования финансового потока отец некоторое время работал в банке Балашова. У него была бронь. В конце июня он получил разрешение вывезти семью из прифронтовой полосы в тыл и приехал за нами.

Но в день нашего отъезда началось летнее наступление немцев 1942 г. Мы успели отъехать не более 40 км от села в сторону Старого Оскола, а остальные 90 км день и ночь бежали под разрывами снарядов, мин, бомб. Рядом колонами и враспынную отступали наши войска. То тут, то там впереди, то сбоку появлялись немецкие группы, заброшенные в наш тыл. Они сеяли панику, прерывали связь, а с самолетов бросали листовки, требовали от войск остановиться, так как все равно окружены. Временами войска останавливались перегруппироваться. В это время, как по заказу прилетали немецкие самолеты и начинали бомбить наши войска, которые уходили в лес, овраги. Мы попадали под эти бомбежки за день несколько раз. Один раз сбросили тракторное колесо, которое, когда летело, ревело леденящим душу воем, как тысячи бомб. В этот момент мы были в лесу. Я прятался у одного пожилого солдата под мышкой. Он лежал на локте, а меня засунул под себя и уго-

варивал не бояться, так как, мол, эти бомбы летят не на нас, а рядом. Тогда легко были ранены мои отец и мать.

Бомбежки прекращались, и под обстрелом мы вставали и бежали дальше на восток. Вечером 2-го июля действительно мы въехали в деревню, в которой уже были немцы. Так мы вновь оказались в оккупации. Отец оставил нас, решив пробираться через линию фронта к своим. Он подсоединился к какой-то группе и 3 или 4 раза переходил кольца немецкого окружения. Отец пошел добровольно в армию, отказавшись от брони. Да и действительно, какая бронь, когда область полностью оккупирована немцами, воевать нужно идти. И он пошел. Родину мало любить — за неё надо бороться. В армии он был до августа 1945 года, когда после войны шла возрастная демобилизация и демобилизация специалистов, студентов, трижды раненых и т.п. К тому времени мы уже жили опять в Роговом.

Второй раз в оккупации

А в июле 1942 года немцы ставили заслоны на дорогах и из деревень, которые они занимали, не выпускали никого. Шли они веселые, гордые, рукава засучены — покорители, победители. Шли машины, танки, мотоциклы, шли немцы на восток с музыкой и песнями.

Мы просидели эти дни в погребе, нас приютила одна семья. Затем стало притихать, уменьшилась, затем совсем прекратилась стрельба. Все вылезли посмотреть, что наделали бои и немцы. Мы хотели пересидеть войну в этом селе, так как там никто не знал, что наши отцы коммунисты. Но через неделю в селе появились староста, полицейские и немецкие приказы. Приказы гласили, что тот из эвакуированных, кто родился или жил на территории, теперь «освобожденной от коммунистов Великой Германией», должен в 10-дневный срок вернуться на свою Родину. В случае невыполнения приказа — расстрел. Полицейские переписали паспорта матери и сказали, чтобы

через 10 дней мы были на своей Родине. Через 5 дней, собрав кое-какие вещи, мы запрягли корову и поехали домой, в Роговое.

Приехали домой. В нашем доме уже жили три семьи. Так мы жили все вместе до 1944 года. Немцы наведывались в село раз в неделю собирать скот, питание, вещи. Потом эта зона оккупации была передана мадьярам.

Стали приезжать мадьяры в светло-коричневой форме. Уже были назначены старосты и полицейские. Полицейские ездили на лошадях с собаками, гордо ходили, могли выпороть кнутом любого гражданина, тем более забрать и куда-нибудь направить на работы, организованные немцами. Отбирали для немцев и себя скот, теплые вещи к зиме, хлеб, крупы... Везде искали зерно, что находили, увозили сразу же. Гоняли на работу очищать от снега дороги. В селе организовали плетение соломенных лаптей в трех пунктах для часовых зимой. Я видел часовых, стоявших в этих лаптях. Появились газеты, в которых писалось, что Москва занята, Ленинград, Сталинград тоже заняты немцами, армия разбита и Советский Союз на коленях, вот-вот рухнет совсем. Стал создаваться слой населения, который поддерживал немцев, так было примерно три месяца. Село пока не волновалось, притихло.

Появилась поющая и гуляющая кулацкая молодежь, и дети старост, полицейских, приспешников и предателей. А у большинства людей все мужчины на войне, на советской стороне, и радости для них не было. Они не жили. Они переживали и пережидали.

Видимость стабильной жизни

Немцы создавали видимость стабильной жизни на оккупированных территориях. Создавали производственные бригады по типу советских для уборки урожая, кормов, вывоза леса, очистки дорог от снега и т.п. Осенью открыли школу с первого по четвертый класс, объявив, что на территории СССР будут

работать школы, дающие начальное образование — более высокого образования для жителей СССР Германии не требуется. В школах преподавали без учебников по временным программам. Историю вообще исключили, давали материал о Германии, о ее величине, о хорошей жизни в Германии, об избранной богом нации, предназначенной руководить миром. Ввели Закон Божий, учили молитвы, рассказывали о жизни Христа и его сподвижников. О русской, тем более советской литературе не упоминалось. Все это длилось одно полугодие, а затем подошёл близко фронт и пришли наши войска...

Весной 1943 г. даже старики и дети были вынуждены работать в колхозе. Все для Победы! Нужно было пахать. Тракторов нет, лошадей нет. Есть коровы и быки. Меня обязали пахать на корове плугом. Сестра, девяти лет, водила корову, а я ходил за плугом. Нужно было вспахать 20 соток в день. Так было в 1943, 1944 и 1945 годах. Весной пахали с 5 и до 10 утра, пока нет оводов и меньше мух, вставали около четырех и ехали в поле. Мне шел четырнадцатый год, плуг тяжелый, корова — не лошадь.

В 1943 году я впервые косил сено, овес, пшеницу, ячмень, а в 1944 году — рожь.

Помню день окончания войны. Пришли газеты с опозданием на 2–3 дня, и мы узнали, что наши войска взяли Берлин. Радио в селе не было. Срочные и важные сведения передавали по телефону. Все ждали окончания войны, но когда оно будет — скоро или через месяц...

И вот — весна, все цветёт, только что закончились уроки, нас вывели на улицу, около 400 учеников. Директор Иван Ефимович сказал, что война окончилась и в три часа дня возле школы состоится сельский митинг. Мы должны сообщить об этом домашним и всем, кого встретим.»

Подготовила Н.В. Почтарюк

В. Н. Такоев

Детский взгляд на военное лихолетье

Публикуем воспоминания председателя последнего городского Совета народных депутатов, одного из создателей закона «О ЗАТО», лауреата Государственной премии в области науки и техники, ветерана атомной энергетики и промышленности, почётного гражданина города Сарова Валерия Николаевича Такоева о детстве, опаленном войной.

«Я неоднократно пытался погрузиться в эту небезразличную для меня тему, вспоминал отдельные эпизоды, сохранившиеся в мозгу трех-семигодовалого ребенка. Естественно, события 1939 — первой половины 1941 года я могу «вспомнить» только по рассказам моих родителей, услышанных от них чуть позже. Уверенно могу утверждать, что с ранней осени 1941 года воспоминания о военном лихолетье в моей памяти — мои собственные.

«Картина маслом» в полночном небе

Вот информация из Википедии: «Бомбардировка Горького — серия бомбовых авиаударов со стороны немецкой авиации с осени 1941 по лето 1943 г. Основной целью бомбардировок было разрушение промышленного потенциала города. Наибольшие повреждения получил завод им. Молотова. За время войны вражеские бомбардировщики совершили 43 налета, из них 26 налетов ночью. На город были сброшены 33934

* «Вести города», № 35, 36 от 4, 11 сентября 2019 г.

зажигательных бомбы и 1631 фугасная. Бомбардировки Горького стали самыми крупными ударами Люфтваффе по тыловым районам Советского Союза в годы войны. Условие уничтожения промышленности Горького было в операции «Барбаросса» с самого начала. В то время он был одним из крупнейших производителей и поставщиков вооружения Красной армии».

В это время мы жили в городе Горьком. Отчетливо помню наш двухэтажный дом на улице, которая, как мне казалось, имела несколько странное название — Литературная. Здесь прошло мое военное детство. События этих лет я до сих пор вспоминаю с каким-то особым чувством, которое позволяет мне, будучи уже далеко даже не юношей, ощущать себя четырехлетним ребенком, копающимся руками в глубоком речном песке своего двора в поисках осколков от бомб, сброшенных поблизости немецкими самолетами.

Заградительный огонь наших зениток затруднял их подлет к цехам Горьковского автозавода, и они спасались бегством. А чтобы набрать максимальную скорость для побега, беспорядочно сбрасывали отягощавшие их бомбы на жилые кварталы, т.е. на наши канавинские дворы...

Пять судьбоносных минут

Свои «воспоминания» я должен начать с событий довоенного 1939 года. Я взял слово «воспоминания» в кавычки, ибо напоминаю о мировых событиях этого периода не по Википедии, а о собственной судьбе по рассказам родителей.

Итак, осенью 1939 г. к территории двух союзных республик СССР — Украинской и Белорусской — были присоединены до этого принадлежавшие Польше территории Западной Украины и Западной Белоруссии по условиям подписания пакта Молотова—Риббентропа с секретным протоколом к нему.

Мой отец и его ближайший друг со студенческих лет Григорий Осипович Левит с семьями были направлены на кожевенные предприятия Западной Белоруссии: мы — в поселок

Заблудово Белостокского уезда, а семья дяди Гриши (как я его всегда называл) — в Гродно. Родители рассказывали, что утром в Заблудове было слышно петухов, кукарекавших на немецкой территории...

12 июня 1941 года. Отец собирался на две недели в командировку в Гродно. На машине нас с мамой доставили на местный вокзал, отец посадил нас в поезд до Москвы, а сам отправился в Гродно... Вот так меня судьба избавила от возможности испытать «прелести» немецкой оккупации! 22 июня в первый же час войны войска Вермахта были уже в Заблудове! Гродно, где отец находился в командировке, — несколько восточнее, чем уже занятое немцами Заблудово. Семья, по счастливой случайности, — в родном Богородске. Отцу в обстановке всеобщей неразберихи, под грохот приближающейся канонады нужно было как-то добраться до Москвы, а потом и до Богородска. Где пешком, где на случайных попутках... добрался. Семья собрана.

Друзья танкистов

С конца лета 1941 года и до конца Великой Отечественной войны мы жили в городе Горьком, на улице Литературной. На пустыре рядом с нашим домом периодически появлялись танки. Не помню, сколько стояли они там, но мы мальчишки, у танкистов были постоянными гостями. Полученные на Автозаводе танки на этом пустыре, видимо, снабжались боекомплектom и в сопровождении экипажей железной дорогой отправлялись на фронт. Наш мальчишеский интерес был не только в удовлетворении своего неистребимого любопытства и естественной тяги к военной технике. Танкисты щедро снабжали нас, не избалованных изобилием детских игрушек, казавшимися нам очень яркими коробками из-под пулеметных патронов. Они были примерно вдвое крупнее коробки папирос «Казбек», но не бело-голубые, а красно-белые. Девчонкам, игравшим в «дочки-матери», мы дарили коробки для обустройства

их «кухни» — игры у них все больше были про еду (во что же тогда им было играть), а мы, игравшие в войну, хранили в них собранные в песках нашего и соседних дворов осколки бомб, по форме отдаленно напоминавшие ёлочные ветки, только не зеленые, а темно-синие — цвета металлической окалины.

Одно из самых ярких воспоминаний

Мы жили на первом этаже двухэтажного дома. Занимали одну комнату в двухкомнатной квартире. Помню, что одну из соседок по квартире звали Клава. В соседях жила семья по фамилии Мазины. С этой семьей и их квартирой у меня в памяти есть одно очень яркое воспоминание. Это было скорее всего весной или летом 1942 года.

Помню, что к нам приехала из Богородска моя бабушка Любовь Николаевна Ермакова (в девичестве Трунова). Она была очень религиозным человеком и настояла, чтобы я был крещён. В деталях помню процесс этого религиозного обряда, совершаемого в квартире соседней по подъезду — Мазиных. Кроме меня крестили еще одного или двух малышей, девчонок или мальчишек — не помню.

В центре комнаты стояла то ли кадушка, то ли детская ванночка с водой. Приглашенный бородатый священник говорил какие-то слова, матери этих детей и моя бабушка ходили с нами вокруг этой купели. Потом батюшка нас поочередно опускал в купель, произнося слова молитвы. Это было одно из ярких и потому запомнившихся в деталях событий в моей начинавшейся жизни.

Без бровей и ресниц

Отец служил в системе местной противовоздушной обороны (МПВО) Канавинского района города Горького. Помню, в его распоряжении был зеленый мотоцикл с коляской М-72, который в свободное от службы время стоял под окном нашей

комнаты. Зимой для облегчения пуска двигателя отец прогрел свечи, помещая их в металлическую банку, в которой тлела ветошь, смоченная бензином. Однажды я решил посмотреть, все ли там идет правильно. Ну вот, хорошо, что пришел – ветошь едва тлеет. Нужно помочь! Я наклонился к банке и подул в нее. Вспышка! Я мгновенно отстранился, но домой вернулся уже без бровей и ресниц...

Опасность в небе

Ночью город погружался в кромешную тьму. Требования светомаскировки были строжайшие – не дай бог, если из зашторенного окна у кого-то на улицу пробьется лучик от керосиновой лампы или свечки! Примерно через полчаса после объявления воздушной тревоги приближался характерный прерывистый гул летящих на большой высоте немецких самолетов. Мы уже на слух отличали наши самолеты от немецких. Наши издавали постоянный низкий монотонный гул, а у немецких звук был прерывистый.

Вдруг небо озаряется десятками очень ярких пиротехнических светильников, сброшенных с передовых самолетов и медленно опускающихся на небольших парашютах. Объекты прицеливания становятся отчетливо видны с самолетов. Практически одновременно небо расчерчивается яркими лучами наших прожекторов, которые попарно рисуют букву X, в перекрестие которой ловится вражеский самолет. Множество букв X медленно ползут по небосводу, удерживая в перекрестиях самолеты, а вблизи каждого из них беспорядочно разрываются зенитные снаряды.

Я не могу утверждать, что видел, как снаряд попал прямо в какой-то конкретный самолет и сбил его. Просто всю полусферу неба в этом грохоте разрывов снарядов и беспорядочно сбрасываемых бомб удерживать в сознании невозможно даже взрослому человеку, а уж ребенку и подавно. Но от такой картины поистине перехватывало дыхание!

Бомба во дворе

Не при каждом налете удавалось увидеть подобное. Когда армада вражеских самолетов шла практически над нашими домами, было не до зрелищ! Мы прятались в подвалах — в наших песчаных дворах узкие щели вырыть не удавалось. Перпендикулярно фасаду нашего дома, примерно в двадцати метрах от него, стоял длинный деревянный сарай с двускатной крышей. Каждой семье отводилась примерно двухметровой ширины секция. Во время одного из налетов фугасная бомба упала в нашем дворе. Осколками было побито множество окон, в соседнем подъезде на лестничной клетке от осколка погиб пожилой мужчина. Утром мы не узнали свой сарай — он стал на пару метров ниже. Взрывной волной были повалены стенки, а двускатная крыша, почти неповрежденная, стояла, словно длиннющий шалаш. Осенью 1943 года налеты на Горький прекратились. Помню, много радости было в разговорах о том, что мост, соединяющий Канавино с центральной частью города, одна из главнейших городских артерий — знаменитый Окский мост — устоял! Запоминающихся ребенку ярких событий стало меньше.

Долгожданная Победа

Но вот, наконец, пришла весна 1945 года! Помню, как 9 мая радовался вместе со всеми долгожданной ПОБЕДЕ! Затем было возвращение в Богородск, на улицу Кашина, в родной дом №34 к бабушке Любове Николаевне и дедушке Федору Ивановичу Ермаковым. В другой половине потомственного Ермаковского дома жили дедушкин брат Иван Иванович Ермаков с супругой Софьей Михайловной. Дядя Ваня был на фронте минометчиком. Он вернулся с войны инвалидом — не сгибалась нога. У них проживали два офицера из расположенной в Богородске авиационной воинской части. У летчиков были цветные плакаты детального устройства различных немецких самолетов

размером в лист А1. Плакаты с самолетами Мессершмитт-109 и Фокке Вульф-190 я изучил досконально – летчики хвалили.

В августе 1945 года от этих моих первых учителей военного дела я подробно узнал о новом фантастическом, «ужасном» оружии, от которого, как они говорили, «даже земля горит и становится надолго необитаемой». Его продемонстрировали миру американцы, разрушив мирные японские города Хиросиму и Нагасаки сброшенными на них атомными бомбами. Были убиты от 150000 до 250000 мирных жителей. Мог ли я тогда предполагать, что со временем мне предстоит близко познакомиться с этим «ужасным» оружием?!

«Птичка» судьбы

Отец приступил к работе на кожевенном заводе им. Кашина. 1 сентября первого послевоенного 1946 года я стал учеником первого класса начальной школы №8 г. Богородска. Семь первоклашек в одинаковых серых одеждах. Эти «дети войны» остались без родителей — их приютил детдом. На большой перемене нам раздавали по кусочку черного хлеба и чайной ложке сахарного песка, насыпанного в кулечек из газеты.

Я не смог проследить жизненный путь всех этих одноклассников до настоящего времени, но про одну из них поведаю подробнее. Альбина Брюзгина. Я обратил внимание, как эта худенькая, коротко стриженная девчонка за соседней партой, одетая в красное ситцевое платьице в белый горошек, отвечает на вопросы, когда ее спрашивает учительница. Она опиралась руками о край парты и повисала, как птичка на ветке, оторвав от пола ноги. Мог ли я тогда знать, что это моя судьба.

Взгляд на горе-завоевателей

Во время войны весь наш народ, от воюющего на фронте бойца, недоедавшего труженика тыла, чуть передвигающегося старика и до сопливого мальчишки, испытывал лютую нена-

висть к фашистам, принесшим нам столько горя. Личную ненависть не только к Гитлеру, но и к каждому исполнителю его приказов, до последнего солдата. Но в СССР не было ненависти к Германии, стране с высокой многовековой культурой и наукой. У нас не прекращали любить Бетховена и Баха, Гёте и Шиллера, почитать и учиться у Рентгена и Ома, Планка, Герца и Шредингера.

В пригородах Богородска в конце войны и первые послевоенные годы был лагерь военнопленных. Я очень хорошо помню одетых в зеленовато-серую потрёпанную немецкую форму «фрицев». Большими группами их строем водили на работы под конвоем наших солдат. Но нередко мимо нашего дома проезжали гужевые повозки с какими-то грузами. Повозками управляли такие же пленные немцы. Эти поверженные арийцы в шапках с опущенными ушами уже не вызывали той ненависти и злобы. Они безропотно участвовали в восстановлении разрушенного ими хозяйства нашей страны.

В 1949 г. в Горьком закончили постройку уникального сооружения. Его строили пять лет с привлечением к работе огромного числа этих горе-завоевателей. Я очень люблю Нижний Новгород. Как и для многих нижегородцев, это грандиозное сооружение, единодушно названное жителями «Чкаловская лест-

ница», давно стало и для меня самым дорогим и почитаемым местом в городе. Скажу больше, с какой бы стороны я не въезжал в Нижний, я всегда помню, что главный вход, парадный подъезд — это Чкаловская лестница! И это очень естественное восприятие, ведь Нижний Новгород — это речной город. С Волги в этом месте одновременно видны башня и стены древнего кремля, строгая архитектура современных зданий и памятник Валерию Павловичу Чкалову. Этот широко известный символ Нижнего Новгорода уже семьдесят лет манит гостей. Неравнодушные ценители красоты, преодолев 442 ступени, будут вознаграждены — их покорит вид красавицы Волги, им откроются бескрайние просторы заволжских далей, могучая ширь стрелки Волги и Оки. А посмотрев в ту сторону, куда обращен взгляд нашего легендарного летчика, вы не устоите перед заманчивой красотой и величием города. Добро пожаловать!»

Дорогие ровесники!

Дети войны — это не возрастная категория части населения нашей страны, это Звание! Дстойное звание людей, по-настоящему знающих цену жизни. Наш солидный возраст не помеха быть носителями славных традиций своего народа и терпеливыми помощниками современной молодежи познавать и беречь достойную историю своей Родины! Доброго Вам здоровья и успехов в работе нашей недетской организации!

Альбина и Валерий Такоевы

*Подготовили Н. В. Почтарюк и Г. Ф. Иоилев,
фото из архива В. Н. Такоева и сети Интернет*

А. И. Ткачёва (Понарына)

Жизнь неподалеку от ада*

По своим масштабам, результатам и военно-политическим последствиям битва на Курской дуге (5 июля — 23 августа 1943 года) является одним из ключевых сражений Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Участие в ней приняли около 2 млн человек, 6 тысяч танков и 4 тысячи самолетов. «Еще один день в аду, — так писал в своем дневнике участник сражения, немецкий офицер-танкист Й. Холль. — Коммунисты устроили ад на поле боя».

Но война втягивает в свою страшную орбиту не только солдат и офицеров, но и мирное население. Публикуем воспоминания Александры Ивановны Ткачёвой (Понарыной), чье военное детство прошло неподалеку от этого ада.

Я родилась 23 декабря 1933 года в многодетной семье в селе Вторые Тербуны Большеполыанского района Курской области (сейчас это село находится в Липецкой области) и жила там до 58-го года. В семье я была самым младшим — шестым — ребенком. Нас было пять сестер и один брат. Самая старшая сестра родилась в 1919 г. Начала войны я не помню. В сорок первом году фронт был от нас далеко, и я не знала, что идет жестокая, кровопролитная война. Только осенью появились беженцы.

В начале лета сорок второго года фронт вплотную приблизился к нашему селу. Передовая линия проходила на расстоянии трех с половиной километров, а немцы находились за семь километров. Село наполнилось красноармейцами. Жители, объединяясь, готовили укрытия на несколько семей, выкапы-

* «Вести города», № 31, 07 августа 2019 г.

Моя семья

вая ямы, накрывая их чем придется и засыпая сверху землей. Одно из таких укрытий находилось за домом тети Даши. Эти укрытия были рассчитаны, в основном, для детей. Родители старались спасти детей, при этом себя подвергали опасности.

Сначала немцы из дальнобойных пушек стреляли в центр села. Там находились два двухэтажных здания, школа и райком, в которые целили немецкие артиллеристы. Мы слышали, как снаряды гудели, пролетая над нашими головами. Наверное, немцы засылали к нам корректировщиков, но тогда я об этом, конечно, не знала. Потом стал прилетать самолет и в пикирующем полете расстреливать все живое.

В один из дней, когда, казалось, выдалось затишье, я пошла поиграть к подруге. Мы вышли в сад за ее домом, тут внезапно налетел немецкий самолет и стал стрелять по солдатам,

которые были в этом саду. Мы с подругой спрятались в окопе. Она забилась в дальний конец и плакала, а я хотела вернуться домой. Только высунуть наружу, а солдаты мне кричат что есть мочи: «В окоп!!! В окоп!!!» А сами, прячась за яблонями, стреляют по самолету. Несколько раз я пыталась вылезти и убежать домой, но каждый раз солдаты меня останавливали. Вдруг слышу радостные возгласы: «Сбили!!! Сбили!!!» Мы выскочили из окопа и видим, как горящий самолет летит в сторону соседнего села Бурдино. Тут же отовсюду выскочили взрослые и дети и побежали вслед за самолетом. Так я впервые увидела настоящий самолет.

Через два дома от нас стоял покрытый железом дом тети Сони, нашей однофамилицы, и иногда, при налетах, мы прятались в нем, так как боялись пожара — наш дом, как и остальные, был покрыт соломой. Во время очередного налета мы бросились бежать к укрытию. Наверху раздавалась стрельба и гул немецкого самолета. Когда все стихло и мы вышли наверх, моим глазам открылась страшная картина. У порога дома тети Даши, метрах в десяти от укрытия, в котором мы прятались, лежали два убитых солдата, рядом, на дороге, — убитая лошадь, еще двух солдат убило около другого дома. Одному из них размозжило голову, и вся дверь этого дома была в крови. Увиденное потрясло меня и врезалось в память на всю жизнь.

Вот-вот войдут немцы...

В селе стало тревожно – вот-вот войдут немцы. Около нас жила соседка. В селе ее звали Дрючихой. Не знаю, чем мы ей не угодили, а может быть, она была таким человеком, что ей не зря дали это прозвище. Как-то раз она маме говорит: «Вот немец придет, и ты кровью захлебнешься!» Но мама про это никому тогда не сказала. Папа решил, что нам надо эвакуироваться: он был коммунистом, старшая сестра — комсомолкой. Если немцы захватят село, то всю нашу семью повесили бы или расстреляли с подачи таких вот дрючих. Мама не

хотела уезжать, говорила: «Ну, куда ехать вшестером, нас никто на квартиру не пустит». Вообще-то нас должно было быть семеро, но моя старшая сестра Мария еще до войны окончила педучилище и была направлена работать в школу села Большие Озерки, там вышла замуж за Разинкова Ивана Лукьяновича. Это село располагалось в двадцати километрах от нашего. В начале войны её муж ушел защищать Родину. Летом сорок второго года, когда немцы были уже близко, сестра пришла к нам посоветоваться, как ей быть. Ей посоветовали пока вернуться в родной дом, и она пошла в Большие Озерки за вещами. Придя туда, назад вернуться уже не успела — немцы захватили село. Всех жителей выгнали из домов, дома подожгли, а людей, как скот, погнали на запад. Сестра попала в плен. Мы об этом не знали и даже заочно её похоронили. Но, к счастью, она осталась жива. С собой успела взять только пальто, на ногах были туфли. Когда наступила осень и похолодало, сестра со свекровью (она тоже оказалась в плену) пошли себе чулки из байкового одеяла, которое захватили с собой. До холодов пленные находились под открытым небом за колючей проволокой.

Немцы ушли дальше на восток, оставив с пленными старосту (русского человека). Он не продан немцам (есть вероятность, что он был подпольщиком) и по-человечески относился к пленным – разместил их по квартирам, а моя сестра даже преподавала в школе. Все это происходило в Курской области.

Люди остались людьми

Весной 1943 г., когда фашистов погнали в обратную сторону, сестра вернулась в родное село. Голодная, в лохмотьях шла пешком в направлении Вторых Тербунов. Люди пускали её на ночлег, давали с собой что-нибудь поесть, но иногда и не давали, потому что дать было нечего. Чем ближе она подходила к родному селу, тем больше боялась встретиться с людьми, знавшими нашего отца (до войны он работал в нескольких

окрестных селах председателем сельсовета), да и стеснялась своего оборванного вида.

На эвакуацию мама была вынуждена все же согласиться. Собирались спешно, взяли с собой только самое необходимое, даже кровать осталась заправленной, думали, уезжаем на две-три недели. Выехали приблизительно в середине июля сорок второго года в направлении Липецка. В подводу были запряжены две плохонькие лошаденки, сзади привязали корову. Лошадьми управлял четырнадцатилетний брат. Одним обозом выехало шесть семей, среди которых были и из соседнего села Бурдино. Все забрали с собой своих коров. Ехали только ночью, а днем прятались в лесах и перелесках от немецких лётчиков, чтобы не доставлять им удовольствия обстреливать нас.

Доехали до небольшой деревни Соловьевки и там остановились. Наш караван поселили в школе. Это была маленькая сельская школа, в которой мы прожили до конца августа. А с началом учебного года нас расселили по домам сельских жителей. Нашу и еще одну семью, Чернышовых (всего 11 человек), поселили к одинокому деду. Ближе к зиме из-за отсутствия корма для коров четыре семьи, приехавшие с нами, переехали в село Троицкое. Вскоре и мы (наша и еще одна семья) решили переехать туда. А перед этим там наши матери ходили по домам проситься на постой. В одном из домов хозяйка, окинув взглядом просящих, дала добро нашей маме, хотя вторая семья была небольшой, из трех человек. Моя мама была одета победнее, а значит, и люди попроще — рассудила хозяйка (ее звали, как и мою маму, Акулиной). Вот так запросто, живя в небольших домиках, люди принимали к себе жить даже большие семьи. А сейчас такое возможно?

Когда мы уехали в эвакуацию, папа остался в селе. И только в конце сорок второго года его забрали в армию, а сначала оставляли для подпольной работы. Но об этом я узнала через много лет после войны.

Птичка из теста

Мой брат. 1950 г.

Наступил сорок третий год. Немцев потеснили. Папа с фронта прислал письмо с предложением возвращаться в родное село. Акулина стала уговаривать маму: «Да куда вы поедете. Оставайтесь у меня. Я вам дом подпишу». Но как папа решил, значит, так и должно быть.

Возвращались в марте, в два приема. Сначала мама перевезла меня со старшей сестрой. Брат опять управлял лошадьми и вместе с мамой уехал за остальными. Наше село изменилось. На дороге стояла разбитая легковая машина. Потом, когда вернулся брат, то из разноцветных проводов этой машины сделал мне бусы, которыми я хвасталась перед подружками. В соседских дворах было полно ящиков с запалами, снарядами, гранатами. Валялись каски, котелки, которые люди использовали для хозяйственных нужд. В одном из дворов лежала куча бутылок с зажигательной смесью (коктейлем Молотова), которую использовали вместо керосина.

Мама, отправляясь за остальными, оставила нам немного пшена. Сестра варила из него похлебку, в которой было больше воды, чем пшена (мы называли его кулешом). Пока мы отсутствовали, в нашем доме похозяйничали. Забрали все, что было — кровати, стол, стулья, постели и даже дверь с петель сняли. Люди, наверное, подумали, что мы уехали навсегда и дом превратили в склад — там стояли колхозные плуги. Потом всё, что было взято, вернули. А сначала нам пришлось жить в соседском доме у тети Сони. Пока мама перевозила остальных сестёр и брата, мы уже стали голодать, потому что этот кулеш нисколько не насыщал. Когда-то давно у нас в селе завели обычай — встречать весну. И по этому поводу все должны были

из теста выпекать птичек. И вот тетя Соня, наверное, в своих закромах наскребла немного муки и месит тесто для птичек. Я сижу напротив нее, смотрю на это тесто голодными глазами и еле сдерживаюсь — слезы душат и ком в горле. Не хотела показывать, что сильно голодная — воспитание не позволяло. Но тетя Соня это заметила и отломилла мне кусок теста: «На, слепи себе птичку».

Вернулась мама с остальными сестрами и братом, но наша жизнь не улучшилась. Голод продолжался. Огород засаживать было нечем, не было даже картошки. Корова не доилась. Посадили кормовую свеклу, чтобы запастись на следующую зиму. Не было соли, спичек. Чтобы растопить печь, мама выходила на улицу и смотрела, у кого из трубы идет дым, шла к ним и просила углей. Трудно было всем, но люди, как могли и чем могли, помогали друг другу. Мама пухла от голода, но постоянно думала только о том, чем нас накормить, во что одеть и обуть. Я ходила в школу в худых папиных сапогах выше колен. Тем не менее в этих обстоятельствах мама не теряла присутствия духа и все время подбадривала нас: «Девчата, не горюйте, может быть, откуда-нибудь канет». И тут получаем письмо от папы, в котором он пишет, что нам выслана посылка с трофейной обувью. С фронта посылки на родину могли высылать только офицеры. Вместе с папой служил офицер, у которого не было родственников, вот он и сделал для нас доброе дело. Мама несколько раз просила прочитать это письмо и каждый раз с радостью повторяла: «Я говорила вам — канет, вот и кануло». Когда я стала совсем взрослой, мне часто снились сны: наступают немцы, а я думаю, что взять в эвакуацию, и решаю, что надо брать кримпленовый костюм, потому, что он ноский, да еще и гладить не надо.

Долгое эхо войны

Весной сорок третьего года колхоз начал посевную. Никаких тракторов не было. Поля вспахивали сохами на лошадях,

и колхозники на своих коровах боронили. Я с мамой ходила боронить. Мама вела корову, а я погоняла. Корова не хотела идти на середину поля, упиралась. А в обратную сторону бежала. Она хоть и животное, а, наверное, понимала, что не её это дело — боронить. Кое-как протянули до зимы. Мама работала в колхозе, и там на трудодни кое-что давали. Зимой еще спасались мочёной кормовой свеклой. Резали кубиками и варили из нее похлебку, которую мы называли щами. Хотя эти так называемые щи сейчас противно было бы даже в рот взять, а не то чтобы есть. Так и жили. Вдруг ни с того, ни с сего каждой семье выделили по мешку зерна. В селе ходили разговоры о том, что сам Сталин распорядился об этом.

Начиная с сорок третьего года ребята постарше, в том числе и мой брат, промышляли на бывшей передовой линии. Там оставалось много боеприпасов. Бывало, что гибли или оставались калеками, подрываясь на какой-нибудь мине или гранате. Но самое главное то, что ни у кого из них и в мыслях не было, и в страшном сне не могло присниться желание использовать это оружие в каких-то криминальных целях. А что творится сейчас?

Эхо войны звучало еще несколько лет после войны. Три женщины шли по полю, одна из них наступила на мину и погибла. При вспашке поля погиб тракторист, подорвавшись на мине.

*Давно закончилась война,
Но до сих пор ей нет конца
В душе моей контуженой...*

*Подготовил К. Ткачёв,
фото из архива А. И. Ткачевой (Понарьинной)*

Ю. А. Трутнев

Годы войны*

Юрий Алексеевич Трутнев — советский и российский физик, доктор технических наук, профессор, академик РАН (1991); Герой Социалистического Труда (1962), лауреат Ленинской (1959) и Государственной премии СССР (1984); награжден двумя орденами Ленина (1956, 1962), орденом Октябрьской Революции (1971), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1975, 1987), полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» (1998—2012). В. Губарев: «Ю. А. Трутнев являлся самым активным и эффективным разработчиком термоядерного оружия».

«Я родился 2 ноября 1927 г. в семье студентов Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Мой отец Трутнев Алексей Григорьевич окончил академию почвоведом и работал научным сотрудником в институте. Часто ездил в экспедиции. Родом он из Нижегородской области, Шатковского района, села Понетаевка.

Моя мать Трутнева (Полинова) Елизавета Георгиевна родом с южного Урала, из уральских казаков (Великое войско Оренбургское, Троицкий военный округ, станица Александровская). К казакам в то время отношение было очень нехорошее. Мать, уехала в Москву учиться. Сначала на рабфаке, а затем в Тимирязевской сельхозакадемии. Поступить на рабфак ей помогла секретарь Крупской Н. К. Уехала она вовремя — её родители и вся семья были высланы на северный Урал.

** По материалам публикаций «Ю. А. Трутнев. История в документах и фотографиях» (Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2017) и Владимир Губарев. «Академик Юрий Трутнев: Бесконечный фронт работ» (Наука и жизнь, № 8, 2005; № 03, март 2019)*

С матерью и отцом

В Петергофе я встретил начало войны. Как сейчас, помню прекрасное утро. День должен был быть хорошим. А так как я много читал (я окончил уже 6-й класс), то, взяв одну из любимых книг, отправился в лес. Пока я шел к лесу, услышал отдаленные взрывы и какой-то необычный звук мотора самолета, не похожий на звук наших самолетов. Я обратил на это внимание, но не придавал большого значения. По дороге в лес мне пришлось подойти к железной дороге, по которой ходили электрички. Было воскресенье, и народ, естественно, хотел отдохнуть на природе. Но первая же электричка, уходящая в Ленинград, меня поразила. Вагоны были битком набиты, и люди буквально висели снаружи. Это было настолько необычно, что я отправился домой. Уже на окраине Петергофа меня встретили знакомые ребята: «Война! Война с Германией!» — Я не поверил: «С Японией, наверное? У нас с немцами договор!» Нет, это была война с немцами. Мне сказали, что по радио выступал Молотов.

Я пришел домой. Мать уже сидела на чемоданах. Спрашивает: «Что будем делать?» — «Конечно, едем в Ленинград», —

сказал я. Приехав в Ленинград, мы уже не застали отца — по повестке он ушел на сборный пункт. После этого я не видел его вплоть до 1944 г. Отец остался в блокадном Ленинграде. Он был командиром батальона МПВО (местной противовоздушной обороны). Ему приходилось разряжать невзорвавшиеся бомбы.

Паники в городе не было. Очень быстро по всем жилым массивам были организованы группы дежурства, в том числе и те группы, которые в случае тревоги поднимались на чердаки и крыши ликвидировать зажигательные бомбы. Этим занимались не только взрослые, но и молодые ребята, и мальчишки, в том числе и я. На чердаках были установлены ящики с песком и емкости с водой. Ключ от чердака находился у меня. До эвакуации я помню две или три воздушные тревоги и днем, и ночью. Приходилось вылезать на крышу. Бомбежек еще не было. Но всё время летал двухфюзеляжный немецкий самолет-разведчик («рама»). Его обстреливали зенитки, но безрезультатно.

Из-за приближения фронта было принято решение об эвакуации детей из города. Шестого июля мама собрала мне чемодан, внутри него написала, кто я и откуда, и пошли мы с ней на Витебский вокзал. Пришли. Там уже стояли «дачные» поезда. На перроне — множество родителей с детьми. И все шли или стояли молча, без воплей и рыданий (не верьте фильмам, в которых смакуется «горечь расставания»). Конечно, все понимали, что расстаётся, может быть, навсегда и горько переживали разлуку со слезами на глазах. Посадили меня в вагон, я попрощался с матерью (она тихо заплакала) и поехал вместе с другими на восток, на станции Чёбаково, по-моему, между Рыбинском и Ярославлем, нас высадили и поместили в пионерский лагерь. Никогда раньше и позднее меня не охватывала такая тоска мальчишки, оторванного от дома. Но через некоторое время это прошло, я начал интересоваться геологией места и нашел «чертов палец» — хвост белемнита. Я все это уже знал, так как читал я очень много.

Где-то в августе или сентябре за мной приехала мама (она успела выехать из Ленинграда незадолго до начала блокады) и мы решили поехать на родину отца, в деревню Понетаевку, что недалеко от Сарова. Но в деревне было довольно голодно, и в одной избе, где нужно было жить, уже было много родственников и эвакуированных. Тогда мы решили отправиться на родину матери, на Урал, в г. Троицк Челябинской области, где жили её дальние родственники.

Эта поездка — пожалуй, самое яркое впечатление от эвакуации. На станциях — невероятное количество людей, суматоха, ругань, драки. Для меня, мальчишки, это было страшно. Потерять мать в этой суматохе ничего не стоило. Кроме того, голод. Помню станцию Красный Узел, откуда железнодорожная ветка шла на восток. Был момент, когда женщины, ехавшие в эшелонах, подняли бунт, требуя хлеба, и грозили тем, кто распределял хлеб, послать телеграмму Кагановичу, если не найдется хоть какой-нибудь еды. Что-то нашлось.

Дальше на восток мы ехали уже в товарных вагонах, набитых битком. Народ был отовсюду: молдаване, цыгане, украинцы, жители России, беженцы с запада страны. Мы надолго остановились на станции Кинель. Здесь скопилось много военных эшелонов, поездов с эвакуированными, все пути были заняты. Помню шум, крики и страшную вонь — ведь туалетов на такую толпу, что называется, не напасешься. Выходя из вагона, мы ходили по месиву экскрементов. Эта одна из «картинок» войны. Но я мальчишка, и мне хотелось других впечатлений. Очень хотелось увидеть Уральские горы. Долго ехали по степи, и на закруглении железнодорожного пути я поражался длине состава. Питались чем попало, иногда нас на станциях снабжали хлебом.

Наконец, появились Уральские горы. Дальше нужно было ехать на север, в Троицк. Но как, на чем? В основном, эшелоны шли с востока на запад или с запада на восток. Пошли по путям. И нам повезло: встретился товарняк, загруженный вагонными рессорами. Он шел в сторону Троицка.

Но садиться посторонним в такие поезда тогда было категорически запрещено. Мы все же залезли в один из вагонов с рессорами. И тут к нам подошел железнодорожник: «Кто такие, откуда и куда?» Мать объяснила. Он посмотрел на нас с сочувствием и махнул рукой: «Ладно, езжайте!»

В Троицке мы устроились в маленькой комнате. В сентябре я пошел в школу, в 7-й класс. Школа мне понравилась. Учились дружно. Здесь я стал членом ВЛКСМ. В школе, вне классов, в зале, были расставлены различные спортивные снаряды. С их помощью я привел себя в порядок с точки зрения укрепления организма.

Должен отметить, что, несмотря на войну, почтовая связь работала. Мы получали от отца письма из блокадного Ленинграда. Правда, с замазанным цензурой текстом. И от сестры из Евпатории, пока их не эвакуировали, мы также получали письма. Даже посылки приходили из Ленинграда. Зима 1941–1942 гг. была в Троицке суровая. Доходило до 40° С мороза, а я ходил довольно легко одетый, в брезентовых сапогах. Правда, и климат там континентальный. Большое впечатление оставили передачи из Ленинграда. Особенно я запомнил поэму Николая Тихонова «Киров с нами»:

В железных ночах Ленинграда

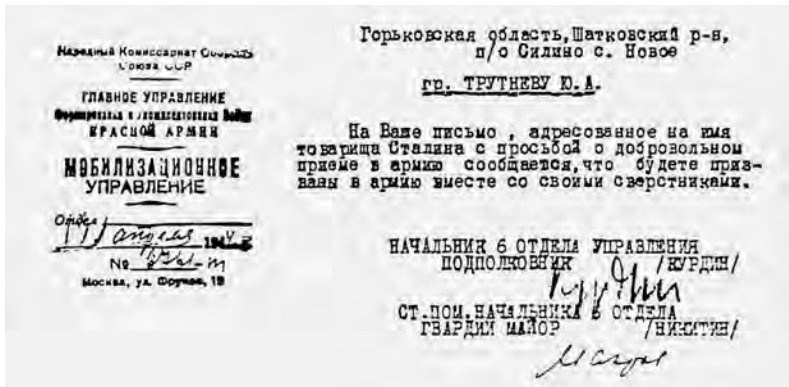
По городу Киров идет,

И сердце прегордое радо,

Что так непреклонен народ...

Дожив до весны, все стали сажать в невспаханную степь картошку; землю лопатой ковырнешь и в ямку — кусочек картофеля с глазками. Но урожая мы не дождались. Той же весной решили вернуться в Горьковскую область, в Понетаевку. Там я окончил 8-й класс. Там же меня избрали комсоргом, и я часто ездил в Шатки, в райком комсомола.

В 1943 г., осенью, в нашем районе был начат набор в армию ребят 1926 г. рождения. Я пошел в военкомат и сказал, что я с 1926 г., и мне пора служить, а документы потеряны. Мне поверили, и оставалось ждать, когда призовут. В начале зимы

Ответ на письмо И. В. Сталину

1943 г. мне пришлось уйти из Понетаевки к матери в деревню Новую. В Понетаевке было очень голодно. Хлеб пекли с картошкой и просяной половой. Каждый день в деревенской печи в чугушке пекли кормовую свеклу. Сахара ведь не было. Вот так и жили. У меня, по-видимому, началась дистрофия. До деревни Новой мне пришлось пройти около 40 километров на лыжах. Мать пришла в ужас, увидев моё состояние. Но все проходит. Питание было неизмеримо лучше, и я довольно быстро пошел на поправку.

Учиться мне в 9-м классе пришлось в поселке Поя, в 9 километрах от деревни Новой. В это время начался призыв в армию, и мать с удивлением узнала, что я записался в 1926 г. Она буквально вытащила меня из эшелона, показав настоящие документы и сказав, что я соврал. Меня с позором прогнали: «Мальчишка!» Тем не менее, я не смирился и написал письмо Сталину с просьбой зачислить в ряды Красной Армии, так как я хочу защищать Родину. Для меня это был не пафос и не высокие слова. В то время это было нормой. И стал ждать ответа. И я получил ответ! Только уже в апреле 1944 г. (до сих пор его храню). В нем говорилось, что я непременно буду призван в армию, но со своими сверстниками. Подписали его подполковник и гвардии майор.

Сестра рассказала, когда немцы подошли к Крыму, из Евпатории стали эвакуировать лечившихся там детей, в их числе была и она. На машинах и поезде их перевезли в Керчь, а затем на барже под обстрелом через Керченский пролив на Таманский полуостров и далее — в Новороссийск. Из Новороссийска их переправили в Нижнюю Теберду, считая, что уж туда-то немцы не дойдут. Дошли! Часть персонала и эвакуированных детей (малая часть) смогли уйти через Клухорский перевал в Грузию. Сестра осталась в Теберде. Нормально ходить она тогда не могла. Там было еще много детей. Немцы разделили детей по национальностям. Триста детей и жителей уничтожили в душегубках и сбросили тела в Мухинское ущелье. Сестра чудом уцелела. Одна из медсестер убедила немцев, что Воля — русская. Сестра жила, собираясь, среди карачаевцев и немцев. Карачаевцы с ненавистью относились к оставшимся.

Где-то в феврале немцы отступили, и началось безвластие, мародерство. Через некоторое время со стороны Грузии пришли лыжники — бойцы нашей армии. Они были потрясены, увидев массу детей, голодных и полуживых. Немедленно были развернуты полевые кухни. Детей окружили заботой. К бойцам обратились с просьбой взять письма и обязательно отправить их по почте. Все, кто мог писать, быстро написали письма и отдали бойцам. Те забрали письма, обещая их отправить, и ушли. Уверен, что письма они отправили все.

Сестра еще раньше, в Крыму, знала, что мы с мамой эвакуировались в Троицк, и письмо отправила туда. Когда мы были уже в деревне Новой (недалеко от Шатков), из Троицка письмо сестры переслали нам. Таким образом мы узнали, что она жива. А дальше происходило следующее. Одна женщина, которой мы глубоко благодарны (к сожалению, мы не знаем ее имени), уезжала из Теберды на Север (кажется, в Свердловск). Расспросив детей, откуда они и где есть возможность встретить родных по пути ее следования, она собрала несколько детей. В их число вошла и моя сестра, которая сказала, что ей

А. Г. Трутнев. 1943 г.

нужно в Шатки. В Шатках она вышла и сразу направилась в райком комсомола.

Летом 1944 г., после снятия блокады, за нами в деревню Новую приехал отец. Всю блокаду он воевал в Ленинграде, был ранен в голову. По фотографиям, которые отец нам присылал, его трудно было узнать: сильно он похудел, но улыбался, и лицо было все в морщинах. В Ленинград мы ехали по дороге Москва — Ленинград, но в районе, где проходил фронт, поезд свернул на Тихвин. Когда проезжали мимо Волховской гидростанции, было видно, что бомбили и обстреливали ее беспощадно. Плотина была взорвана, а пространство вокруг — воронка на воронке. А говорят еще, что снаряд не попадает дважды

в одно и то же место! После Тихвина поезд пошел на Ленинград, и мы прибыли на Финляндский вокзал.

Трудно описать счастье возвращения в родной город! В это время в Ленинграде было сравнительно мало народа. Был комендантский час. И странно было видеть утром (солнце уже встало) пустые улицы и отсутствие движения транспорта. Обстрелы и бомбежки сделали свое дело — было много разрушенных домов, или домов, в стенах которых зияли отверстия, пробитые снарядами. Коней Клодта на мосту через Фонтанку не было. Их сняли и укрыли от повреждений. Но сам мост, его гранитные парапеты были изувечены осколками снарядов.

В. В. Путин и Ю. А. Трутнев

Мне нужно было продолжать учиться, и я пошел в 206-ю школу Куйбышевского района, что на Фонтанке, напротив БДТ. Эта школа была в старые времена, по-видимому, коммерческим училищем. Меня зачислили

в школу и отправили в военные лагеря на Карельском перешейке. Там были и другие ученики школы. Учились стрелять, в т.ч. и из противотанковых ружей. Рад был, что прошёл такой лагерь. Дальше — учеба в школе, её окончание и поступление в Ленинградский университет имени А. А. Жданова.

Модно ругать ядерное оружие (ЯО), тех, кто занимался военной тематикой. Но не надо забывать, что в нашем мире, сложном, охваченном кризисами, страна в обороне все равно нуждается. А ЯО, с моей точки зрения, самый дешевый способ предотвратить любые угрозы, любые трудности. ЯО — это оружие и политическое. Оно заставляет возможного агрессора серьезно задуматься, прежде чем начать конфликт со страной, где оно есть. Для нас ЯО имеет особое значение — таково геополитическое положение страны. Американцам хорошо — они сидят за тремя океанами, а мы находимся в самом центре материка. И кто сказал, что на нем спокойно?! Вспомним о границах, о территориальных претензиях... Кризис глубок. К тому же надо жить не только сегодняшним днем. А чего ждать в будущем, пока неизвестно. По крайней мере, американцы не собираются отказываться от ЯО, речь идёт только (даже не идёт) о сокращении.

Блокада. До и после*

И. Ф. Шарова

Недавно Северная столица Санкт-Петербург, а с ней и вся страна, отметили 75 лет снятия блокады. В честь памятного события прошли торжественные мероприятия. Блокада Ленинграда немецкими, финскими и испанскими войсками с участием добровольцев из Северной Африки, Европы и военно-морских сил Италии во время Великой Отечественной войны длилась 872 дня с 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г. Она стала одной из самых черных страниц русской истории. Особенно для тех, кто тогда только начинал жить. Для детей.

Не ворошить?

В Сарове сейчас живут 37 горожан, переживших блокаду Ленинграда. Одна из них — Ираида Федоровна Шарова, кандидат физико-математических наук, почётный ветеран РФЯЦ-ВНИИЭФ. Ираида Федоровна Шарова в течение 45 лет трудилась на градообразующем предприятии. Жизнь, долгая и достойная, как и у всех людей её поколения, разделена на две части: до войны и после. Воспоминания Ираиды Федоровны записала корреспондент «Вестей города» Т. Криницкая: «Они во мне сидят, сидят, эти воспоминания. Но я стараюсь их не ворошить», — сказала она, показывая хрупкий пожелтевший тетрадный лист.

*«Вести города», № 16, 24 апреля 2019 г.

В райсовет

«В райсовет Свердловского района инспектору по охране детства от Шаровой Ираиды, проживающей: Васильевский остров, 13-я линия, д.2/19, кв. 1 Заявление. Я живу вдвоем с мамой. Отец у меня умер в 1938 году, мне сейчас 12 лет. Мамочка у меня больная, у нее припадки эпилепсии, инвалид II группы. Сейчас мамочка не встает, ей очень плохо. На мне лежит вся забота. А я не знаю, что мне делать, и решила обратиться к вам. Мы живем в полуподвале и сейчас остались без дров. В комнате холод и сырость, нам даже нечем согреть кипятку. Мы совсем уже пропадаем с мамочкой. Я получаю пенсию 38 рублей, а мамочка — 102 рубля. На эти деньги мы сейчас живём. Прошу обратить на заявление хоть немного внимания, а то больше нет возможности. 14.10.1942 г.»

«Мне скоро будет 90 лет — родилась в ноябре 1929 года, в Ленинграде, на улице Блохина. Там еще неподалеку — зоопарк, Зверинская улица и большая церковь, в которой меня крестили (возможно, Ираида Федоровна говорит о Князь-Владимирском соборе. — Т. К.). Мои родители Вера Ивановна и Федор Васильевич, уже вместе со мною, от бабушки переехали на Васильевский остров. В школу пошла восьми лет. В 1938 году умер папа, и мы с мамой остались вдвоем.

Как началась война, я не помню. Помню только, что в сентябре 1941 года, нас, учеников, со школой увозили словно бы в эвакуацию под Ленинград — мы рыли картошку в колхозе. Но начались налеты, наступление, и нас вернули в Ленинград. Везли поездом в товарных вагонах, пока длились налеты, дети разбежались в поле, а когда заканчивались, взрослые вставляли в дверях вагонов и втягивали нас вовнутрь. Так и ехали. Натерпелись, конечно... Приехали в Ленинград — а там дворники по-прежнему в белых фартуках и с бляхами... И показалось сначала, что ничего не изменилось, однако дальше становилось все хуже и страшнее. Наступили холод и голод первой блокадной зимы.

Но первую блокадную зиму мы с мамочкой пережили. Надо сказать, моя мама была из очень многодетной семьи: бабушка родила 14 сыновей и дочерей, но дети не выживали, осталось пятеро лишь. Мама в детстве переболела корью и оглохла. Из-за глухоты образования она не получила, работала гардеробщицей, еще кем-то... Маме давали рабочую карточку, а мне, хоть и исполнилось 12 лет, — не иждивенческую, а детскую. Это, наверное, меня и спасло. За карточками я ходила куда-то далеко по Васильевскому острову».

Карточки...

Цену им каждый петербуржец-ленинградец знает. Цена им была — жизнь.

Справка. По данным руководителя отдела использования и публикации документов Центрального госархива Санкт-Петербурга Надежды Черепениной, осенью 1941 — зимой 1942-го в Ленинграде существовали карточки на шесть видов продуктов: хлеб, крупу и макаронные изделия, мясо, сахар и кондитерские изделия, рыбу, жиры. В сентябре-ноябре нормы постоянно падали. И хотя количество выдаваемого мяса формально не уменьшилось — рабочим, например, полагалось по 1500 граммов мяса и в сентябре, и в декабре 1941 года, выдавать-то было нечего. Для гражданского же населения нормы отпуска товаров по продовольственным карточкам, введенным в городе еще в июле, ввиду блокады города снижались и оказались минимальны с 20 ноября по 25 декабря 1941 года. Размер продовольственного пайка составлял: рабочим — 250 г хлеба в сутки; служащим, иждивенцам и детям до 12 лет — по 125 г, личному составу военизированной охраны, пожарных команд, истребительных отрядов, ремесленных училищ и школ ФЗО, находившемуся на котловом довольствии, — 300 г.

При этом до половины хлеба составляли практически несъедобные примеси, добавлявшиеся вместо муки. Все остальные продукты почти перестали выдаваться. 23 сентября пре-

кратилось производство пива, а все запасы солода, ячменя, соевых бобов и отрубей были переданы хлебозаводам, чтобы уменьшить расход муки. На 24 сентября хлеб на 40% состоял из солода, овса и шелухи, а позже целлюлозы. В декабре 1941 года повысили нормы выдачи хлеба — население Ленинграда стало получать 350 г хлеба по рабочей карточке и 200 г по служащей, детской и иждивенческой; в войсках выдавали по полевому пайку 600 г хлеба в день, а по тыловому — 400 г. С 10 февраля на передовой норма увеличилась до 800 г, в остальных частях — до 600 г. С 11 февраля были введены новые нормы снабжения гражданского населения: 500 граммов хлеба для рабочих, 400 — для служащих, 300 — для детей и неработающих. Из хлеба почти исчезли примеси. Но главное — снабжение стало регулярным, продукты по карточкам стали выдавать своевременно и почти полностью. 16 февраля было даже впервые выдано качественное мясо — мороженая говядина и баранина. В продовольственной ситуации города наметился перелом.

Серебряная медаль слесаря-инструментальщика

По решению горисполкома с января 1942 г. в городе открываются новые детские дома. За пять месяцев в Ленинграде их организовано восемьдесят пять, принято 30 тыс. детей, оставшихся без родителей. Командование Ленинградского фронта и руководство города стремились обеспечить детские дома необходимым питанием.

Ираида Федоровна продолжает: «То письмо-заявление, — уже второго года войны. Как отреагировал инспектор? Нам привезли дров, а маме дали направление в... ну, сейчас это назвали бы профилакторием: собирались подкормить, подлечить. Я ее проводила. Вскоре после того, как она попала в стационар, кто-то позаботился и обо мне — меня тоже положили в больницу. Но когда меня выписали, оказалось, что домой идти уже незачем и не к кому. Умерла моя мама. И я попала

в детский дом. Эвакуировали нас в Горьковскую область. Вывезли, кажется, в Арзамасский район. В школе детского дома окончила пять классов и отправилась в ремесленное училище в Горький.

Дядя, мамин брат, живший в Москве, добился моего перевода в столицу. Ремесленное я там и окончила — у меня до сих пор удостоверение об окончании ремесленного училища №40 хранится; я еще и слесарь-инструментальщик пятого разряда. В училище пробыла несколько дольше курса обучения — задержалась на инструментальном складе, с подружкой помогали кладовщику с инвентаризацией, а потом еще и с его основной работой. Быстро все запоминали и детали не путали. В столовую, помню, приходили и бодро рапортовали: «Группа мастера Статнова». Однако долго использовать рабочих не по назначению не позволили, вернули нас с подружкой учиться, и скоро я окончила ремесленное.

Слесарем-инструментальщиком работала на Московском заводе им. 1 Мая (скорее всего, речь идет о камвольно-прядильной фабрике, основанной еще в XVII веке. — Т. К.) Такие, как и я, малолетние слесаря зачищали швы у деталей после сварки. В цехе — разбитые стеклянные крыши, зимой холодно. Грелись около сварочных аппаратов. Общежития у завода не было, для нас снимали квартиры в частном секторе Подмосковья. Ни электричества, ни воды, колонка на улице. Частично платил завод, частично — мы сами. До работы добирались на электричках. Из цеха меня забрали в отдел главного механика на должность «дежурного слесаря пятого разряда». Чертежи скопировать, по поручениям сбегать. И училась в вечерней школе.

В 1949 г. окончила школу рабочей молодежи с серебряной медалью. Поначалу не знала, куда пойти после ее окончания, но моя учительница из детдома — мы поддерживали с нею связь — посоветовала изучать математику. (Еще в детдоме учитель математики Аким Васильевич меня хвалил, полагаю, справедливо — помню, с одним одноклассником быстрее всех

в классе задачки решали.) На мехмат МГУ медалистку взяли без экзаменов, только собеседование прошла — и студентка. Прямо скажем, в вечерних школах подготовка не самая основная, но курсу к третьему догнала по знаниям однокурсников, выровнялась.

Почти все время учебы в МГУ носила одно и то же старое, драное демисезонное пальто, какие-то матерчатые тапочки, а поверх них — резиновые боты с деревянным вставленным каблучком. Жила на стипендию, летом, как большинство студентов, подрабатывала. Одно лето — пионервожатой. Три смены в пионерском лагере с мальчишками 8–9 лет. Казалось бы, куда уж голодной студентке худеть — нет! от постоянного беспокойства за подопечных похудела к 1 сентября чуть не вполовину. Еще одно лето работала «групповодом» — приезжавших в Москву на курсы учителей нужно было всюду сопровождать. На заработанные деньги купила с рук шубу — обрадовалась, что больше мерзнуть не придется. А она вся облезла и рассыпалась на кусочки! Так и доносила до диплома свое драное пальто.

И все-таки математика

После университета направили работать в Морской гидрофизический институт Академии наук. Располагался он в Подмоскowie. Работали, в основном, имевшие специальность «Физика моря», а я попала в группу члена-корреспондента АН Леонида Николаевича Сретенского.

Жить там было негде — общежития не было, зарплаты маленькие. Посоветовали было поступать в аспирантуру, чтобы получить хотя бы аспирантскую комнатку в общежитии, но я съездила, посмотрела на это аспирантское общежитие... И как-то не захотелось мне туда — на старших курсах МГУ мы жили уже в высотке на Ленинских горах, где и душ, и комнаты отдельные. В то время мои сокурсники попали по распределению на «объект», и я тоже попросилась. В начале 1950-х приехала.

Отработала здесь 45 лет, была математиком-программистом в отделении 08, защитила кандидатскую диссертацию. Не скрываю, в чем-то при ее подготовке мне муж помогал. Мой муж Александр Сергеевич Бушев был физиком-теоретиком. Умница был! Я его очень любила. Он умер шесть лет назад. У нас двое сыновей.

А еще, как у многих горожан, был огород, небольшой совсем, но такие замечательные помидоры росли! Не жалею, что не вернулась в Ленинград — не хотела. Там мне все тяжело доставалось. А здесь — интересная работа и любимая семья. Трудная была жизнь. Пробивалась трудно.»

Плотно закрыта крышка фортепьяно, на котором учились играть сыновья Ираиды Федоровны. Плотными рядами стоят на полках книги прекрасной библиотеки. Не умолкает телефон — коллеги и друзья звонят часто и интересуются делами и здоровьем Ираиды Федоровны.

Подготовила Т. Криницкая, фото из архива И. Ф. Шаровой

Ж. Д. Шинкарева (Синицына)

Синицыны в годы войны*

Жанна Дмитриевна Шинкарева — младшая дочь в семье Синицыных, родилась в 1941 году. В основе её воспоминаний лежат рассказы отца Дмитрия Семеновича, матери Казимиры Казимировны, сестер, брата, других родственников, жителей села Ужлятино и Шумилино Витебской области Белоруссии.

В сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война. Немецкие войска вторглись в Польшу с запада, с востока 17 сентября 1939 г. советские войска перешли границу Польши.

В соответствии с секретным советско-германским соглашением (пакт Молотова–Риббентропа) польская территория должна была быть поделена между двумя сверхдержавами. К СССР отходили западные (для Польши восточные) области, с преимущественно украинским и белорусским населением, которые вливались в состав Украины и Белоруссии. В результате польской кампании территория Белоруссии увеличилась, граница с Польшей была упразднена в районе Дриссы, а сам город перестал быть приграничным. Наладилась переправа через Двину.

22 июня 1941 г. немецкие войска вторглись на территорию Белоруссии, которая входила в состав СССР. Началась Великая Отечественная война. Сводки с фронта не предвещали ничего хорошего. Жителей Дриссы стали сгонять на строительство оборонительных сооружений. Был организован истребительный батальон из партийно-советского актива. Часть состава была вооружена и находилась в школе, днем и ночью

* «Вести города», № 25, 26 от 26 июня 2019 г.

начеку, остальные должны были находиться в Дриссе, чтобы в случае тревоги явиться на место. Были сведения, что немцы забрасывают парашютистов-диверсантов, которые уничтожают связь и другие важные объекты. Отец тоже был зачислен в отряд, но ночевал дома, а утром и вечером являлся в штаб на поверку.

С началом войны тысячи людей были вынуждены оставить свои насиженные места, свои дома и двинуться на восток, в свободные от немецкой оккупации регионы. В первых числах июля Рабинович велел своему тестю, который работал в артели грузовых извозчиков забрать семью и уезжать из города. У него была лошадь и телега. На телегу сложили кое-какие пожитки, усадили двоих детей Рабиновича, жену, стариков. Они уехали, но через два дня вернулись со словами: может, все обрывается. Рабинович обругал их и заставил немедленно уехать. Так они остались живы. После войны жена Рабиновича работала в банке Дриссы. Сам Рабинович погиб на фронте.

Сначала эвакуировались в колхоз «Новый шлях»... Посоветовавшись, решили: войска пойдут через крупные города, Витебск и Полоцк, на Москву, а мы пойдём на север. Весь проделанный путь был отмечен отцом на карте. Там же отмечено место в районе Климовщины и Дерновичей, где толпу беженцев на дороге настиг самолет. Он появился внезапно и стал расстреливать людей из пулемёта. Бросились врассыпную, вокруг редколесье, низкий кустарник, толком и спрятаться негде. Самолёт на низкой высоте гонялся за мечущимися людьми, направляя очередь пулемёта то туда, то сюда. Летчик улыбался, если можно так назвать его оскал.

Седьмого июля были в Краснополье. Там к машине подошли военные без опознавательных знаков и велели высаживаться... Мать, бывшая на шестом месяце беременности, и сестры осунулись, почернели. Пошли на восток. Шли лесом 15 км, увидели стадо коров, которое гнали в тыл. Удалось попить молока.

Политика геноцида

В июле 1941 г. Шумилинский район был полностью захвачен немецкими войсками, и оккупация продолжалась до конца июня 1944 г. Для осуществления политики геноцида и проведения карательных операций сразу вслед за войсками в район прибыли карательные подразделения войск СС, айнзатцгруппы, зондеркоманды, тайная полевая полиция (ГФП), полиция безопасности и СД, жандармерия и гестапо. Во всех крупных деревнях района были созданы районные управы и полицейские гарнизоны.

Уже с первых дней оккупации района немцы начали отделять евреев от остальных жителей и убивать их. После 1939 г. в Шумилино появились польские беженцы, которые рассказывали о том, как немцы преследуют евреев. Но к ним мало кто прислушивался. Шумилино было захвачено немецкими войсками 8 июля 1941 г., и оккупация продлилась почти 3 года, до 23 июня 1944 г. Немцы сразу же начали убивать евреев-мужчин в возрасте от 15 до 50 лет, несмотря на то, что это были самые трудоспособные узники. Уже в первые дни после оккупации немцы собрали часть местных евреев-мужчин, колонной погнали за 10 км в Сиротино и там расстреляли. Этим же летом 1941 г. 12 еврейских парней отвезли к деревне Стариновичи, в 20 км от Шумилино, заставили вырыть яму и убили. В конце июля 1941 г., немцы, реализуя гитлеровскую программу уничтожения евреев, организовали гетто, куда согнали всех евреев из близлежащих деревень района. Территория была огорожена колючей проволокой и охранялась. На проволоке висели банки и бутылки, которые звенели, когда кто-то дотрагивался до ограждения. Полицай на вышке стрелял по каждому, кто подходил к запретной черте. Под страхом смерти всем евреям приказали нашить на одежду желтые метки. Люди болели и пухли от голода. 19 ноября 1941 г. всех узников гетто вывели и согнали в помещение льняного склада. Около 400 человек вывели на западную окраину Шумилино. До места убийства надо

было идти полкилометра. Над колонной узников стоял громкий плач и крики. Рядом с колонной шли немцы с собаками. Недалеко от торфобрикетного завода людей заставили выкопать огромную яму и всех расстреляли. Когда обреченных людей подвели к яме, молодые евреи запели Интернационал. Немцы натравили на них собак.

Везде в округе происходили расстрелы евреев. В поселке Сиротино расстреляли 316 человек, детей, женщин, стариков. 18 ноября стали выгонять людей на улицу и строить в колонну. Затем повели к месту убийства, обманывая, что их ведут на какое-то собрание в соседнюю деревню, где якобы можно собрать всех вместе в большом амбаре. К месту расстрела подъехала крытая грузовая машина с немецкими автоматчиками. Когда колонна обреченных людей подошла к карьеру, старая Хана-Рейза увидела свежерытые ямы и закричала, чтобы убежали, так как их ведут на расстрел. Ее тут же застрелили. Выползшую из-под мертвых тел восьмилетнюю девочку полицай зарубил лопатой. Места уничтоженных во время Холокоста евреев занесены в списки Израильского мемориального института «Яд Вашем».

Весной 1942 г. отца пригласили в волостную управу занять должность землемера. Отцу не хотелось работать на немцев. Он надел лапти, старый треух на голову, рваный зипун, перевязал зубы тряпкой и в таком виде явился в волостную управу. Там над ним только посмеялись, сказали, что он опустил ся, живя в захолустье. В Ужлятино были и немцы и полицаи, но немцы с местным населением старались не общаться, возлагая эту работу на полицаев. Полицаи гоняли местное население на работы по расчистке дорог, копке траншей, устройству брустверов, валов, заготовке дров.

Летом 1942 г. произошёл взрыв на железной дороге в районе Поповщины. После этого немцы стали жечь дома в Ужлятино, в том числе дом деда Семена Михайловича. Это происходило на глазах отца, а семья была внутри дома. Немец с автоматом наблюдал. Отец вывел детей, жену, стариков, коро-

*Отец Дмитрий
Семёнович*

ву. Потом бросился на чердак спасать соль, это была великая ценность. В результате у него обгорели руки. Документы и награды, медаль выставки, а также велосипед, оставшиеся на чердаке, спасти не успел, все сгорело. Для жительства оборудовали осеть (пуню) в полукилометре от деревни за речушкой. Отец ее утеплил, сложил печь из глины. Так и спали там вповалку на сене. Дед Семен Михайлович умер в 1942 году, сильно кашлял.

Еще один взрыв случился на переезде Ужлятино. Паровоз сошел с рельсов, а из вагонов высыпали солдаты, и началась облава. Всех мужчин, оказавшихся на улице, убивали. Так застрелили 15-летнего сына Агафьи Никифоровны Ваню. К пуне подбежал немец, вывел Дмитрия наружу, поставил лицом к стене и нацелил автомат со словами: «Партизан!» Мама ухватилась за ствол автомата и стала отводить его в сторону, говоря: «Да это

просто дед!» Но немец ударил её прикладом по голове, и она отлетела. Очнулась и схватила немца за ноги, он ее отпихнул в сторону. Авария на переезде была устранена, паровоз дал гудок, товарищи стали звать немца, и он пошел, но обернулся и выстрелил в пуню вверх голов лежащих в ней детей.

Много было семей, где кто-то из семьи воевал на фронте или в партизанах, а кто-то подался в полицаи. Особенно активно помогали партизанам молодые ребята, еще несовершеннолетние подростки. В книге Евгения Савинова «Зоины товарищи» описывается, как сражались ребята деревни Ужлятино, станций Язвино и Старое Село, а также рядом распо-

ложенных деревень. Они собирали оружие и передавали партизанам, разносили населению газеты «Правда», «Известия», «Звезда», «Витебский рабочий», распространяли листовки, брошюры. Пробирались к железной дороге, где были немцы, и подкладывали им прокламации на немецком языке, собирали детали к радиоприемникам, провода, аккумуляторы, следили за расписанием движения немецких патрулей на железной дороге, были связными. Не раз ребята с радостью наблюдали, как взрывались и падали составы, рушились мосты и дороги, взлетали автомашины. В победе над немцами никто не сомневался, только ждали.

Смотрели и плакали

Есть было совершенно нечего на оккупированной территории. Лечиться было нечем, травы и той не было, потому что всё выдирали и вытаптывали еще до того, как трава успевала вырасти. В лес ходить было страшно, все было заминировано, везде валялись снаряды. Все равно смельчаки выбирались на окраину леса. Дети отлично знали устройство снарядов, умели их разбирать, вытаскивать тол, но бывало и подрывались.

Фронт приближался

Летом 1943 г. часть жителей деревни собрали и отправили на работу в прифронтовую зону. Пока отец был в лагере, в Ужлятино произошло следующее: много жителей согнали в дом, хватали всех подряд, а другую часть погнали к реке для расстрела. Но сначала они смотрели на пожар. Мама с детьми попала в группу у реки. Тут же крутились полицаи. Полицаи не решались начать расстрел без команды свыше, а немцы были заняты расправой в деревне. Постепенно полицаи оставили людей, и народ стал разбегаться, кто в сторону леса, кто к партизанам.

Питаться было нечем. Когда дети смогли ходить, мать отправляла их просить милостыню. Потом понемногу начала шить, за эту работу ей давали льносемя. Мама носила его в соседнее село отжимать масло. Потом масло носила на рынок, продавала его и покупала снова льносемя. Часть масла меняла на картошку и хлеб. Дети бродили в поисках еды, иногда находили в полях картошку. Много в Бабаево умерло переселенцев весной от голода. В мае 1944 году мама купила на рынке картофеля и посеяла полосу в поле. Дети помогали шить, сеять, что-то относить, приносить. Брат нянчил меня. Игрушек не было, детства не было.

После освобождения Шумилинского района в 1944 г. семья вернулась в Ужлятино. Вперед послали Лиду, подготовить, найти место для жизни. Когда семья подъехала на машине к месту, где должна была быть деревня, то увидели, что деревни как таковой не было, голое поле. Жить негде. До войны в Ужлятино было 38 домов и 152 жителя, убито было во время войны 78 человек. А дома были уничтожены все. Сожженная и расстрелянная немцами деревня Ужлятино занесена в перечень уничтоженных поселений в музейном мемориале «Хатынь».

*Подготовила Н. В. Почтарюк,
фото из архива Ж. Д. Шинкаревой*

Все, пожалуйста, запомни, товарищ память!*

Е. Д. Яковлев

«Поколение, вышедшее из военного детства, преодолевая неизбежные соблазны, в основной своей массе стремилось следовать той, возможно, самой главной, заповеди военного времени — сделать для страны, профессии больше, чем получить лично для себя». Эти слова принадлежат известному ученому, ветерану РФЯЦ-ВНИИЭФ Евгению Дмитриевичу Яковлеву, чьи воспоминания о военном детстве публикуются ниже. Они объясняют многое в истории создания

ядерного щита Отчизны, в том числе первой советской атомной бомбы РДС-1.

Евгений Дмитриевич родился в 1937 г., окончил среднюю школу (1954 г.) с золотой медалью, в 1960 г. — механический факультет МВТУ им. Баумана по специальности «Средства поражения и боеприпасы». Принят в КБ-11 (ВНИИЭФ) 4 апреля 1960 г. в качестве инженера-конструктора в проектно-конструкторский отдел по разработке ядерных и термоядерных зарядов.

Первые крупные самостоятельными работы — создание конструкций двух самых мощных термоядерных зарядов, прошедших успешные испытания в 1961 и 1962 г. В 1972 г. возглавил сформированный по его инициативе специализированный отдел, осуществивший в последующем успешное развитие новых направлений в области конструирования специальной техники. В 1990 г. избирается начальником отделения по конструированию термоядерных зарядов, в 1994 г. назначается

*«Вести города», № 32 от 14 августа 2019 г.

первым заместителем главного конструктора, а в 2001 г. — главным конструктором ВНИИЭФ.

За период с 1960 г. принимал активное творческое участие в создании более 40 типов термоядерных зарядов. Его вклад в создание отечественного оружия высоко оценен государством: имеет благодарности Правительства СССР, Президента РФ и Председателя Правительства РФ, за работы в области создания зарядов ему присуждены Государственные премии СССР и РФ, премия Правительства РФ. Имеет звание «Заслуженный конструктор РФ», почетные ведомственные звания и ведомственные награды. С 2010 г. занимает должность советника при дирекции ВНИИЭФ и заместителя главного конструктора. Является членом НТС ЯОК и ряда его секций.

«Уважаемый читатель!

Мне предложено поделиться воспоминаниями о «великих тех годах», которые наш народ, ввергнутый в жесточайшие испытания, прошел с исключительным мужеством и достоинством и вышел из них с триумфом, равного которому не знала история человечества.

Мои воспоминания ничего не добавляют к тому, что уже написано в советской литературе об Отечественной войне и народо-победителе, и могут иметь значение только как небольшое дополнение к еще неоконченному разделу нашей военной и послевоенной истории, название которого — «Никто не забыт, ничто не забыто». Мои воспоминания являются частью неоплатного долга перед малой родиной, её жителями, моими родными и близкими, судьбы которых неотделимы от судьбы Отечества.

Утверждается, что мы все родом из детства. Моё и моих сверстников детство определили годы суровых испытаний в военное время, затем не проходящая радость и гордость за Великую Победу и героический груд советского народа по восстановлению и развитию Отечества, теперь уже неизменно и регулярно венчавшийся выдающимися победами по развитию и обновлению облика родной земли.

При этом на пути от Победы в будущее наиболее последовательными и верными исполнителями заветов народа-победителя являлись представители того среза нашего общества, которым выпало быть прямыми свидетелями исключительно высокой цены Победы.

Малая родина

Моей малой родиной является чудесный край — село Верхнее Красное, расположенное на когда-то чистой «как слеза ребенка» Западной Двине, в четырех километрах от районного городка Велиж Смоленской области. Весной противоположный от села берег Двины утопал в цветущей черемухе и виртуозных трелях бесчисленных соловьиных оркестров. Далее раскинулись омшары — лиственные и сосновые рощицы с зарослями черники и брусники, которые через 2-4 километра сменяли обширные клюквенные плантации. За селом на невысоком взгорье расцветал колхозный сад, а за ним зеленели поля, покрывавшиеся летом тяжелыми колосьями ржи, ячменя и золотистыми россыпями овса. Особой красотой отличались сине-голубые, словно опрокинувшееся на землю небо, цветущие поля льна — гордость и достояние Смоленщины. Двина, полноводная и могучая весной и осенью, звонкая на перекатах и задумчивая в омутах летом, охотно поила своими чистыми водами близлежащие села и менее охотно делилась многочисленными видами рыб, включая экзотических, но отнюдь не редких, угрей.

Трудолюбивый, умелый, расторопный крестьянин, не считаясь со временем, рачительно ухаживал за посевами и животными, растил сыновей и дочерей, оберегал от чрезмерных нагрузок постаревших родителей, украшал свой дом и усадьбу, чтобы всем близким она была желанной, чтобы скворцы и ласточки охотно селились в оборудованных для них скворечниках и площадках.

Парни и девушки обучались непростому и нелегкому крестьянскому мастерству, гордясь своим умением, трудолюбием,

статью, умножая достаток в семьях, а после изнурительного рабочего дня непременно собирались на берегу Двины, чтобы попеть чарующие русские песни, потанцевать под гармошку на вытоптанном до прочности асфальта пяточке, полюбоваться друг другом. Впереди — только радость и счастье. И вдруг всё это оборвалось: мирный труд, надежды, планы, единение с родными, связь с землей. 1941 год. Необходимо защищать родную землю, которую уже терзают разрывы снарядов и бомб, хороня и светлые мечты, и самих их носителей, но отнюдь не мужество и решимость защищать Родину.

Начинается военное детство...

В начале войны наша семья находилась в Локне — населенном пункте Псковской (возможно, тогда Великолукской) области по месту работы отца Дмитрия Михайловича — кадрового специалиста лесной промышленности. Отец сразу же ушел на фронт.

Мы с мамой Агриппиной Евдокимовной оказываемся в эвакуации. Для меня начинается военное детство.

Детский сад разрушен немецкой бомбой, приближается фронт, мама со мной последовательно перемещается на северо-восток Калининской области, пока не оказывается в поселке Кесьма Весьегонского района. Я болен: к воспалению легких присоединяется корь, положение критическое. Вместе с мамой меня кладут в поселковую больницу, переоборудованную в госпиталь для тяжелораненых, поступающих с фронта. К уже приобретенным болезням присоединяется абсцесс бедра от занесенной с уколом инфекции, потребовавший операционного вмешательства.

Периодически возвращаясь к тем начальным дням эвакуации, с острым чувством одновременно жалости и нежности размышлял я об этой великой, как и все матери, оказавшиеся в подобном положении, женщине. Никаких вестей с фронта о муже, неизвестна судьба отца, матери, сестры, возможно,

оставшихся в захваченном немцами Велиже, находящийся в бреду единственный сын, тяжелейшая атмосфера госпиталя, где постоянно натыкаешься на ампутированные руки, ноги, слышишь мучительные стоны выживших или умирающих защитников Отечества. Невозможно постичь истоки мужества 27-летней женщины в таком испытании. Но худшего не случилось — сын выздоровел. Следовательно, нужно жить дальше, работать, не терять надежды. И действительно, спустя некоторое время непостижимыми для тех условий путями была установлена связь с бабушкой, также оказавшейся в эвакуации, она с дочерью Аней, моей тетей, добралась до Кесьмы. Отец после серьезного ранения был демобилизован, но это случилось позднее. Выжил и дедушка Евдоким Григорьевич, оказавшийся все-таки на оккупированной территории.

Долгие два года эвакуации

В эвакуации наша семья оставалась более двух очень трудных лет, пройдя суровые испытания голодом. Запомнился ряд эпизодов. В детском саду, куда я был устроен после выздоровления, поскольку мама работала, группе мальчишек удалось проникнуть в помещение, в котором хранились небольшие запасы картофеля. Мы были настолько голодны, что немедленно стали поедать сырую картошку, обгрызая предварительно ее наружный немый слой.

Прошел слух, что шмели мед с цветков собирают на лапки. Это казалось правдоподобным, поскольку лапки действительно имели цвет меда из-за налипавшей на них цветочной пыльцы. Мальчишки немедленно начали охотиться на шмелей, поймав которых пытались облизывать их лапки. Желание попробовать вкус меда было столь велико, что нас не останавливали неизбежные укусы, и группа долго затем пыталась маскировать распухшие губы и языки.

Обед в садике, как правило, состоял из ломтика черного хлеба, который мгновенно съедался. Мама настояла, что-

бы выдаваемый кусочек хлеба я приносил домой и уже дома съедал его с состоящим в основном из кипяченой воды супом, который ей удавалось приготовить. Первая же такая попытка окончилась драматически. По пути домой мне потребовалось заняться неотложным делом, а драгоценный кусочек хлеба я положил на траву рядом. Моей любезностью немедленно воспользовалась наблюдательная ворона, и хлеб был таков.

В летнее время мы систематически исследовали возможность использования в пищу всего растущего и цветущего. Экспериментально были определены все травки и цветочки, которые можно есть. Что касается листьев деревьев, то, к сожалению, съедобными оказались только листья липы, мало распространенной в Кесьме.

С приездом бабушки наше положение несколько улучшилось за счет того, что ей удавалось, обходя соседние деревни, обменивать оставшиеся мамины вещи и постельное белье на какие-либо продукты. Иногда к великой радости семьи на столе даже оказывалось несколько щепоток соли. Тем и держалась семья до ранней весны 1944 г., когда оказалось возможным вернуться на освобожденную от оккупации Смоленщину.

Трудный путь домой

Путь на родину был трудным, но это был путь домой. Какая-то его часть была проделана в замороженной цистерне, лежащей на платформе на боку, где-то удавалось воспользоваться попутной машиной или подводой, а где-то нехитрый скарб переносился на себе частями: что-то перенесли, затем вернулись к оставленному и так еще и еще.

Семья воссоединилась в Верхнем Красном, где из восьмидесяти довоенных домов уцелело только пять, в том числе дом бабушки. Отец, фронтовик и член партии, нашел работу в райисполкоме, дедушка служил бакенщиком на Двине, мама — в райфинотделе. Осенью 1944 г. я был зачислен в 1-й класс велижской начальной школы. От еще недавно цветущей

малой родины остались пепелища, израненная воронками от взрывов и траншеями земля. Возвращающиеся из эвакуации и остававшиеся на оккупированной территории жители размещались в землянках, оборудованных солдатами вдоль берега Двины в периоды ведения боевых действий. Они сразу же принялись за восстановление колхозного хозяйства, в чем остро нуждалась страна, и созидание собственного будущего, возводя на родных пепелищах с основами русских печей далеко не прежние, но все же расположенные на земле, а не закрытые в нее домики. Жили все без исключения впроголодь. Что такое молоко или мясо, мы, дети, давно забыли. В Велиже не осталось ни одного полностью уцелевшего здания. Административные и социально значимые учреждения размещались в сохранившихся частях менее разрушенных строений. Это относилось и к школе, для которой подобрали относительно пригодное помещение с окнами, заколоченными наполовину досками, и наспех отремонтированной печью, позволявшей в зимнее время не замерзать чернилам.

Дистанция в 4 километра до школы и обратно преодолевалась пешком, независимо от времени года и погодных условий. В качестве писчей бумаги использовались, как правило, порезанные газеты, чернила изготавливались из предварительно собранных дедушкой ягод крушины. Но учились охотно, без пропуска уроков и опозданий, в чем была немалая заслуга высококвалифицированных педагогов, относившихся к нам по-матерински.

На все времена запомнился особый майский день. Дедушка в этот день по служебной необходимости прибыл в Велиж на лодке и, забрав меня из школы, по течению вез домой. И вдруг, еще проплывая Велиж, мы услышали на берегу беспорядочные выстрелы, которые то прекращались, то звучали с новой силой. Прибрежная улица стала заполняться жителями, мы услышали их ликующие возгласы, в которых главным было слово "Победа"!..»

Е. П. Яшин

Зиму я не любил...*

Евгений Петрович Яшин родился 1 мая 1941 г. в Татарстане. Рос и воспитывался без отца (отец пропал без вести на Орловско-Курской дуге). По окончании школы учился в железнодорожном училище и до призыва в армию работал осмотрщиком вагонов на ст. Красный Узел в Мордовии. Более 26 лет прослужил во внутренних войсках МВД, пройдя путь от рядового до подполковника. Образование высшее военное. В 1980 г. с курсантами Саратовского военного училища участвовал в обеспечении охраны общественного порядка на Олимпийских играх в Москве. С 1988 по 2000 гг. работал

начальником штаба ГО и ЧС в одном из подразделений РФЯЦ-ВНИИЭФ г. Сарова. Сегодня член правления Саратовской городской общественной организации «Дети войны».

«Дети войны» — как кратко и ёмко
Эта фраза сегодня звучит,
Нам, тогдашним мальчишкам, девчонкам,
Кто был горем безмерным убит.
Нам, кто выплакал слёзы до капли,
Кто страну из руин поднимал,
Зная серп лишь, лопату да грабли,
Голод кто лебедой унимал.
Кто снимал боль аккордной работой,
За себя и за близких трудясь,
И брал новые в мире высоты,
С каждой вехой Россией гордясь.
Нам за семь и за восемь десятков,

*«Вести города», № 50, 51, 19.12.2018, 26.12.2018

внуков, правнуков тоже не счесть,
Хоть здоровье уже и в упадке,
Но в бессмертном полку место есть.
И колонной из тысяч портретов
Это море людское пройдёт, —
Нет, война та не канула в Лету,
Наша память о ней не умрёт.

До лета 1944 г. я ничего не помню. Мама рассказывала, что был я превеликим плаксой, и успокоить меня стоило больших трудов. Тогда бабушка приглашала соседскую девочку Любу. Ей было лет 11–12. Люба играла со мной в прятки, выводила гулять на свежий воздух, а затем пыталась укладывать спать. И для нее, и для меня это было самым тяжелым испытанием. Тогда она настойчиво просила меня назвать её имя: «Скажи: Люба». А я, плача, повторял одно и то же: «Балю, балю...» После нескольких повторов у меня все же получалось «Люба». Люба отчего-то сердилась и отказывалась меня укачивать. И тут за дело бралась бабушка, и под пение колыбельных песен, согретый теплом ее рук, я засыпал...

Жили мы, как и все в тот тяжелый период, не просто бедно, но с большими проблемами, которые лежали в основном на женских плечах. На зиму надо было заготовить — напилить или наколоть — дрова, принести с речки воду, подлатать крышу и т.д., и т.п. Все это делали, в основном, женщины.

Я, как и многие мои сверстники, летом ходил в шортиках с лямками, которые застегивались на пуговицы, а в особо жаркие дни — так и просто в трусах. Зимой же, укутавшись в старую шаль из-за нехватки одежды, изредка выходил во двор под присмотром бабушки, а все остальное время грелся на печи. Помню, что из-за цыпок болели подошвы ног, а после сна зудело все тело, искусанное за ночь клопами.

Еще помню, что зимой болели зубы и десны. Цинга. Чтобы забыть о боли, я выковыривал в печурках (ниши для просушки варёжек и носков) глину и... ел ее. В выходные мама с бабушкой

оставляли меня, плачущего, одного дома и уходили с санками в лес за сучьями. Приходя, заставляли меня спать возле двери.

В общем, зиму я не любил. Летом было намного лучше.

Война с «пиками и саблями»

Днем в хорошую погоду я вместе с ребятами и их мамами ходил на ток. Он располагался возле церкви и представлял собой большую открытую площадку, застеленную пологом. Одни женщины в поле жали серпами рожь и связывали ее в снопы, другие — доставляли эти снопы на подводах на ток. Здесь снопы укладывали на полог и цепями выколачивали из них зерна, затем ведрами засыпали зерно в веялку. Если веялка не работала, а также при достаточно сильном ветре, зерно лопатами бросали вверх, и ветер высеивал шелуху. После небольшой просушки зерно ведрами заносили в церковь, которую после закрытия приспособили под склад. Закончив работу, мамы забирали детей и уходили домой.

Периодически (раз в две недели) в село на старенькой лошадке приезжал тряпичник (так мы его звали). За лом, мослы и тряпье он давал нам свои гостинцы — рыболовные крючки, глиняные свистульки, булавки, пуговицы. Остальной товар — нитки, иглы, платки, галоши, небольшие отрезки ситца и бязи, гребешки для расчесывания волос, хозяйственное мыло, иногда спички — он выдавал на куриные и гусиные яйца только взрослым.

А еще с ребятами повзрослее мы играли в войну: штурмовали с «пиками и саблями» песчаный холмик. Нам, малышам, перепадало больше всех: ссадины, синяки и презрительное «рева-корова». На рев приходила бабушка и уводила меня домой, где прикладывала к моим болячкам медный пятак. Почему бабушка? Мама учительствовала и всегда была занята тетрадами. Она старалась все сделать засветло. Хотя у нас и была «семилинейная» керосиновая лампа, но с самим керосином было ох как тяжело...

Плачь-не плачь...

В конце лета к соседям напротив вернулся с фронта глава семьи дядя Поликарп на скрипучей (деревянной) ноге. Весь следующий день их дети так и не появились на улице, так они были рады возвращению отца.

«А где мой папа?» — спросил я у

мамы и бабушки. Вместо ответа они разразились рыданиями, среди которых я смог различить только несколько слов: «Ты и Володя остались без отца... Сиротинки вы наши...» Я горько заплакал. Меня дружно поддержал брат Володя, которому тогда исполнилось всего два месяца. Так и проплакали мы все четверо до ужина. У отца была бронь, поскольку он работал на Казанском авиационном заводе.

И даже после того, когда отец с мамой решились на второго ребенка, он был призван в ряды защитников Родины. Попал в самое пекло Курской битвы. Две недели боев и — всё... В похоронке было написано «пропал без вести»...

Тётя Степанида

Плачь-не плачь, а слезами горю не поможешь. Утром следующего дня к нам пришла соседка тетя Степанида, которая уже больше года одна воспитывала двоих детей (муж погиб на фронте) и как могла успокоила мою маму...

Устав от дел, я отдыхаю,
Ладони приложив к вискам,

И сразу в детство попадаю,
В село Полянки, к землякам.
И, словно в яви, сквозь ресницы
Картины чудные из сна:
Избёнки, церковь, близких лица,
Плакат "Священная война".
Я вспомнил тётю Степаниду,
Что с нами рядышком жила,
ей девяносто б дал по виду —
Она тридцатник лишь ждала.
На лбу глубокие морщины,
Мозоли, шрамы на руках,
Глаза ввалились от кручины,
Седые пряди на висках.
В избе и печь, и стены в гари,
Два оборванца на полу,
Петух с хохлаткою в амбаре,
Работа в поле и в бору.
Нет хлеба, соли, керосина,
И в крыше появилась течь,
Есть береста и есть лучины,
Да их без спичек не зажечь.
Питанье — дикий лук да щавель,
Да постный суп из лебеды,
Ей трудодни ложатся в табель
И множат крестиков ряды.
И кажется, не разорваться,
Не поделиться на куски,
Но тётя продолжала драться,
И не по-бабски — по-мужски.
Оставшись год назад без мужа
И проклиная тяжкий рок,
Она затягивала туже
На тощем теле поясок.
Одна детишек поднимала,

Надеясь только на себя,
И нас сердечно принимала,
Чубы с улыбкой теребя.
Для тёти все были своими:
Ванятки, Стёпки и Ильи,
Она не только знала имя,
Но даже кто из чьей семьи.
В пятидесятые уехать
Пришлось нам из того села,
И круговерть меня полвека
С ним больше так и не свела.
Но и сегодня я без гида
Нашел бы домик тот и сад.
Жива ли тётя Степанида?
Я встрече с нею был бы рад.

Умей себя в руках держать...

И все же сквозь горечь обиды я завидовал соседским ребятишкам, Сереньке и Николашке, как звала их мать, что у них есть отец, вернувшийся с войны, пусть и без ноги, но живой, а у меня отца нет...

Дядя Поликарп устроился бакенщиком. Еще с одним воякой, вернувшимся с соседний поселок после ранения, они построили на берегу Волги сторожку и каждый вечер выплывали на лодке к бакенам зажигать на них лампы. Ночами они дежурили, следя,

чтобы огонь не погас, рыбачили, а утром, потушив лампы, возвращались в сторожку, где отдыхали.

Иногда сыновья Поликарпа, Сергей и Николай (они были старше меня), брали меня с собой, спросив разрешения у бабушки. И мы втроем шли к Волге, до которой было около километра, навестить их отца. Возвращались с рыбой. По сравнению с диким луком, щавелем и хлебом, испеченным из коновника и семян конопля, блюдо из картофеля и рыбы было настоящим деликатесом. В такие дни у нас получался настоящий ужин.

Однажды бабушка сшила мне из отрезанных от старой телогрейки рукавов теплые штаны, чему я был очень рад. Они оказались как нельзя кстати.

Шагая вместе с мамой по скрипучему снегу (был февральский день 1945 г.), мы повстречали сына директора школы Андрея. Он позвал меня в гости. Мама дала добро, и я оказался у них дома. У них был радиоприемник «Родина». Андрей включил его и дал мне один наушник, а второй приложил к своему уху. Передавали сводку с фронта. Так я услышал о наступлении наших войск и том большом уроне, которое понесли немцы.

Жизнь после Победы

Боль

Я этот праздник сердцем осезаю,
Хоть для него не сделал ничего,
Отца в его преддверье вспоминаю,
Верней, пытаюсь вспомнить лик его.
Мне было в пору ту всего два года,
Когда ушел страну он защищать,
Оставив мне фамилию от рода
Да фотку, на которой он и мать.
Связистом он служил тогда в пехоте,
Под Курском где-то в скорости погиб,
Рванул снаряд “Катюши” на излёте —

Так в похоронке написал комбриг.
Ни место не указано, ни дата,
Одно известно — был тяжелый бой...
Мне подарила мать родного брата,
И мы смирились со своей судьбой.
Промчались годы буйным ураганом,
тех мест сражений ныне не узнать,
Но до сих пор тревожит душу рана,
И я не в силах боль её унять.

Вскоре после Победы мы переехали из села Полянки в райцентр Куйбышев (бывший уездный город Спасск Казанской губернии). В 1952 г., в связи со строительством Куйбышевской ГЭС, город эвакуировали на новое место. Когда-то там располагался город Булгар, столица Булгарского ханства. Там, в чистом поле, и начали обустраиваться жители. Там я окончил школу и в том же году поступил в железнодорожное училище на станции Юдино (ныне находится на территории города Казань).

По окончании учебы был направлен на узловую станцию Красный Узел (Мордовия), где работал до призыва в армию осмотрщиком вагонов. В армии служил на различных должностях, готовил младших командиров в школах сержантов и офицеров в военном училище.

После увольнения работал начальником штаба ГО и ЧС, где готовил личный состав формирований гражданской обороны (сандружины, санпосты, сводной аварийной команды, команды пожаротушения, звена по обслуживанию убежищ и др.) к действиям при чрезвычайных ситуациях. В настоящее время — на заслуженном отдыхе, пенсионер. Но сколько бы ни прошло лет, та война не забывается...

Умей держать себя в руках,
Не рви натянутые струны,
Хоть вздулись вены на висках
И мертвой хваткой сводит скулы.
Уйми нахлынувшую боль,
Ведь как-никак, а ты мужчина.
Сведи озлобленность на ноль,
Пусть даже есть на то причина.
Совет, быть может, отметёшь
И дашь, быть может, волю чувствам,
Но по прошествии поймешь,
Что жизнь — есть тонкое искусство.
Не знаю я семьи такой,
В которой было б все как в сказке.
Где б не бранились муж с женой,
Хотя бы даже и украдкой.
Ссор невозможно избежать,
Поскольку жизнь наша — пучина.
Умей себя в руках держать,
Не забывай, что ты мужчина.

Подготовила Н. В. Почтарюк

САРОВ — ЗАЩИТНИК РОДИНЫ

В этой книге воспоминаний детей войны, ныне живущих, убелённых сединами ветеранов или уже ушедших, нельзя не вспомнить и о тех, кого провожали на войну из нашего города — Сарова. О тех, кого так долго ждали матери, жёны и дети. О тех, кто принёс Великую Победу в дом. О тех, кто отдал за неё свою жизнь. Им посвящен этот заключительный раздел 1-й главы книги. Им и городу Сарову, который они защитили, и который сегодня защищает нас.

К. Малышева

Вспомнить всех поименно*

На монастырской площади, на здании Городского музея сегодня висит табличка: «На этой площади 23 июня 1941 г. проходила запись и отправка первых добровольцев, жителей поселка Саров, на защиту Отечества».

В тот день у ворот колокольни поставили стол, за которым сидела комиссия, принимавшая заявки. Отсюда же призывников отправляли на фронт, а провожавшие их родные и близкие плакали. Так появилось второе название этого места — «площадь слёз».

Около 2000 саровчан и жителей деревни Балыково ушли на фронт, не все вернулись домой. Так как наш город долгое время был засекречен, точное число горожан, погибших во время войны, неизвестно, лишь с помощью неравнодушных людей получается восстановить потерянные данные. Раньше на гранитных плитах мемориала «Вечный огонь» значилось только 273 фамилии саровчан, не вернувшихся с войны. Но это лишь половина всех фронтовиков из Сарова, известных на текущий момент. В 2015 г. во время празднования 70-летия Победы список был обновлен. Сейчас на мемориале «Вечный огонь»

**«Новый город», № 18, 8 мая 2019*

Призывники п. Саров. 1 мая 1943 года

высечено 537 фамилий местных жителей, погибших или пропавших без вести на полях Великой Ответственной войны.

Но оказалось, что и это не точное число. Благодаря сотрудникам центральной городской библиотеки им. Маяковского корреспонденту «НГ» удалось ознакомиться с документальными материалами из книги «Саровчане в войнах XX века», изданной в 2015 г. при поддержке Саровского военно-исторического общества «1945». Автором книги является работник ВНИИЭФ, историк-практик Роман Герасименко. Он занимается поиском потерянных имён наших земляков, погибших на войне. Все началось с поиска могилы прадедушки: Роман съездил на Украину и убедился — прадед Алексей Митрофанович Герасименко действительно похоронен в селе Озера Кировоградской области. Затем молодой человек узнал, что фамилия прадеда-фронтовика его друга не числится в списке у Вечного огня. Эти события и подтолкнули Романа заняться поисковой работой. Основную информацию он нашел в центральном архиве Министерства обороны, областных библиотеках, также восполнить список помогли «Книги памяти»

Нижегородской области и воспоминания ветеранов-фронтовиков. Поисковая работа осложнялась разными факторами, в том числе и вариациями названия Сарова в различных документах: Саров, Сарово, Саровка, Сароф, Сарок, Сарова, Сарова, Гворов, Соров, п. Саракары и даже Сарив. Но несмотря на сложности, пробелы в истории нашего города получилось заполнить: в книге Романа опубликовано число 539 — столько горожан отдали свои жизни, защищая Отечество. 80% призывников из Сарова воевало в пехоте, 8,5% — в артиллерии, в десантных войсках сражалось 6%, в танковых и механизированных — 2,8%. Остальные 2,7% числились в Военно-морском флоте, Военно-воздушных силах и т.д.

В книге Романа Герасименко сотни имен, за каждым — тяжёлая судьба, а то и прерванная жизнь. Цитата из архива библиотеки: «Вот Шишкины — отец Александр Степанович и два сына — Павел и Василий. Никто не вернулся домой, в Балыково. Есть мужчины из одного села, кто вместе призывался, воевал и погиб в одном бою. И похоронены вместе. Степан Бабурин, Григорий Ключников, Дмитрий Мельников, Герасим Мочкаев, Алексей Киричев, Василий Тебайкин, Иван Шишков призывались Темниковским РВК из поселка Саров. Воевали в 137-й стрелковой дивизии, погибли 5 февраля 1942 г., лежат на тургеневских высотах Орловской области. 27-летний политрук Сергей Самаров (его имя есть на мемориале «Вечный огонь») командовал 8-м отделением роты 326 Рославльской стрелковой дивизии и погиб в бою 27 августа 1942 г. Похоронен в Смоленской области. За несколько дней до смерти он был представлен к званию Героя Советского Союза, но посмертно был удостоен ордена Красного Знамени. Федор Владимиров из поселка Саров скончался в медсанбате от полученных ран 2 февраля 1945 г. — не дожид до Победы три месяца, его могила находится в Венгрии. А за десять дней до конца войны погиб совсем мальчишка — 21-летний саровчанин Иван Сосенков. У него не было родителей, воспитывался в детдоме, призван на фронт в 1942 г. Он был старший сержант, командир орудия. Похоронен в Германии».

Вот уже несколько лет в нашей библиотеке по крупицам собирается и бережно хранится «Книга памяти города Сарова». А это значит, что имена героев не забудут.

Ещё в центральной городской библиотеке хранится книга «Здравствуй, Победа!», выпущенная в 2005 г., сборник рассказов и очерков о жизни и подвигах жителей Сарова, участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла. В неё включены воспоминания ветерана ВНИИЭФ Дмитрия Андреевича Балашова. Он рассказывает: «В день начала войны, 22 июня 1941 года, в Сарове на стадионе проходило массовое гуляние. Кто-то из присутствующих сообщил новость, услышанную по радио, что на нас напали немцы, началась война. Эта информация быстро распространилась среди людей и вызвала страшное потрясение. Вскоре у летнего театра возник стихийный митинг.

Я был подростком, и мне, как и другим ребятам, было интересно, что скажут взрослые мужчины, поэтому я пробрался сквозь толпу ближе к выступавшим. Одни говорили о своей решимости пойти добровольцами на фронт, чтобы поскорее разгромить вероломных агрессоров, другие заявили, что будут работать на заводе, не считаясь со временем, чтобы победить врага. На следующий день на заводе №550 состоялся митинг, информация подтвердилась — фашистская Германия напала на Советский Союз. Возникла гнетущая атмосфера, людям казалось, что жизнь остановилась. Но никто не пал духом, все объединили усилия в борьбе с противником. Решили трудиться и днем, и ночью, чтобы обеспечить фронт всем необходимым. В поселке объявили военное положение, началась ограниченная выдача продуктов. Былая веселая и шумная жизнь угасла, на улицах стало тихо. Все жили с лозунгом «Всё для фронта, все для победы!»

Население Сарова понимало сложность военного времени и проявляло большую гражданскую сознательность. Завод стал предприятием оборонного значения. Для работников установили 12-часовой рабочий день, работали в две смены — про-

дукция производилась практически круглые сутки. Ушедших на фронт мужчин заменили женщины и подростки. В конце октября 1941 г. в Саров прибыло около сотни девушек в возрасте 15-18 лет. Их прикрепили к опытным рабочим, и после трех месяцев обучения они наравне со взрослыми включились в работу. Кроме того, на завод стали направлять подростков из местного ремесленного училища, созданного еще в сентябре 1939 г.

Д. А. Балашов уточнил, что за годы войны завод №550 выпустил более 400000 корпусов артиллерийских снарядов калибром 152 мм, реактивных М-13, более известных как «Катюши», а также свыше 200 пресс-ножниц для резки арматуры из железа и огромное количество другого важного заводского оборудования. Завод внес весомый вклад в приближение Дня Победы. Около 400 человек — практически каждый 8-й работник — были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Дмитрий Балашов: «9 мая стал самым запоминающимся днем. Все праздновали Победу, на монастырской площади состоялся праздничный митинг, не помешал ни дождь, ни холод, ни сильный ветер. В 1946 г. специальная комиссия приняла решение о строительстве на базе завода №550 научно-исследовательского предприятия КБ-11 по созданию атомного оружия...»

(Фото из архива Городского музея)

К. Малышева

Судьбы героев*

В годы Великой Отечественной войны свыше 11700 человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Долгое время считалось, что только трое из них жили и работали в Сарове, но оказалось, что судьбы пяти героев связаны с нашим городом. Их подвиги несколько лет назад увековечила в своей книге «Вечно живые» ветеран саровской дивизии, активный житель города Зинаида Курбакова. Некоторых героев она знала лично, истории других записала после кропотливой поисковой работы. Вот что удалось узнать.

Сабир Ахтямов

По словам сослуживцев и близких людей, Герой Советского Союза Сабир Ахтямов был эталоном честности и порядочности. У него слова никогда не расходились с делом. Он родился в 1926 году в Татарской АССР. Из его воспоминаний: «Многих интересует вопрос, когда и как начинается дорога к подвигу. По-моему, она берет начало в детстве. Мой отец говорил: «Подвиг может совершить лишь тот, кто любит свою землю и беспредельно предан

Родине-матери. В начале Великой Отечественной войны отца призвали на фронт. Меня, пятнадцатилетнего подростка, самого старшего из восьми детей, он оставил за старшего. Я продолжил его дело — стал кузнецом в колхозе. Осенью 1943-го семья получила известие о героической гибели отца под Смоленском. Я поклялся отомстить фашистским захватчикам за отца и

*«Новый город», № 19, 15 мая 2019

других моих земляков, чьи жизни безжалостно оборвала война. В начале ноября я уже был в рядах Красной Армии. Так кузнечные инструменты я сменил на противотанковое ружье. Со временем я стал метким стрелком-бронбойщиком 4-й гвардейской мотострелковой бригады 2-го гвардейского танкового корпуса. В составе этой бригады, входившей в 3-й Белорусский фронт, я прошел долгий боевой путь от Смоленска — места гибели отца, до Кенигсберга. Участвовал в освобождении Белоруссии, республик Прибалтики, в боях за Восточную Пруссию. В октябре я и мои боевые товарищи дошли до населенного пункта Неммерсдорф. Нашему 2-му батальону был дан приказ совместно с танками взять этот пункт и удерживать занятую позицию. Сильная огневая точка врага остановила наше наступление. С младшим сержантом Луковкиным я получил задание уничтожить эту огневую точку. Под ураганным огнем противника мы ползком приблизились к объекту и поняли, что с помощью одних только гранат выполнить задачу не удастся. Мой взгляд остановился на предмете на краю огневой точки, который был похож на топливный бак — несколькими выстрелами его удалось поджечь. Огонь проник во врытый в землю «фердинанд» (самоходно-артиллерийскую установку, САУ). Начали рваться снаряды. Наши бойцы с криком «Ура-а-а!» бросились на вражеские позиции. Ночью этот населенный пункт перешел в наши руки. Но на рассвете танки и пехота противника перешли в контратаку. Когда до танков оставалось 150–200 метров, мы открыли огонь. Нам удалось подбить танк на левом фланге. Затем мы вывели из строя гусеницу второго танка, потом еще несколько выстрелов — и машина загорелась. Когда третий танк подошел вплотную, мы зашли к нему с тыла и обезвредили. Наши артиллеристы уничтожили еще много фашистских танков. Пулеметчики и стрелки отрезали вражескую пехоту. Двухдневный бой окончился полной победой советских солдат.

За этот бой мне в 18 лет было присвоено звание Героя Советского Союза. Моего боевого товарища Луковкина наградили посмертно, он погиб в одном из следующих боев».

После войны Сабир Ахтямович окончил офицерские курсы и был направлен в Шатки I (ныне Саров), где прослужил до 1972 года. С августа 1991 года жил в Казани. Сабир Ахтямович был активным общественным деятелем, участвовал в работе ветеранских организаций Казани и Республики Татарстан. Герой ушел из жизни в 2014 году.

Из его воспоминаний: «Хотелось бы пожелать современной молодежи доброго здоровья. Откажитесь от вредных привычек, воспитывайте в себе сильный дух, будьте готовы к защите Отечества и стремитесь делать больше добра».

Иван Горчаков

Герой Советского Союза Иван Горчаков родился в 1922 году, в 1942-м окончил артиллерийское училище, а еще через год ушел на фронт. Принимал участие в боях на Центральном и 1-м Белорусском фронтах. К октябрю 1944 г. старший лейтенант Горчаков командовал батареей.

Из наградного листа: «Зенитная батарея старшего лейтенанта Горчакова осталась впереди нашей пехоты. Командир Горчаков немедленно перевел орудия на противотанковую оборону, организовал оборону подступов к батарее силами разведчиков, связистов и шоферов. Бронированный кулак противника силою свыше тридцати танков типа «ТИГР» при поддержке пехоты и огня артиллерии быстро приближался к батарее, которая поливалась градом пуль и снарядов. Сначала метким огнем орудий нашей батареи был подожжен головной танк противника, затем уничтожены еще два танка. Пехота врага прижалась к земле. Остальные танки, не выдержав удара, откатились назад».

Атака противника продолжалась, но без успеха и с потерями. После очередной атаки в батарее Ивана Горчакова были

разбиты все орудия: «Тогда он проявил исключительную храбрость и силами уцелевшего личного состава организовал борьбу с танками ручными и противотанковыми гранатами. Соппротивление советских солдат было так велико, что фашистам пришлось отступить. В ходе неравного боя батарея Ивана Горчакова уничтожила семь тяжелых танков противника, рассеяла и частью уничтожила два батальона пехоты врага».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1945 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» старший лейтенант Иван Горчаков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После войны Иван Павлович служил в органах Министерства госбезопасности СССР. С октября 1952 года руководил 1-м отделом сектора №10 КБ-11 в Арзамасе-16 (ныне Сарове). С мая 1954 года работал в органах военной контрразведки в воинских частях Министерства обороны СССР. Будучи на пенсии, Иван Павлович жил в Санкт-Петербурге и вел активную работу по патриотическому воспитанию молодежи. Герой ушел из жизни в 2004 году. 2 сентября 2015 года в ядерном центре в память о нем открыта мемориальная доска.

Михаил Козомазов

Герой Советского Союза Михаил Козомазов отличался скромностью, мало кто из коллег знал о его высоком звании. Свой подвиг он совершил осенью 1944 года. Михаил Иванович вместе с боевыми товарищами штурмовал высоту, на которой закрепился противник. Советские солдаты заняли первые траншеи врага. Вскоре гитлеровцы пошли в наступление, дело дошло до рукопашного боя, но,

не выдержав ответного удара, фашисты отошли. Потом опять началась контратака. И в это время замолчал один из наших пулеметов: увидев, что пулеметчик ранен, Козомазов занял его место и открыл огонь. Немцы начали откатываться назад. Тогда Михаил Иванович поднял бойцов и решительным броском захватил вторые траншеи. На помощь немецкой пехоте пришли три танка, их подпустили поближе: первую гранату бросил Козомазов, она разорвалась возле гусеницы, вторую машину подорвал командир отделения, а третий танк повернул обратно. Михаил Иванович поднял бойцов еще в одну атаку, и рота ворвалась в третью траншею. Восемь раз гитлеровцы пытались вернуть высоту, но безуспешно. В том бою Козомазов был контужен, и о том, что ему присвоено высокое звание, узнал, только вернувшись из госпиталя. Михаил Иванович принимал активное участие в открытии монумента «Вечный огонь». В честь Козомазова названа улица в Сарове.

Василий Пешехонов

Памятник Василию Пешехонову в р.п. Вознесенское

Герой Советского Союза Василий Пешехонов родился в 1925 году в селе Аламасово. Сначала на войну ушел его отец и старший брат, а когда на брата пришла похоронка, семнадцатилетний Василий тут же отправился в военкомат.

Он стал отличным стрелком и прибыл на фронт в 1944 году. 12 января 1945 года, взломав сильную оборону противника, советские войска устремились вперед и вышли на подступы к Кракову — древней столице Польши. Отделение Пешехонова зацепилось за окраину близлежащего села, но тут с холма

из дзота ударил вражеский пулемет. Пешехонов без колебаний быстро подполз к дзоту, а когда приблизился, забросал его гранатами и расстрелял в амбразуру все патроны. Советские солдаты поднялись в атаку и бросились к холму, но вражеский пулемет вновь застрочил. Он замолчал только тогда, когда Пешехонов своим телом закрыл амбразуру дзота. Краков был освобожден от фашистов. В городском музее Сарова хранится групповая фотография работников оборонного завода №550, на которой есть и Василий Пешехонов.

Владимир Сосин

Герой Советского Союза Владимир Сосин начал свой боевой путь под Орлом, когда ему не было и 18 лет. Вот строки из его воспоминаний: «Война прервала учебу в школе. Первое боевое крещение я получил под Орлом. Огненная Орловско-Курская дуга — сущий ад. А дальше был путь на Берлин. В июле 1943 года мой взвод получил задание форсировать Днепр, переправлялись на лодках. Не успела отчалить первая лодка, как в нее попал фашистский снаряд. На второй, где находился я, удалось добраться до берега и укрыться в кустах. Более десяти дней мы вели бой и выбили врага».

Владимир Петрович отличился во время освобождения Польши. 16 января 1945 г. взвод Сосина одним из первых переправился через Вислу и принял активное участие в захвате и удержании плацдарма на ее западном берегу. В тех боях Сосин лично уничтожил несколько вражеских пулеметных точек и большое количество солдат и офицеров противника. Из его воспоминаний: «Пулеметы, за одним из которых был я, были

установлены прямо на льду реки. Их огонь отбрасывал противника назад. Фонтаны воды понимались от взрывов снарядов и мин, враг сопротивлялся, но задание было выполнено». В честь Сосина названа улица в Сарове.

*Автор благодарит за помощь в подготовке материала
сотрудников Городского музея
и Центральной библиотеки им. В. Маяковского*

А. В. Яицкий

Катя Сусанина. Моё сердце верит...

Письмо отцу 15-летней девочки Кати Сусаниной с фашистской каторги было опубликовано 4 марта 2015 г. в газете «Новый город» Александром Васильевичем Яицким — лауреатом премии Горьковского комсомола в области науки и техники, ветераном атомной промышленности, первым секретарём Саровской городской организации КПРФ.

Недалеко от Минска, в деревне Красный Берег есть мемориал, один из многих мемориалов, бережно сохраняемых и вновь создаваемых на белорусской земле, больше всех пострадавшей в Великой Отечественной войне Советского союза с фашистской Германией. Но этот мемориал особенный. Он создан на месте одного из шести детских концлагерей на белорусской земле. В этих лагерях немцы забирали кровь у детей, нередко выкачивали всю сразу, а полуживых детей закапывали во рвах. Через эти лагеря прошли десятки тысяч советских детей от 6 до 16 лет, детей войны.

Мемориал выполнен в виде класса, где посреди яблоневого сада, под открытым небом, стоят в три ряда пятнадцать белоснежных бетонных парт, а перед ними стол учителя и классная доска. Только за партами и за столом никого нет. Пусто в классе. А на черной доске мелом написано письмо. Письмо 15-летней девочки Кати Сусаниной с фашистской каторги. Письмо-завещание родному отцу. Свое письмо девочка заканчивает словами: «Прощай, добрый папенька... Моё сердце верит: письмо дойдет». И письмо дошло. Внимательно прочтём его.

«Дорогой добрый папенька, пишу я тебе письмо из немецкой каторги. Когда ты, папенька, будешь читать это письмо, меня в живых не будет. И моя просьба к тебе, отец: покарай немецких кровопийц, это завещание твоей умирающей дочери. Несколько слов о матери. Когда вернешься, маму не ищи. Её расстреляли немцы. Когда допытывались о тебе, офицер бил её плёткой по лицу. Мама не стерпела и гордо сказала, вот её последние слова: «Вы не запугаете меня битьём. Я уверена, что муж вернется назад и вышвырнет вас, подлых захватчиков, отсюда вон». И офицер выстрелил маме в рот.

Папенька, мне сегодня исполнилось 15 лет, и если бы сейчас ты встретил меня, то не узнал бы свою дочь. Я стала очень худенькая, мои глаза ввалились, косички мне остригли наголо, руки высохли, похожи на грабли. Когда я кашляю, изо рта идет кровь – у меня отбили легкие.

А помнишь, папа, два года тому назад, когда мне исполнилось 13 лет? Какие хорошие были мои именины? Ты мне, папа, тогда сказал: «Расти, доченька, на радость большой!» Играл

Март 12 Москва 1943 год.
 Дорогой добрый папенька! пишу я тебе письмо из маленькой
 неваля, когда ты, папенька, будешь читать это письмо, меня в
 живых не будет и моя ~~свобода~~ просьба к тебе, отцу,
 поварай, неслыхан Кривошию. Это завещание твоей умирающей
 дочери. Несколько слов о матери: когда вернулись, маму несли, — ее
 растерзали колючки. Когда допытывались отца, офицер бил ее
 клеткою по лицу. Мама не стерпела и гордо
 последние слова: "вы не загугаете меня"
 Я уверена он вернется назад и выковы
 захватитков отсюда вок. и офицер выстрел
 Лалсына, мне сегодня исполнилось 15 лет и ее
 встретили меня, то не узнал-бы своего дора
 Я стала очень худенькая, мои
 Кошечки остригли наголо, ручки высохли,
 зрачки. Когда, мамаша, идет изорота кро
 легкие. Я поминишь, папа, два года тому
 мне исполнилось 13 лет, какие хорошие

какая
моя

сегодня
 к сердцу я жестко выводит
 у проклятых. За маму и за
 у письмо уберу под выводит
 завещание папа отомстить
 добрый папенька, угрожу
 ТВОЯ ДАЧЬ
 КАТА СУБАННА

МОЕ СЕРАЦЕ *
 * ВЕРИТ.
 ПИСЬМО ДОБАЕТ.

патефон, подружки поздравляли меня с днем рождения, и мы пели нашу любимую пионерскую песню. А теперь, папа, когда взгляну на себя в зеркало — платье рваное, в лоскутках, номер на шее, как у преступницы, сама худая, как скелет, — солёные слезы текут из глаз. Что мне исполнилось 15 лет. Я никому не нужна. Здесь многие люди никому не нужны. Бродят голодные, затравленные овчарками. Каждый день их уводят и убивают.

Да, папа, и я рабыня немецкого барона, работаю на немца Шарлэпа прачкой, стираю белье, мою полы. Работаю очень

много, а кушаю два раза в день из корыта с Розой и Кларой — так зовут хозяйских свиней. Так приказал барон. «Русе была и будет свинья», — сказал он. Я очень боюсь Клары, это большая и жадная свинья. Она мне один раз чуть не откусила палец, когда я из корыта доставала картошку.

Живу в дровяном сарае: в комнату мне входить нельзя. Один раз горничная полька Юзефа дала мне кусочек хлеба, а хозяйка увидела и долго била Юзефу плеткой по голове и спине. Два раза я убегала от хозяев, но меня находил ихний дворник, тогда сам барон срывал с меня платье и бил ногами. Я теряла сознание. Потом на меня выливали ведро воды и бросали в подвал. Сегодня я узнала новость: Юзефа сказала, что угоняют... в Германию с большой партией невольников и невольниц с Витебщины. Теперь они берут и меня с собой. Нет, я не поеду в эту трижды проклятую Германию! Я решила умереть на родной стороншке, чем быть втопанной в проклятую немецкую землю. Только смерть спасет меня от жестокого битья. Не хочу больше мучиться рабы...ых жестоких немцев, не давших мне жить! Завещаю, папа, отомсти за маму и за меня.

Прощай, добрый папенька, ухожу умирать. Твоя дочь Катя Сусанина. Моё сердце верит: письмо дойдет. 12 марта 1942»

И письмо дошло. Оно опоздало всего лишь на месяц. Её отец пал смертью храбрых, освобождая Беларусь, а вскоре погиб и её старший брат, тоже на белорусской земле. Всё это мы должны свято сохранять в нашей памяти, если не хотим, чтобы такое повторилось вновь. Чтобы фашизм не смел поднять голову, как он её поднимает на Украине. Давайте прислушаемся к детям войны, они знают, что такое война. На их долю выпали нечеловеческие страдания.

А. А. Проханов

Россия — страна удерживающая*

Александр Андреевич Проханов (26.02.1938), журналист, общественный деятель, главный редактор газеты «Завтра», лауреат премии Ленинского комсомола (1982).

Каждая русская земля неповторима, восхитительна и таинственна. Из неё на свет Божий век за веком выходят поколения людей, живут под солнцем, совершают свои труды, подвиги, воюют, молятся, возделывают пашни, закладывают храмы, а потом уходят с земли, покидая этот солнечный мир.

Но не исчезают бесследно, а продолжают жить по берегам рек, в борах и дубравах, в названиях городов и селений, в воспоминаниях народившихся вновь поколений. Каждая русская земля имеет своё имя, произносит своё слово, окликает нас этим словом, вносит это слово в неумолчный, громогласный хор, в котором поётся о великой России, о русском чуде и о русской мечте. Так думаю я, скитаясь по нижегородским дорогам, стремясь услышать это вещее слово, угадать неизречённую мечту.

А вот я в Сарове, великом, загадочном городе, в котором было создано советское атомное оружие, работали бесподобные физики и гениальные инженеры, это место, где реализовывался сталинский атомный проект. Когда в Европе уже ревели моторы бомбардировщиков, отягчённые грузом ядерных бомб, нас не разбомбили, как разгромили Хиросиму, потому что был Сталин, были гениальные советские физики, был мобилизованный, готовый к битве советский народ. И враг от-

*А. Проханов. Диво дивное. 13.06.2019. <https://izborsk-club.ru/17099>

прянул, не решился послать атомные бомбовозы к Москве и Ленинграду (и две атомбомбы к Сарову тоже). Саров, среди чудесных летних лесов с кристаллами вновь возведённых жилых кварталов, научных лабораторий, исследовательских корпусов, Саров — это место битвы, здесь чувствуется напряжённость сражения.

Не грохочут наземные танковые армады, не сталкиваются в небесах воздушные армии, не летят встречным курсом баллистические ракеты. Сталкиваются интеллекты, идеи, инженерные изобретения, новые представления о теории взрыва. Сталкивается русская воля с той извечной западной волей, что посылала к нам страшные нашествия, испепеляющие нашу цветущую Родину.

Сгустки тьмы, летящие на Россию, сбиваются на дальних подступах молитвами русских праведников и усилиями великих русских физиков и инженеров. Россия — страна удерживающая. Она удержала мир от кромешной беды тогда, в послевоенные годы, когда на развалинах Саровского монастыря возникли атомные лаборатории, и преподобный Серафим, не покидая своих разгромленных обителей, незримо вдохновлял samozабвенных учёных, торопил их. И они успели создать советское ядерное оружие, предупредив его появлением вспышку последнего часа. Эта удерживающая роль России, удерживающая роль Сарова чувствуется и теперь. Здесь, через Саров, через научные лаборатории, храмы нового, возрождённого монастыря, сквозь подземелья и катакомбы, где когда-то укрывались монахи, проходит ось мира. Вокруг этой оси вращаются народы, континенты, исторические эпохи. Россия — и сегодня страна «удерживающая», не даёт погаснуть человечеству в его стремлении к благу и торжеству.

Ивахнов Андрей

Эгей

Эгей, старики, подтяните штаны,
Теперь мы не деды, мы — дети войны.
Об этом написано много статей,
Признала страна седовласых «детей».
Не всех удостоили чести такой:
Ушли наши братья на вечный покой,
А годы летят юбилеям вослед,
И младшим из нас уж за семьдесят лет.
Когда говорят, что мы дети войны,
Ночами нам снятся кровавые сны:
Война ведь не баба — детей не рожает,
Она их калечит и уничтожает.
Мы дети Великой Советской Страны,
героев-солдат, не пришедших с войны.
С проклятой войной мы знакомы давно —
Отнюдь не по книгам и кадрам кино.
Мы быстро росли и выросли в войну,
Потом из руин поднимали страну,
Отправили в звёздный полёт земляка —
Земляне мечтали об этом века,
Страну защищали и жили в ней всласть,
Но свергли злодеи Советскую власть.
Годами копили стране капитал —
Его ирод Ельцин чубайсам раздал...
Теперь вымираем и мы, «детвора»,
Считать нас по пальцам давно уж пора,
Любого возьми — ветеран, инвалид,
Но сердце о нас у властей не болит.
И только однажды родной наш собес,
Казалось бы, к нам проявил интерес:
Заполнить анкеты он нам предложил,

Потом их собрал и в архив положил.
В военном ревью посулил Баранец,
Что скоро забвенью положат конец.
Напомнить о нас к президенту помчал,
И тот одобрительно что-то мычал.
От вести такой не спешите плясать:
Кто лапу сосал, тот и будет сосать.
Войной опалённые дети страны
На старости лет никому не нужны.

Памятник Молодогвардейцам

Мы пройдем сквозь шторм и дым...

«Новая технологическая революция даёт России возможность сохранить лидерство в мире и приобрести опыт для будущего развития. Но это будет лишь в том случае, если молодое поколение россиян как можно раньше найдет своё место в жизни» (В. В. Путин. 13.12.2018).

Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ) — молодёжная общественно-политическая организация, созданная на 1-м Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодёжи 29 октября — 4 ноября 1918 года. На съезде были приняты основные принципы программы и устав Российского коммунистического союза молодёжи (РКСМ). В тезисах, утвержденных съездом, говорилось: «Союз ставит себе целью распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодёжи в активное строительство Советской России».

В июле 1924 года РКСМ было присвоено имя В. И. Ленина, он стал называться Российский ленинский коммунистический союз молодёжи (РЛКСМ). В связи с образованием Союза ССР (1922) комсомол в марте 1926 года был переименован во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи (ВЛКСМ). Из Устава ВЛКСМ: «ВЛКСМ — самостоятельная общественная организация, объединяющая в своих рядах широкие массы передовой советской молодёжи».

Студенческие стройотряды продолжают лучшие традиции советских времён. Сейчас общественная организация «Российские студенческие отряды» существует более чем в 75 регионах РФ. В её состав входят около 300 тыс. человек.

Как и в советские годы, бойцы стройотрядов привлекаются к работе на самых важных федеральных объектах: строительстве олимпийских объектов в Сочи и космодрома «Восточный» на Ангаре. Российские стройотряды принимали участие в возведении Крымского моста, дорожной магистрали «Таврида» и

благоустройстве инфраструктуры чемпионата мира по футболу 2018 г. В планах организации — участие в разработке природных ресурсов Якутии и возведении стратегически важных объектов Росатома.

Н. В. Почтарюк

На пороге нового века

Надежда Викторовна — заслуженный ветеран г. Сарова, председатель правления СГОО «Дети войны», член Союза журналистов СССР.

Масштабный праздник юбилея посвятили не только комсомольцам-ветеранам, но и тем, кто в современной России продолжает замечательные комсомольские традиции советских времён. Сейчас, как и тогда, в стране действуют студенческие строительные отряды, молодёжь ездит на стройки, работает вожатыми в детских лагерях и проводниками в поездах, а теперь еще и активно сотрудничает с госкорпорацией «Росатом». На торжественном собрании общественности Нижегородской области, посвященном 100-летию комсомола, 28 октября 2018 г., побывали ветераны комсомола Сарова: Марлен Гусев, Иван Ситников, Игорь Макаров, Вячеслав Лопашов, Александр Ершков, Иван Федорович Омётов. А закончился вечер нижегородских комсомольцев так, как должен был: песней «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым» (слова Николая Добронравова, музыка Александры Пахмутовой). Её пел весь зал, и для собравшихся это были не просто слова...

Я в мир удивительный этот пришёл
Отваге и правде учиться.
Единственный друг, дорогой Комсомол,
Ты можешь на нас положиться!
Мы пройдем сквозь шторм и дым,

Станет небо голубым.
Не расстанусь с Комсомолом,
Буду вечно молодым!
В грядущие дни, как во все времена,
Недобрым метелям кружиться...
Родная моя, дорогая страна,
Ты можешь на нас положиться!
Заветной весны высота не взята,
И надо с дороги не сбиться...
Мечта наша, гордая наша мечта,
Ты можешь на нас положиться!

(Н. Добронравов)

ПОБЕДА!!!

**Я ПОМНЮ!
Я ГОРЖУСЬ!**

**ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ
9 МАЯ 1945 ГОДА**

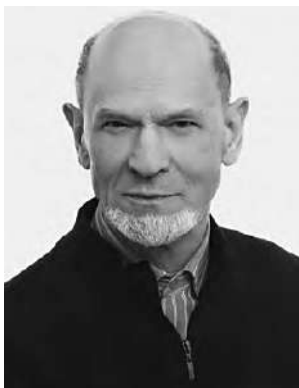
**Берегите Россию – нет России
другой.**
Берегите её тишину и покой,
Это небо и солнце, этот хлеб на
столе
И родное оконце в позабытом
селе...

**Берегите Россию, без неё нам
не жить.
Берегите её, чтобы вечно ей
быть
Нашей правдой и силой,
Всею нашей судьбой.
Берегите Россию – нет России
другой!**

www.nemalo.ru

В. И. Егоров

«Главное, ребята, сердцем не стареть...»

Егоров Вячеслав Иванович родился 02.10.1939 г. в г. Камышине Сталинградской обл. После службы в армии поступил в 1963 г. в Московский инженерно-физический институт. В Сарове с 1968 г. По окончании МИФИ защитил диплом и работал в секторе №3 ВНИИЭФ. С 1973 по 1985 гг. начальник группы ППО ВНИИЭФ (план испытаний), в 1985—1989 гг. начальник ПДО завода №2, в 1989—2009 гг. ведущий инженер ППО ИЯРФ. Ветеран труда (1989 г.), ветеран АЭиП (2005 г.)

Мои воспоминания о годах комсомольской молодости хочется начать словами песни: «Вот так и живём, не ждём тишины, мы юности нашей, как прежде, верны...» В годы службы в армии (1960–1963 гг.) я был редактором стенгазеты эскадрильи. Один из дней запомнился особенно ярко. Летом 1962 г. меня направили в Севастополь на курсы младшего командного состава. За день до празднования дня Военно-морского флота из нас, учащихся, отобрали рослых ребят — один к одному — для приветствия и встречи командующего Черноморским флотом на Графской пристани. После отбора нас собрал и озадачил начальник курсов, а затем и комсорг, мне вместо моей гвардейской ленточки на бескозырке выдали обычную. В день празднования мы построились у причала Графской пристани — исторического и архитектурного памятника в Севастополе. Командующий на катере объехал с поздравлениями корабли, выстроившиеся в Северной бухте, затем подъехал к причалу, вышел, отдал честь нашему строю, поздравил с праздником, а затем поднялся по историческим ступеням к колоннаде пристани, за которой на

площади Нахимова начинался городской митинг. Был чудный солнечный день...

Годы моей учёбы в МИФИ (1963–1967) — время счастливого студенчества и активной комсомольской работы. В 1964 г. я вошел в состав поточного комсомольского бюро факультета, в марте 1965-го избран в состав комитета комсомола МИФИ, с марта 1966 г. был секретарём бюро факультета.

Памятные эпизоды тех лет. 1966 год, осень, первый Всесоюзный слёт студенческих строительных отрядов в Кремлёвском дворце съездов. Запомнился концерт после торжественной части. Клавдию Шульженко после каждого исполнения повторно вызываем аплодисментами. Последний раз она вышла, постояла, глядя в зал, и развела руками — мол, не знаю, что еще вам исполнить. И тогда кто-то крикнул: «Возьми гитару!» Когда в зале стихло, она запела: «Возьми гитару, она бывало...» Такое не забывается...

В конце программы на сцену вышел конференсье и объявил: «Ребята, к вам в гости только что прибыл из Ленинграда Эдуард Хиль, встречайте!» Он вышел на сцену под аплодисменты и запел для тысячного зала молодого студенчества: «Надо, надо, надо нам, ребята, жизнь счастливую прожить...» и «Главное, ребята, сердцем не стареть, песню, что придумали, до конца допеть». Но особенно памятным было завершение. К Э. Хилю на сцену поднялся баянист, и ведущий предложил на прощание исполнить всем залом песню. Баянист заиграл “Подмосковные вечера”, Эдуард Хиль начал петь, но зал молчал, песню робко поддержали только несколько голосов в первых рядах. Выбор организаторов был явно неудачным, не к месту и не для нас. И тогда с нашего ряда сразу несколько голосов громко и дружно запели: «Надоело говорить и спорить, и любить усталые глаза, в флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса...» Песню с первых же строк подхватили со всех сторон партер, а затем амфитеатр и ложи, она усиливалась и заполнила весь зал. «На прощанье подымай бокалы золотого терпкого вина...» Какой уж там баянист и

сцена! «Пьем за яростных, за непокорных, за презревших грошевый уют, вьётся по ветру «Весёлый Роджер...» На многих лицах были улыбки и радость, когда после концерта и закрытия съезда мы прощались и уходили из зала. Этими минутами концерт и остался жить в памяти.

В 1960-е годы в комсомольской работе московского студенчества обозначилось новое направление — шефство студентов над учащимися профтехучилищ, в том числе организация выездных летних спортивно-трудовых лагерей для трудно-воспитуемых подростков. Летом 1965 года комитет комсомола МИФИ организовал для подшефного ПТУ такой лагерь в районе Звенигорода. Мы жили недалеко от села в построенном для нас палаточном городке на окраине леса близ 2 старых деревенских амбаров. В лагере 6 отрядов по 12–15 учащихся ПТУ, ребята сами выбирали себе командиров, мы же, студенты-организаторы, были руководителями и назывались комиссарами. Из студентов — также медсестра и завхоз. Обедали рядом с полевой кухней за большим деревянным столом у палаток.

В моём отряде ребята выбрали командиром Романа Курамшина. Во всём лагере уважали нашего гитариста Женю Кузина по прозвищу Кузен. Отношения с ребятами сразу складывались сами собой доверительные и дружеские. Они явно рядом с нами старались быть лучше, проще, требовательнее к себе, с чувством ответственности за себя и коллектив. Достойное поведение, оправдывающее доверие комиссара и честь отряда, явно доминировало, было важным.

По просьбе правления мы часто работали с колхозниками — на прополках, в теплицах, собирали овощи. Однажды моему отряду доверили разборку в селе старого пятистенного дома. После полудня мы устраивали на поле рядом с амбарами спортивные соревнования и игры в футбол и волейбол, ходили купаться на речку, ездили на экскурсию в Звенигородский кремль, часто отрядами ходили в лес за черникой или устраивали военные игры. Рядом с лагерем сделали волейбольную площадку и играли совместными командами — взрослые, ре-

Мой отряд за обедом

бят. Вечерами собирались у костра. Мы пели и свои студенческие песни, и Галича, и Высоцкого, а ребята под гитару Кузена исполняли свои. Помню уморительную песенку про сапог, который «в кафе-салон в своей кирзовой амуниции ввалился, и вот беда, да-да беда, увидел босоножку и влюбился». Часто к вечерним кострам приходили из села подростки и взрослые ребята посидеть, посмотреть и послушать. Познакомиться с нашей работой приезжал и секретарь Комитета комсомола МИФИ Б. Костюнин.

Запомнился случай. Отряды готовились к военной игре. Мои подопечные для эффекта предложили привезти из Москва кое-какие материалы. Но отпускать кого-то из них, «трудных», было рискованно, да и наш командир не одобрил бы этого. У меня были двое ребят, на редкость равнодушных ко всему, инертных и безучастных. Я решил рискнуть и испытать их доверием. Дал денег на дорогу и отвез к электричке. В отряде мой выбор не поддержали, ребята сомневались, что они вернуться. Но на третий день они вернулись и привезли все

Встреча с секретарем комитета комсомола МИФИ Б. Костюниным

необходимое. Приехали радостные и возбужденные, прямо к утренней линейке, просто не узнать. И игра в лесу с соседним отрядом, с ночевкой в палатках, ужином у костра и ночными разведками, прошла азартно и увлеченно.

Памятным стал и прощальный вечер у большого лагерного костра. За два дня до него ребята спросили у меня, что им исполнить на концерте от нашего отряда. Я предложил им подумать и решить самим. На вечер пришло много гостей из села. И когда настал черед выступать моему отряду, Кузен спел песню про маленького трубача («И встал трубач в дыму и пламени, к губам трубу свою прижал, и за трубой весь полк израненный запел Интернационал. И полк пошел за трубачом...»), а потом неожиданно зазвучало: «С пионерским звонким маршем в нашем солнечном краю мы идём на помощь старшим строить Родину свою!» Он пел и глядел на меня, и я поднял обе руки: виват!

За весь месяц нашей лагерной жизни у ребят не было ни одного случая недостойного поведения, и когда мы расстава-

Вечер встречи студентов 3 курса ФЭ факультета со студентами МГПИ

лись, казалось странным само звучание слов «трудновоспитуемые подростки». Уверен, что для ребят общение со студентами в том возрасте, когда формируется личность, было важным и памятным. Думаю, что каждый из них будет вспоминать дни того лета с любовью и благодарностью.

В октябре 1965 г. я получил от ЦК комсомола почетную грамоту и красный значок «Комиссар 1965». В марте 1966 г. был избран секретарем комсомольского бюро факультета. Подобрался дружный состав активных, увлеченных ребят. Мы организовали в институте клуб интересных встреч, и в концертном зале МИФИ выступали перед студентами Э. Гилельс, И. Ойстрах, Ведерников, Высоцкий, Ахмадулина, Вознесенский. Работал при бюро информационный пресс-центр. В январе 1966-го при поддержке преподавателя физики организовали в институтской столовой вечер встречи со студентками МГПИ: легкое застолье, концертные выступления, песни, чтение стихов, танцы, знакомства. Весной уже нас пригласили в МГПИ.

На строительстве картофелехранилища в Котляково

В мае 1966 г. по гостевому билету присутствовал на 15 съезде ВЛКСМ в Кремлёвском дворце съездов. Летом 1966 г. был командиром организованного по предложению МГК комсомола студенческого строительного отряда МИФИ, близ поселка Котляково мы участвовали в строительстве большого картофелехранилища для Москвы.

Жили в здании школы. Рядом в лесном массиве я с удивлением обнаружил совершенно заброшенный и запущенный комплекс зданий летнего дворца Екатерины II, построенный по проекту архитекторов В. Баженова и М. Казакова — арочный мост, гренадерский корпус, театр, дворец, спальня покои. Не укладывалось в сознании, как такое допустила действующая власть. Ценные исторические постройки 1797 г. редкой красоты в совершенно безобразном состоянии. Но... прошло 30 лет. Я приехал в 2007 г. с отчетами в международный центр близ станции метро Царицыно и с радостью и удивлением посетил это же место — теперь восстановленный и отреставрированный дворцово-парковый комплекс Царицыно.

По завершении работ в Котляково мы получили расчет и я совершил первую туристическую поездку Москва — Новгород — Псков — Снетогорский монастырь и Михайловское — Таллин — Сигулда — Рига — Клайпеда — Паланга — Каунас — Вильнюс — замок Тракай — Москва. Помню, что по возвращении в Москву у меня оставалось денег только на метро и автобус до общежития. Но каким я был счастливым! В Риге слушал орган в Домском соборе («Мессия» Генделя!), в Каунасе посетил галерею Чюрлёниса и музей рыцарских доспехов, в дождь пробирался лугом к дому Пушкина в Михайловском...

В июле 1967 г. награждён второй грамотой ЦК комсомола за организацию работы с молодежью.

После защиты диплома во ВНИИЭФ (сектор 3) началась активная научная работа, но я одновременно был секретарем комсомольского бюро сектора. Запомнился случай, когда мы отказали в выдаче рекомендации для вступления кандидатом в ряды КПСС одному из членов бюро. Он был пассивен, безынициативен и равнодушен к общественной работе, но у него были две рекомендации от членов КПСС его отдела. Явно ради карьерного роста. На партсобрании они выступили с положительными рекомендациями, но после моего выступления с оценкой его работы в комсомоле и голосования ему в приёме в кандидаты в члены КПСС было отказано. Один из членов партбюро сектора (фронтовик!) после собрания нашел меня и пожал руку.

В 1970 г. мне позвонили ребята из МИФИ, знакомые по работе в комитете ВЛКСМ. После этого в горком партии пришло письмо из ЦК комсомола с просьбой предоставить мне отпуск для поездки командиром студенческого отряда на стройку в г. Енисейск. Меня вызвал секретарь Ивановский В. А., показал письмо, мы поговорили, и я написал заявление на административный отпуск. В столице меня ждал номер в гостинице «Москва». Мы с главным инженером завершили формирование отряда, послали бригаду для оборудования палаточного

У штаба отряда. Командир, замполит и главный инженер отряда

лагеря и столовой и через неделю вылетели с отрядом в Красноярск. Основной работой было бетонирование большой площадки с откосами у причала на берегу Ангары и обустройство ветки железной дороги к ней. Не все выдержали темп работ и дисциплину, некоторых пришлось отправить обратно. Но в основном коллектив быстро сформировался и мы достойно решили поставленную задачу.

Памятный эпизод того времени. В конце дня мне позвонили из управления строительства и попросили организовать срочную разгрузку двух вагонов щебня, прибывших в зону наших работ. Вагоны до ночи должны были вернуться в город. Ребята приехали уставшие после работы на ужин и отдых. Я построил отряд, рассказал о ситуации и сказал: «Я не имею права заставить вас после дня работы поехать ещё и на разгрузку. Мы

едем втроём с главным инженером и завхозом. Вы ужинайте и отдыхайте. Но если кто-либо решится приехать помочь нам, дежурная машина — у палатки штаба».

Мы втроём приехали к месту работ, у которого уже стояли два вагона. Начали разгрузку. Минут через сорок услышали шум машины и, повернувшись, увидели полный кузов ребят. Приехали почти все. Работа сразу пошла с особым энтузиазмом, и мы её закончили еще засветло. А завтра на утренней линейке — всем спасибо! В качестве сувенира я храню окатыш бордовой яшмы, невесть как оказавшийся в потоке ссыпаемого щебня. И ещё запомнилось купание в Ангаре.

Памятным было и возвращение в Москву. Отряд улетел, а мы остались втроем с главным инженером и председателем ревизионной комиссии, которую я организовал в начале работ для контроля за расходом денег. Закрыли последние наряды, я получил чемодан заработанных отрядом денег. На попутных машинах доехали до аэропорта Ангарска. Билетов до Красноярска нет. Мы узнаём, что сейчас вылетит какой-то небольшой почтовый самолет. Нам показали его и через некоторое время к нему направились два пилота и женщина. Я догнал их и попросил взять меня до Красноярска, объяснив ситуацию. Они согласились и я улетел, сидя в хвосте самолета меж каких-то ящиков с чемоданом денег. Ребята приехали в аэропорт на машине, и мы вместе благополучно улетели в Москву. Далее два дня расчетов зарплат, списки на выплату, телефонные звонки-приглашения и, наконец, расчет у входа в парк им. Горького. И поезд домой, в родной Саров.

Годы активной комсомольской работы — счастливое время молодости, общения и служения делу. Это остаётся в нашей душе и в нашей сущности. Желание служить общему благу, как писал мне отец, должно быть непременно потребностью души, условием личного счастья. Из памятных сувениров этого времени остались два комсомольских значка с грамотами ЦК, значки участника 15 съезда комсомола, первого всесоюзного слета студенческих стройотрядов, красного комиссара, на-

стольная статуэтка Ленина с дарственной надписью комитета комсомола МИФИ, настольные портативные часы от партбюро факультета (Конопленко В. П.).

Я снова ощутил эту чудесную атмосферу общности жизни в 2013 году на юбилейной встрече в МИФИ выпускников, поступивших в институт в 1963 г. При входе в институт увидел на колонне портала мемориальную доску В. Г. Кириллова-Угрюмова, нашего ректора в годы учебы. Мне вспомнилась встреча с ним, когда он неожиданно пришел, уже во время застолья, на встречу комсомольского актива МИФИ с руководством довольно известного оперативного отряда института. Мы как раз запели нашу студенческую на мотив «Дубинушки»: «Кто в МИФИ к нам попал, тот грустить перестал, ведь в МИФИ нам не жизнь, а малина, только физика — соль, остальное всё — ноль, а филолог и химик — ...» Потом второй куплет про декана с таким же концом. И вдруг он говорит: «Ребята, а там ведь наверняка есть куплет и про ректора, вы не стесняйтесь». Мы со смехом стали убеждать его, что уж про ректора у авторов и мысли не могло быть.

Юбилейная встреча прошла в актовом зале с выступлениями, короткими видеофильмами и песнями мужского хора МИФИ. После торжественной части и концерта наступило время спокойного и радостного общения. Незабываемое и счастливое время...

И снова та же песня: «Не созданы мы для легких путей, и эта повадка у наших детей: мы с ними выходим навстречу ветрам, навстречу ветрам. Вовек не состариться нам. А годы летят...»

С. М. Зиброва

Спасибо тебе, Комсомол!

В комсомоле я состояла около девяти лет. В педучилище (г. Челябинск) избиралась поморгом, в пединституте (г. Москва) — членом комитета факультета, а в административно-хозяйственном отделе (АХО) ВНИИЭФ — секретарем комсомольской организации. Эмоциональный фон комсомольских будней (многообразные полезные дела, поручения в свободное от учебы и работы время) и интересных праздничных меропри-

ятий сохранился в воспоминаниях до сих пор. Вот некоторые из них.

Будучи студенткой второго курса педучилища провела зимние каникулы по бесплатной поощрительной путевке в доме отдыха, расположенном в живописном месте Челябинской области, на берегу знаменитого озера Тургояк вблизи г. Миасса. Дом отдыха функционировал для студентов техникумов Челябинской области, сочетавших отличную учебу и комсомольскую активность. В январе 1956 года мне посчастливилось (тоже в качестве поощрения по линии ВЛКСМ) быть приглашенной на новогодний бал московских студентов. Бал проходил в Кремлевском дворце, на территорию Кремля мы прошли через Боровицкие ворота. Пригласительный билет храню до сих пор...

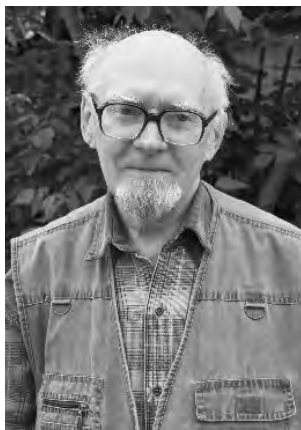
А в августе 1957 года в Москве проходил Международный фестиваль молодежи и студентов. Комсомольский комитет нашего института (МГПИ им. В. И. Ленина) организовал группу активистов для участия в мероприятиях фестиваля. Я была в составе этой группы. Тогда у меня возникло желание к началу фестиваля овладеть разговорным английским языком. Приоб-

рела англо-русский словарь, усиленно занялась самообразованием. Результат пригодился, когда в нашем институте принимали делегацию из Индонезии.

Сколько ярких, волнующих впечатлений подарил нам фестиваль! Он проходил с 1 по 10 августа. А 12 августа я, вместе с другими молодыми специалистами (восемь человек), приехала на работу в наш город. Комсомольской деятельностью продолжала заниматься и здесь. До конца 1958 года была секретарем комсомольской организации АХО.

Г. Ф. Иоилев

Подранки на целине

Подранки — дети войны, опалённое и раненное Великой Отечественной войной поколение победителей. В 1941–1945 гг. автор пережил эвакуацию, голод, холод, расстрелы «мессерами» с бреющего, бомбёжки «юнкеров», потерю родных. В 1945 г. 9 мая довелось быть в Москве на Красной площади и 24 июня — на Параде Победы.

Разработчик и испытатель ядерных зарядов, кандидат физ.-мат. наук Герман Фёдорович Иоилев родился 6 января 1937 г. Учился в МИФИ в 1954–1961 гг. В 1956 г. за участие в уборке урожая был награждён почётной грамотой «Казакстан ЛКСМ» и памятным знаком ЦК ВЛКСМ «За освоение целинных земель», в 1987 г. — медалью «Ветеран труда СССР», в 2000 г. — знаком «Ветеран атомной энергетики и промышленности»; в 2013 г. — знаком «За вклад в развитие атомной отрасли». С 2017 г. — заслуженный ветеран г. Сарова. В 2019 г. отмечен благодарностями губернатора Нижегородской области и руководства ООО «Дети войны». Работал более 11 лет в войсковых частях на Семипалатинском и Новоземельском полигонах. Публикуется в журнале «Атомная стратегия» по теме «Ядерный щит».

В конце лета и сентябре 1956 г. в составе комсомольского отряда факультета экспериментальной и теоретической физики МИФИ по окончании второго курса мне довелось участвовать в первом десанте студентов-добровольцев на целину.

Погрузили нас в теплушки, рассчитанные на 40 человек или 8 лошадей. На нарах из досок — солома для подстилки. Кормёжка — сухой паёк по банке тушёнки и сгущёнки (сухари — свои) и один раз в сутки суп в солдатских этапных столовых. Дорога от Москвы до казахского Петропавловска, с остановка-

В теплушке (в кепке — Г. Иоилев)

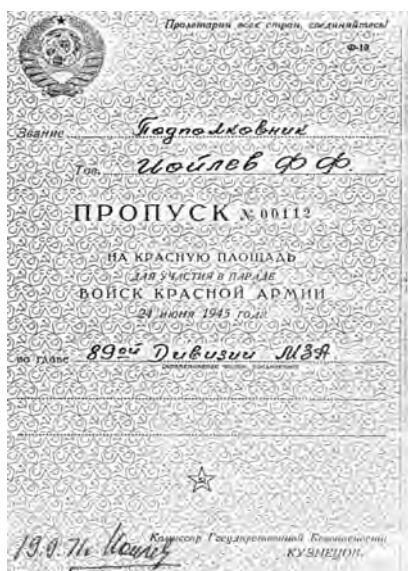
ми на безлюдных разъездах, заняла четверо суток. Под гитару сочинили и пели частушки: «Чуваки! Набейте пузо все хрущёвской кукурузой...»

По прибытию в центральную усадьбу объявили набор желающих в дальнюю бригаду. Из нашей студенческой группы вызвались восемь человек, в том числе и я. Вспоминаются Ветлицкий Игорь, Воронцов Борис, Балицкий Вадим, Решетин Лёня, Свиридов Юра, Стукин Женя, Тельнов Юра. На краю пшеничного поля поставили четыре палатки для двух человек каждая, продукты выдавал колхозный бригадир. Наш дежурный на костре готовил кашу, на обед — суп из крупы, тушёнки или кусочка мяса. Никаких овощей, витамины — калина красная из ближайшей рощицы.

Разной работы в бригаде всегда хватало. Самая лёгкая — ночной сторож на пшеничном току, самая тяжёлая — копнильщик на комбайне С-1 (Сталинец-1). За комбайном прицеплялась двухколёсная платформа, на которую летела обмолоченная пшеничная солома с корнями и землёй. Это нужно было собрать в копну и освободить место для следующей копны. Зазевался — комбайн встаёт. Обед, суп с большим куском мяса, в пере-

Копнильщики В. Балицкий
и Г. Иоилев (справа)

Мой отец Ф. Ф. Иоилев — участник
парада войск Красной Армии
24 июня 1945 года

рыбе на 20–30 мин привозили прямо в поле. Обмывались в ближайшем озерке, и всего один раз нам растопили бригадную баньку.

В сентябре стало по утрам холодно в палатках, и нас поселили в жилом доме колхозника. Ломали старый и строили новый коровник. Накануне отъезда в плацкартном вагоне домой выдали заработанное и в Петропавловске в книжном магазине я купил сочинения Маяковского, Есенина, Бунина, Флобера и Гейне. По окончании МИФИ меня направили на «объект», теперь РФЯЦ-ВНИИЭФ. Дважды виделся с Вадимом Балицким в Москве и с Женей Стукиным на Новоземельском и Семипалатинском полигонах. Встречался также с однокурсниками, Борисом Вороновым, ещё бакинским одноклассником Юрой Диковым и Аркадием Шаненко, под руководством которого довелось поработать.

Дети войны штурмуют космос

Космонавт Климук Пётр Ильич родился 10 июля 1942 года в с. Комаровка Брестского района Белорусской ССР, дважды Герой Советского Союза (1973, 1975), генерал-полковник авиации РФ (1998), доктор технических наук (2000), профессор, почетный член Национальной академии наук Беларуси (2017), лауреат Государственной премии СССР (1978, 1981). Совершил три космических полета (1973, 1975 и 1978).

В апреле 1974 года гостем нашего города был летчик-космонавт Герой Советского Союза Пётр Климук. Командира «Союза-13» горожане встречали тепло и сердечно. Герою космоса аплодировали пионеры и ветераны, военнослужащие и трудящиеся — все те, кто побывал на встречах с ним в ДК им. Ленина и Доме ученых.

Публикуем фрагменты двух радиогазет, вышедших в те дни и передающих дух той легендарной эпохи. Их авторы — замечательные саровские журналисты: Валентина Петровна Порваткина и Нина Ивановна Аношина, которая и подготовила эту публикацию (полностью материал можно посмотреть на zatosar.gov.ru).

Зал аплодировал стоя

Радиогазета №65 (3476) за 8 апреля. Автор — В.Порваткина.
«В течение двух дней почетным гостем нашего города был летчик-космонавт... Климук Петр Ильич. Сколько счастливых встреч было за эти дни! Сколько волнующих минут!.. (Звучит марш, аплодисменты.)

Диктор. 7 апреля. 12 часов дня. Дворец культуры им. Ленина... Открыл встречу первый секретарь горкома КПСС товарищ Ивановский Владимир Андреевич.

ДНЮ КОСМОНАВТИКИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Это называют счастьем—
Путь труда, победы и тревог.
Только знай: космические трассы
Начинаются с земных дорог...

Дорогой друг!
Горком комсомола, гороно
приглашают тебя на встречу
с Героем Советского Союза,
летчиком-космонавтом СССР,
командиром корабля „Союз-13“,
подполковником
КЛИМУКОМ ПЕТРОМ ИЛЬЧЕМ.

Встреча состоится 6 апреля 1974 года в 14 час.
во Дворце культуры им. В. И. Ленина.

Ивановский. К нам в гости приехал Герой Советского Союза, летчик-космонавт Климук Петр Ильич... (аплодисменты) 18 декабря... был дан старт космическому кораблю «Союз-13». Экипаж корабля в составе командира корабля Климук Петра Ильича и бортинженера Лебедева Валентина Витальевича в течение 8 суток... успешно выполнял большую программу исследования космоса. Трудящиеся города вместе со всем советским народом с волнением следили за вашим полетом и сегодня рады видеть Вас, Петр Ильич, на нашей земле... (аплодисменты). Просим Вас, Петр Ильич, рассказать о себе, о полете, о жизни (аплодисменты).

Климук. Большое спасибо за ту теплоту, за тот прием, который вы мне оказываете. Я объехал весь Советский Союз, везде был. Я не видел нигде такого радушия, такой доброты и сердечности...

Как и все ребята-школьники имеют какие-то свои планы, каждый мечтает, так и у меня была мечта. Как-то однажды в 53-м году в деревне увидел, как летит самолет. Это был новый самолет, реактивный МИГ-15... И по какой-то причине самолет... сел на луг... Я увидел летчика — очень симпатичный, волевой человек. Когда я стал летчиком, я еще больше понял мужество и отвагу этого человека, который не бросил самолет, который отказал... Тогда и зародилась у меня мечта стать летчиком...

В 1961 году я услышал, что Юрий Алексеевич Гагарин выполнил полет космический. Меня тоже какая-то маленькая струнка взволновала: как попасть в космонавты?! Вот с апреля 61-го года я свою мечту и претворял в действительность. Постепенно готовил себя. Начал заниматься медико-биологической подготовкой. К полету я готовился долго. Все корабли, которые у нас есть, изучил. И очень здорово тренировался.

Полет наш был продолжительный, 8 суток. Данные получены уникальные. Сейчас я тоже готовлюсь к космическому полету, когда это будет, не знаю, но подготовка идет самым настоящим образом (аплодисменты).

Диктор. И снова нарушилась тишина зала. Вопросы!.. Пока Петр Ильич вел свой рассказ, на столе президиума перед первым секретарем горкома КПСС товарищем Ивановским появилась масса записок.

Ивановский. Были ли Вы все время на орбите в скафандрах?

Климук. На орбите мы в скафандрах не были все время. Скафандры у нас предназначались для выведения и для посадки. Ну, конечно, работоспособность в них не такая, как в обычных костюмах, но все-таки работать, сделать можно все.

Ивановский. Петр Ильич, масса вопросов от женщин. Есть ли в отряде космонавтов женщины? И одна решительная записка: принимают ли женщин в отряд космонавтов в настоящее время? Если нет — почему?

Климук. Сейчас женщин-космонавтов нет, потому что полеты довольно серьезные, длительные... Поэтому пока сделано

так, что женщина в космическом полете участвовать не будет, но пройдут годы, может быть, снова начнут брать женщин.

Вопрос из зала. А дети могут полететь в космос?

Климук. Детям, главное, надо хорошо учиться, а потом будут летать! (Аплодисменты.)

Диктор. Герой космоса ответил на многие вопросы присутствующих в зале. На трибуне — представитель коллектива завода «Авангард» Светлана Суббот.

Суббот. Дорогой Пётр Ильич! Сегодня мы рады приветствовать Вас и в Вашем лице всю славную и мужественную семью наших советских летчиков-космонавтов! (Аплодисменты.) Мы всегда очень-очень волнуемся, когда слышим по радио голос Левитана: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!» И рады, что наши космонавты — такие отважные и смелые люди в космосе, на земле — такие веселые, славные, симпатичные и милые мужчины! (Аплодисменты.) Мы надеемся, что эта встреча с вами будет не последней. Разрешите мне от имени работников завода «Авангард» и от молодежи всего нашего города поблагодарить Вас за приезд, пожелать Вам и Вашим товарищам больших успехов в будущих полетах, богатейшего здоровья и счастья! (Аплодисменты.)

Ивановский. Товарищи! В заключение разрешите от имени всех присутствующих здесь, в зале, от имени всех жителей города сердечно, тепло поблагодарить Петра Ильича за эту хорошую знаменательную встречу. Спасибо Вам большое! (Аплодисменты, звуки марша.)

Диктор. Стоя аплодировал зал космонавту, чья улыбка чем-то напомнила гагаринскую!.. (музыка-марш «Все выше»)..»

Пионерский салют — герою космоса!

Радиогазета №66 (3477) за 9 апреля. Автор — Н.Аношина

«Слушайте репортаж о встрече пионеров и школьников города с летчиком-космонавтом Петром Ильичом Климуком (музыка).

В субботу 6 апреля... зал Дворца культуры имени Ленина заполнили делегаты школ — лучшие пионеры и комсомольцы. Ребята — с цветами, с сувенирами для космонавта. Долгими аплодисментами встречают они героя космоса. Открывает встречу секретарь городского комитета КПСС Василий Федорович Егоров.

Егоров. Дорогие друзья! Сегодня впервые в нашем городе мы приветствуем летчика-космонавта СССР, командира корабля «Союз-13» Героя Советского Союза Климук Петра Ильича (аплодисменты).

Климук. Дорогие ребята, товарищи! Разрешите сразу же пожелать вам больших творческих успехов и от имени летчиков-космонавтов передать вам большой, пламенный привет (аплодисменты).

Как пионеры, октябрята и комсомольцы, которые присутствуют здесь в зале, я тоже трудился в школе, занимался. Правда, школа у меня была не такая, как у вас, я учился в сельской школе, в сельской местности. Как и все ребята стремился к романтике, меня очень привлекала авиация. Труд космонавта — очень тяжелый труд, это очень тяжелая нагрузка. Человека приучают к таким условиям, которые на земле абсолютно не подходят ни к одной из профессий.

Диктор. Петр Ильич Климук поделился с ребятами впечатлениями о восьмидневном космическом полете, рассказал о проведенных в космосе экспериментах.

Климук. Все вы здесь очень симпатичные, красивые ребята! У каждого из вас есть какая-то программа. Программа минимум и программа — максимум. Перед каждым есть какие-то цели, и к этим целям он действительно любыми путями идет. Путь один — учеба. Я учился, и вы занимаетесь сейчас. Надо стремиться, стремиться к идеалам своим. Вот сейчас будут у кого вопросы, я постараюсь на них ответить (аплодисменты).

Диктор. Восторженные взгляды и улыбки ребята дарили герою космоса. И началась атака вопросами. Их было много — любопытных, интересных... Мальчишек 3-й школы заинтере-

совал вопрос о чертах характера, необходимых космонавту.

Климук. Прежде всего, наверно, люди нашей профессии должны иметь большую силу воли, выдержку, ну и конечно, большую преданность Родине, потому что интересы Родины превыше всего и человек должен их защищать... Считаю, что вы все имеете такие черты характера, поэтому вы все можете стать космонавтами, только необходимо учиться хорошо и дальше стремиться к этому (аплодисменты).

Диктор. А разве можно на такой встрече не вспомнить первого летчика-космонавта...

Климук. С Юрием Алексеевичем Гагариным я встречался в 1965 году. Это очень хороший, очень душевный человек. Мы с ним делились своими проблемами, впечатлениями. Он нас понимал. Самый близкий друг сейчас — Алексей Архипович Леонов. С ним я дружу очень давно. Я стремлюсь брать с него пример. У него очень большие знания, талант большого художника...

Вопрос из зала. Как Ваши родные отнеслись к Вашему полету? И к Вашей профессии?

Климук. Родные знали, что я летчик... Потом они начали спрашивать: почему летчик и вдруг в Звездном городке. Пришлось сознаться, что работаю космонавтом. Они переживали: не спеши никуда, оставайся на Земле (смех в зале, аплодисменты).

Егоров. В нашем городе есть пионерская дружина, которая носит имя Юрия Алексеевича Гагарина. Для приветствия предоставляется слово пионерам этой дружины. Выступают ученица 6 класса Бычкова Надя и ученик 5 класса Саша Овчинников.

13 лет прошло с тех пор,
Как звездный начался разбег,
Когда в космический простор
Поднялся первый человек...
Дружина наша это имя
В борьбе сумела заслужить,
Чтоб так же мы могли трудиться,

Чтобы так же мы могли учиться,
Чтоб так же, как Гагарин, жить!
«Союз-13» ввысь поднялся —
Итог работы многих рук.
Космическую эстафету
Продолжил Пётр Ильич Климук... (аплодисменты)

Разрешите вручить Вам памятный подарок от пионеров дружины имени Гагарина школы №1...

Егоров. Слово предоставляется ученице 10 класса школы №20 Машковой Светлане.

Машкова. Мы, школьная комсомолия города, рады приветствовать Вас, уважаемый Пётр Ильич, и в Вашем лице всю большую и дружную семью советских космонавтов (аплодисменты). Обещаем Вам, что будем достойной вашей сменой! (Аплодисменты.)

Егоров. От комсомольцев города слово предоставляется секретарю горкома комсомола Макарову Игорю.

Макаров. Дорогой Пётр Ильич! Комсомольцы, пионеры, молодежь города сегодня горячо и сердечно приветствуют Вас на нашей земле. Хотелось бы в эти космические дни пожелать Вам, всему отряду советских космонавтов большого счастья, успехов в ваших полетах, в вашей работе, в вашей учебе (аплодисменты).

Диктор. Герою космоса вручают памятные сувениры. А ребятам уже не сидится на месте! Петра Ильича буквально засыпали цветами! Потом посланцы школ фотографируются с космонавтом. А сколько было желающих получить автограф! Счастливые минуты незабываемой встречи (музыка). Мы передавали репортаж о встрече школьников города с летчиком-космонавтом Героем Советского Союза Петром Ильичом Климуком.»

Б. Е. Кодола

Первая целина

Кодола Борис Ефремович (1937–2019) родился в городе Узловая Московской (теперь Тульской) области. После окончания Тульского механического института работал во ВНИИЭФ с 1960 по 2016 год, вначале конструктором и начальником группы конструкторов в секторе 3, с 1969 года — руководителем группы исследователей и старшим научным сотрудником в отделении 13 (ИЛФИ). Активный участник общественной редколлегии первого сборника (2016 г.) воспоминаний саровчан-детей войны и Победы.

В конце первого курса был объявлен набор комсомольцев-добровольцев на целину, на уборку урожая в восточном Казахстане. Сроки — с конца июня по конец октября. Ехать могли первокурсники и второкурсники, у остальных — производственная практика, летние лагеря. Со всего института набралось 84 добровольца, из них 17 девушек. Как только нас ни пугали, и перебьют-перережут, там одни уголовники, не только не заработаем, но и не рассчитаемся потом. Но мы верили в лучшее. И страну, и жизнь повидаем, да и нужны мы, добровольцы, в тех краях. О том, что, возможно, подзаработаем, мы и не думали.

Выдали всем путёвки (храню до сих пор). Пункт назначения — станция Щербакты Павлодарской области, ехали кружным путём через Петропавловск, Татарск и Кулунду. В эшелоне — только туляки. Ехали в пульманах, нары в два яруса. Все знали номер эшелона, по линии была дана команда, подбирать отставших добровольцев и помогать им, двое таких были из нашего вагона. Эшелон полз так медленно, что его догнать и

перегнать на пассажирских поездах не было проблемой, но отстать после Татарска значило добираться до пункта назначения собственными силами, а это без малого тысяча километров, да и куда конкретно — не вполне ясно.

Раз в сутки всех из эшелона кормили на пересыльных пунктах, в каком-либо очередном областном центре, для чего эшелон загонялся в тупик. Не могу точно утверждать, где однажды случилось ЧП, вернее, неприятный инцидент, в Свердловске или в Челябинске. Обычно в столовой, рассчитанной на кормёжку целого эшелона, стояли столы на 10–12 человек, по бокам — лавки. На каждом столе — котёл со щами, кастрюли с кашей, с мясом, чайник с чаем, половник, алюминиевые ложки, кружки и чашки. Кормили нас всегда отменно. В тот раз на столах не было ни кружек, ни ложек, и половник был не на каждом. Народ заволновался, застучали чашками по столам, норовя не то их, не то чашки перебить. Вышел седенький старенький подполковник, поднял руки вверх: «Товарищи, мы очень стараемся всех накормить, и не наша вина, что перед вами прошёл эшелон с добровольцами из Литвы, последствия вы видите, и мы сейчас бессильны вам помочь. Ешьте, пожалуйста, кто как сможет». Далее всё точь-в-точь, как в фильме «Путёвка в жизнь». Мы были наслышаны, что в послевоенные годы много беды было в Литве от «лесных братьев». Оказывается, там были не только бандиты, но и бестолковое ворьё.

За Татарском потянулись по сторонам унылые степи, без рек, лесов и пригорков, и мы тоже приуныли. Но, чем ближе к Кулунде, тем чаще встречались бескрайние пшеничные поля, тёмно-серые, в отличие от привычных нам жёлто-золотистых. Стало веселее. От Кулунды едем на запад, а вот и конечный пункт — Щербакты.

Всю нашу институтскую команду отправили на машинах в деревню (село?) Сергеевку, что в шести километрах на север от станции. Деревня большая, жители — немцы Поволжья и украинцы. Последние — те самые, которых в соответствии с приказом Берия и Жукова в июне 1944-го года начали высе-

лять с Правобережья Украины в Сибирь и Казахстан. На переселение пособников фашистов были направлены до 25 дивизий НКВД, но из-за саботажа киевских властей оно не было доведено до конца. Русских мало. Вопреки ожиданиям, население к нам было настроено если не дружелюбно, то обычно, по-деловому. Ребят поселили всех вместе в амбаре недалеко от правления колхоза. Рядом была колхозная столовая на открытом воздухе под навесом. Девчат расселили в двух деревенских домах в другом конце деревни. Денёк на отдых и обустройство, и за работу.

Первая работа для всех — очистить колхозный ток от остатков прежнего урожая и не вывезенной на элеваторы пшеницы и подготовить технику к уборке и приёму нового урожая. Ничего себе остатки. Километровых(!) размеров в обоих направлениях ток завален по щиколотку, а где и более, перепревшей за зиму и местами «горящей» пшеницей. Запах удушающий. Уборка продолжалась довольно долго. А затем началась битва за урожай. Некоторое время я работал на комбайне, на копнителе, пыль, короткие ночёвки в поле у комбайна, постоянный недосып. Мне не понравилось, и я попросился на другую работу, более техническую. К сожалению, расценки на ней были мизерные, не колхозные, а государственные, и мой заработок существенно пострадал, но я был доволен.

Хлеб убирали до выпадения снега и всё равно убрать его со значительной части полей не успевали, и начинали эти участки вместе с неубранной пшеницей запахивать. Зерно на ток шло непрерывным потоком, но очень засорённое, а, главное, сырое. Весь ток был засыпан трёхметровыми валами пшеницы, между которыми оставались лишь проезды для машин. Тут же лошадьми таскали грабли, тут же лошади клали свои кучи, и никто их не убирал. Зерно непрерывно перелопачивали, перебрасывали конвейерами и вручную с места на место. Разные ВИМы, веялки, да и часть комбайнов, что были не на ходу, чистили зерно круглые сутки. Занимались этим, главным образом, девчата, работа была посменная: 12 часов работа, 12 —

отдых. Большая часть ребят работали в поле на комбайнах, там вообще работа не нормировалась, но и заработки были намного выше. Подсушенное и очищенное зерно возили на Павлодарский элеватор, там горы зерна были уже более десяти метров. Возили и на другие элеваторы, где временно было посвободнее. Но это не знакомые нам элеваторы, капитальные сооружения, бурты были просто под открытым небом. Хорошо хоть, что климат благоприятствовал, совершенно не помню дождей. На элеваторах начиналось всё сначала — чистка, сушка. Часть зерна грузили в вагоны и вывозили в Европейскую часть Союза, но вагонов катастрофически не хватало. Зерно горело, запах от этого уже чувствовался километров за 5 до элеваторов. Рассказывали случаи, когда прилётшие на бурт зерна отдохнуть или поспать ребята (тепло!) проваливались в прогоревшие в бурте пустоты и сгорали, не проснувшись. К счастью, у нас таких случаев не было.

Как ни трудились на току и на комбайнах, не менее трети зерна оставалось под зиму в снег на току и в полях. Следующей весной или в июне всё начнётся сначала, подготовка тока к новому урожаю, борьба за урожай и т.д., пока пылевые бури не унесут неизвестно куда потревоженный небольшой верхний плодородный слой земли. Такая страшная бесхозяйственность была и в первую нашу поездку на целину, и во вторую. Да, наверное, везде было так.

В зоне уборки был сухой закон, однако закон не распространялся на города. Периодически кто-то отправлялся за спиртным в разные города за многие сотни километров, как-то в тех краях расстояния не ощущались, и всегда тебя могли подвезти на попутках. Привозили вино в бидонах, ведрах, чайниках, стоило всё копейки. Из крепких напитков запомнились всевозможные иностранные бренди в плоских бутылках, в Туле на прилавках я таких не видел. Но пьянства никакого не было. Пришлось и мне однажды потратить день на поездку в Кулунду, назад ехал весёленьким, с 10-литровым чайником добротного вина, совсем не такого, как наши местные плодово-выгодные.

Бригада, в которой я работал, состояла из 4 студентов и местного бригадира. Бригада была на все руки, чем мы только не занимались. Бетонировали колхозную электростанцию, сами работали на пилораме, делали доски и брусья для опалубки, полов и пр., сами месили бетон и заливали его. Чистили, смолили и устанавливали столбы электролиний, ставили на них изоляторы и натягивали провода. Верхолазом приходилось быть мне. Когда нечего было пилить или не было столбов, на лесовозе ездили за лесом километров за 200—250 в южном направлении, за Чалдай (назывался населённый пункт и Шалдай). Поездка за лесом растягивалась на сутки. Машина какая-то старинная, бортовая с прицепом-ропуском, без фар и всего один подфарник, зажигание включалось замыканием проводков. Мы выезжали утром натошак, так как только так можно было безопасно ехать по тем дорогам. Вровень с бортами в кузов набивали сено и солому, к концу поездки они сбивались в тонкую подстилку.

Много было приключений в этих поездках. Вот некоторые из них. Однажды мы попросили шофёра остановиться, чтобы искупаться в видневшемся недалеко озере, солнце так и палило. Шофёр остановился, но с проторенной дороги съехать отказался, и не зря. Мы долго бежали к озеру по топкому солончаку. По пути встретили засосанную в топь полуторку, торчала лишь часть кабины. Глубже колена я воды не нашёл, так немного поплескался и вернулся. А ребята побежали дальше и накупались вволю. Когда поехали, выяснилось, что все они покрылись слоем соли и, полежав в кузове на соломе, в кровь раздирали себе спины, руки, ноги. Встречались нам экзотические озёра, половина с чрезмерно солёной водой, а другая часть — с щелочной, купались поочередно в каждой.

Уставали очень в этих поездках. Четверым пацанам закатить на прицеп-ропуск несколько кубометров девятиметровых стволов очень непросто. Как-то мы, уже гружённые лесом, только отъехали с делянки, но дорогу нам преградила машина с вооружёнными лесниками. Арестовали, заставили ехать на

какой-то кордон, якобы мы незаконно забрали лес не со своего участка. Это был беспредел, узаконенный рэкет. Так лесники бесплатно обеспечивали себя дровами и строевым лесом. Сначала мы отказались разгрузить, но шофёр уговорил: “Не выпустят, так и сгниём здесь”. Разгрузили, снова на другой полянке нагрузили лес — не ехать же назад порожняком. А время-то идёт. Пытаясь сократить дорогу, шофёр заплутал, и в одном месте мы едва не свалились в силосную яму. Едем-то практически без света, с одним подфарником. Одно переднее колесо было уже в воздухе. Эти ямы здесь — как и тока, грандиозные сооружения, метра 3 глубиной и длиной метров 300, не то, что силосные траншеи в нашей местности.

Ночами всегда было очень холодно, и мы, меняясь поочередно, грелись в кабине у шофёра. Спать в кузове было невозможно, на поворотах комли стволов то слева, то справа припечатывали кого-то к переднему борту машины. Приезжали мы домой под утро. В столовой под навесом каждого ждала трёхлитровая банка молока и каравай свежее испечённого настоящего пшеничного хлеба, в колхозе другого не пекли. Нигде никогда больше такого хлеба я не ел. Не евшие ничего сутки, да после тяжёлой работы, мы всё съедали и тут же за столом засыпали.

Ездили мы и в степь за сеном на тракторной волокуше. Один раз заблудились и попали в солончаки. Передний брус волокуши тащит перед собой полынь и прочую растительность вместе с землей до тех пор, пока трактор, перебрасывая всё это гусеницами перед собой, не заглохнет. Начинаем раздёргивать спрессованный и переплетённый корнями грунт, едем, через 15 минут всё то же самое. Вымотались основательно, а тут ещё солнце нещадно печёт. Вода кончилась. Впервые я видел миражи, реки и озёра на горизонте, катера и корабли, раньше я всерьёз возможность миражей не воспринимал. Тракторист предложил попить воды из радиатора, предварительно остудив немного. Представляете, что может быть в радиаторе допотопного деревенского трактора? Отфильтровали через две

кепки. Кого от одного глотка сразу вывернуло наизнанку, кто только пригубил, я хлебнул глоток и намочил потрескавшиеся губы. Стало немного легче, хотя долго преследовал запах солярки. К ночи добрались домой. Как ни странно, никаких осложнений с кишечником и желудком не последовало. Этот случай имел для меня большие последствия. С тех пор я уже при необходимости не гнушался пить из любой лужи, отфильтруешь от кишасшей в воде живности, да и то по обстоятельствам не всегда. И ничего, бог пока миловал. Конечно, не советовал бы другим делать так.

Иногда мы гуляли по степи. Как-то под вечер набрали на одинокую юрту, вокруг которой крутилось с десятков малышей. Оказалась семья казахов, муж и четыре жены с детьми. Казак нигде не работает, за ним только непосильная женщинам работа по дому. Главные его обязанности — ублажать жён и следить, чтобы они не ссорились и не выделяли своих детей среди всех. Семья была настроена к нам дружелюбно и гостеприимно. Младшая жена, тут же, сидя перед нами на корточках, стала лепить лепёшки, разминая их на грязных, невымытых коленках. Всё это, конечно, мелочи жизни, но они так явственно стоят перед глазами, что так и хочется поделиться ими.

На каждый заработанный нами трудодень, кроме денежной выплаты, полагалось около трёх килограммов пшеницы. Было два варианта: сдать зерно на месте и по выданной справке получить зерно по месту проживания, а дальше что хочешь с ним делать, или продать государству по копеечной цене, по двадцать с чем-то копеек за килограмм, или оставить себе. Мы как комсомольцы-добровольцы просто обязаны были добровольно зерно продать государству. За два раза присутствия на целине знаю лишь один случай, когда одной просто нищей студентке разрешили зерно взять себе. Я тоже был нищим, но к тому времени уже был членом штаба институтских целинников и бригадиром крупнейшей бригады. Никто бы мне не позволил взять зерно с собой, а оно бы пригодилось, цена твёрдой казахстанской пшеницы на базаре была намного выше, правда,

не факт, что выдали бы казахстанской. Не так много по сравнению с другими парнями, работавшими на комбайнах, я заработал за две поездки, но всё-таки одного зерна получилось около полутора тонн.

Как доказательство нашего пребывания в Сергеевке и того, что именно мы бетонировали электростанцию, в перекрытии первого этажа мы навечно замуровали рельс (он сам по себе должен был там быть) с выбитой на нём зубилом надписью «ТУЛА, ТМИ, МТФ, 554 — 1956 год», что значило: Тула, Тульский механический институт, механико-технологический факультет, группа 554 — 1956 год.

Назад мы ехали той же дорогой, но в плацкартных вагонах, по 8 человек в купе. Ехали почти четверо суток, раз в день нас кормили на пересыльных пунктах. При длительных остановках поезда половина ехавших разбегалась по ближайшим магазинам, главным образом, за спиртным, закуски хватало. Не отставали от заводских добровольцев и студенты. Местные жители, уже приученные к таким набегам, сразу отходили от касс и прилавков, давая возможность ребятам отовариться. Если были опоздавшие, то в вагонах срывали стоп-краны, благо их по нескольку штук в каждом вагоне, отстанешь от поезда, уже не догонишь, да и везти бесплатно уже никто не будет. Так каждый раз лишние задержки на полчаса и больше.

Приехав домой, я первым делом купил себе и брату часы. В это время он уже был курсантом Выборгского лётного училища, где готовили лётчиков и технарей военно-морской авиации. Не знаю, как у брата, а моя «Победа» исправно тикала лет 20, а следующие «Слава» и прочие — максимум по 3–4 года.

Н. В. Почтарюк

Памяти Анатолия Мефодьевича Почтарюка

А. М. Почтарюк

Почтарюк Надежда Викторовна, 1939 г. рождения, член ВЛКСМ с ноября 1953-го года. Окончила Московскую ЗВПШ при ЦК КПСС по специальности «Печать». Член Союза журналистов СССР с февраля 1972 г. Стаж работы радиожурналистом 57 лет. Работала редактором радио ВНИИЭФ. На пенсию ушла в 2009 году. Сегодня один из организаторов и руководителей городской организации «Дети войны», в которой состоят 6520 ветеранов-детей войны. Награждена медалями «Ветеран труда», «За доблестный труд», юбилейными медалями, тремя знаками министерства и ЦК профсоюза «Победитель социалистического соревнования».

Комсомольский поцелуй Деда Мороза

Ровно 60 лет тому назад, 5 января 1958 года мы, студенты Горьковского строительного техникума, по инициативе комитета ВЛКСМ (Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи) организовали утренник для детей преподавателей техникума. Тогда я уже была влюблена в нашего комсомольского секретаря Анатолия Почтарюка. Свои чувства я берегла, и мне казалось, что никто этого не замечает, но я ошибалась. Разве можно в 18 лет гореть от любви незаметно?..

Мы с Толей на детском утреннике были главными героями: Дедом Морозом и Снегурочкой. После праздника в комитете комсомола Дед Мороз впервые поцеловал меня в щечку. Это было подобно взрыву, домой я летела на крыльях.

Три месяца спустя по нашей просьбе на преддипломную производственную практику мы были вместе направлены на строительство в город Липецк. Здесь 12 марта мы и зарегистри-

стрировали свои отношения. Не было ни свадьбы, ни белого платья, ни колец, но был самый счастливый медовый месяц в нашей жизни. Прожили мы вместе всего 15 лет. 45 лет тому назад в возрасте 37 лет моего Толика не стало. Но первый поцелуй комсомольского Деда Мороза всегда со мной.

Освоение целинных земель

После окончания техникума муж работал инструктором в Горьковском райкоме ВЛКСМ. Его сразу же отправили руководителем комсомольского эшелона на освоение целинных земель. И потянулись долгие, невыносимые дни ожидания любимого человека, тем более что я уже ждала ребенка. После известия о гибели целинника в отряде мужа мне пришлось серьезно поволноваться, так как за случившееся ответственность нес руководитель эшелона. До суда дело не дошло, выяснилось, что погибший нарушил технику безопасности в нетрезвом состоянии.

Мы строили комсомольский парк и организовывали фестивали

В город, которому в 1959 году было всего 5 лет, получали направление по комсомольским путевкам молодые специалисты — выпускники различных вузов страны. Вот они-то и стали полноправными хозяевами и строителями ядерного щита огромной великой страны Советов — СССР.

У молодежи родилась идея создания на большом пустыре комсомольского парка. И закипела работа. От горкома ВЛКСМ курировать эти работы было поручено Анатолию Почтарюку. Сколько воспоминаний о шумных веселых комсомольских воскресниках связано со строительством комсомольского парка. Многие ветераны еще помнят, что представлял собой этот уголок до прихода сюда молодежи. Строительный мусор, который часто сваливали на пустыре нерадивые хозяева строитель-

ных площадок, пеньки разных размеров, которым, казалось, не будет конца, когда их корчевали. Комсомольцы привозили чернозем, кирпич, щебень на территорию строящегося парка. Были и неудачи: приходилось переделывать по несколько раз одно и то же, осваивая смежные профессии строителей. Проложили 2000 кв. метров дорожек, построили баскетбольную, городошную, танцевальную, детскую площадки. В 1960 году состоялось открытие парка, а спустя некоторое время его «не стало». Он исчез. На этой территории началось строительство жилых домов.

Большими событиями в жизни города в 1960-е годы стали молодежные фестивали.

Штаб по изготовлению факелов

Помню, наша квартира превратилась в штаб по проектированию и изготовлению фестивальных факелов. Сидели ночами и изобретали макет факела, обсуждали, из какого материала изготовить воронку для пакли, чем ее пропитать для долгого горения и, конечно, вопрос соблюдения техники безопасности при движении с факелами по улицам города. И сегодня у меня перед глазами «огненная река», движущаяся по главному проспекту города в день фестиваля: горжусь, что мы с Анатолием причастны к этому красивейшему незабываемому фестивальному шествию. Анатолию Почтарюку за участие в проведении фестиваля была вручена почетная фотография ГК ВЛКСМ.

Марсианский футбол

Изюминкой финала фестивального праздника стали спортивные соревнования на стадионе «Труд», а я, тогда корреспондент городского радио, комментировала происходящее там. В самый разгар праздника по громкоговорителю передается сообщение о том, что «ученые Советского Союза обнару-

На встрече, посвященной юбилею ВЛКСМ

жили космический корабль, стремительно приближающийся к нашей планете. По счастливой случайности он приземлился на окраине нашего города и через час прибыл на праздник. Корабль доставил с Марса команду футболистов во главе со своим знаменитым тренером — Хоттабычем».

Сначала «марсиане» устроили обряд приветствия, после чего начался футбольный матч: «марсиане» — земляне. Гости никак не могли привыкнуть к нашим земным правилам игры и явно проигрывали. Но помог Хоттабыч. В счастливый миг, по его велению, у каждого «марсианина» оказалось в ногах по мячику (они были спрятаны на спине в виде горба под футболками), и все 12 мячей уверенно влетели в ворота нашей команды. Во время игры смех и аплодисменты были слышны на другом конце города.

Мы на Грушинке

Летом 1978 года была организована поездка комсомольских активистов на Молодежный фестиваль памяти В. Грушина в районе Жигулей на берегу Волги. Это сегодня Грушинкой никого не удивишь, а в те далекие годы побывать там для нас было несбыточной мечтой. Дорога туда на не совсем новом павловском автобусе была полна приключений. Кто-то взял в дорогу старенький патефон из своих запасников, и на остановочных привалах мы слушали долгоиграющие пластинки, танцевали под них, готовили обеды на костре, пели песни под гитару.

Грушинка, казалось, собрала всех любителей авторской песни от Владивостока до Калининграда, и даже иностранцев. Председателем жюри был Юрий Визбор. Утром, в 4 часа, после окончания конкурса он впервые исполнил свою новую песню «Милая моя, солнышко лесное», и я стала одним из первых слушателей этого бардовского хита.

Воспоминаний о комсомольской юности не счесть — замечательная, незабываемая пора молодости. И сегодня, в свои 79 лет, в душе я комсомолка. Мы, ветераны комсомола города, ежегодно 29 октября, в день рождения комсомола, обзваниваем друг друга и поздравляем с праздником. Многих уже сегодня, к сожалению, нет, но остались фотографии на память.

Н. Л. Телякова

На целину благослови дорогу...*

Нэлли Леонтьевна Телякова, кандидат технических наук, доцент кафедры общетехнических дисциплин и электроники СарФТИ, вспоминает о том, как в конце 1950-х студенткой трудилась на целине: «Будучи студенткой Челябинского политехнического института, в 1957 году попала на целину в Карасуский район, что на севере Казахстана (Кустанайская область). Из Челябинска мы, студенты, долго ехали на поезде, прибыли на место — «степь да степь кругом», а посреди степи два

вагончика. В одном из них была кухня, а во втором жили мы: вагончик был занавесочкой разделен на две части — для мальчиков и для девочек. Спали на деревянных настилах, на жестких матрацах, которые сами же и набивали соломой, вповалку, как сельди в бочке. Помыться было негде, пока в глинистом овражке неподалеку, к огромной нашей радости, не обнаружили воду — в ней-то и мылись, и стирали одежду.

Работала я на копнителе — едешь по полю на комбайне (им управляли местные комбайнеры) и убираешь солому в копны. Изо всей силы давишь ногой на педаль, топаешь по ней, а она, копна эта окаянная, не выходит — застряла. Тогда, вопреки всем правилам безопасности, лезешь в эту железяку и спиной, поднажав, выталкиваешь копну наружу. Выкатываешься вместе с ней на поле, а над тобой хлопает решетка. Как никто из нас при этом не пострадал — до сих пор для меня загадка. А потом (комбайн-то в это время продолжает движение!) бе-

*Записала В. Александрова (Новый город, № 27/244/, 12 июля 2017)

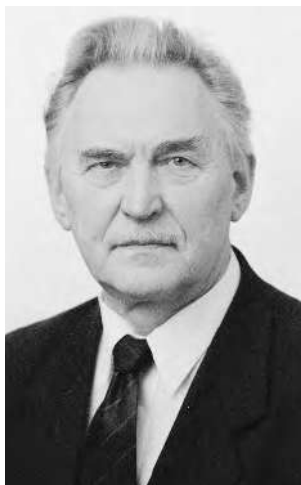
жишь за своей техникой сломя голову и на ходу впрыгиваешь на помостки... Так я проработала месяц.

Кормил нас местный совхоз да так отвратительно, что однажды мы взбунтовались. Вот и пришлось нам втроем — мне и еще двум девушкам-зачинщицам бунта — самим заведовать кухней. В наше распоряжение поступила лошадь с повозкой, на которой наш однокурсник ездил в ближайший населенный пункт закупать провизию, а мы, как могли, готовили еду на всех. Больше, как ни странно, никто не бунтовал: то ли еда действительно стала лучше, то ли, уважая наши старания, ребята просто терпели. Помню, мы умудрялись даже пельменей налепить в тех условиях. Так прошел еще месяц на целине.

А вообще, вспоминается это время как прекрасное, несмотря на все трудности и отсутствие элементарных условий. Поработав с рассвета до заката в поле, вечером мы собирались у костра и пели песни, было радостно и никакой усталости. Никто из нас, молодых ребят, не роптал, что нас отправили на тяжелую работу без всяких житейских условий, да еще и с мизерной оплатой. Мы понимали тогда, что раз надо — значит, надо. Если государство и партия направляют нас на этот фронт, значит, мы тут нужны. А рабочих рук на целине тогда страшно не хватало. Наше мировоззрение формировали матери, труженицы военных лет, всю жизнь спины не разгибавшие, бравшиеся за любую работу, не раздумывая...»

Ю. И. Файков

Как это было. «Поле чудес»*

Юрий Иванович Файков, советник при дирекции, заместитель главного конструктора ВНИИЭФ, доктор технических наук, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ, работал на целине в 1957 и 1958 годах.

Время целинное — это яркая страница в истории моей трудовой студенческой жизни. На Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР 1954 года об освоении целинных и залежных земель откликнулись все дружно. Мы верили в необходимость этого, в то, что быстро получим много хлеба. А в 1956 году последовал призыв ЦК ВЛКСМ к молодежи и студенчеству помочь в уборке урожая на целине. И студенты откликнулись. В нашем институте — МВТУ им. Баумана — практически не было студентов, не побывавших на целине. Но если в 1956 году студенты в основном работали там лопатой и вилами, то в следующем, 1957-м, комитет комсомола института принял решение: каждый из студентов, направляющихся на целину, должен иметь профессию тракториста-комбайнера. И это было правильное решение: техники (тракторов и комбайнов) на целину поступало много, а вот управлять ей было почти никому. Комитет комсомола организовал сводный отряд механизаторов МВТУ (примерно 300–400 человек). Желающих попасть в отряд было в 2,5 раза больше, и туда брали по конкурсу (!) тех, кто хорошо учился и не имел «хвостов», а также тех, кто имел какие-либо подходящие навыки. Я вырос в деревне и умел управляться с лошадейю.

*Записала В. Александрова (Новый город, № 27/244 12 июля 2017)

Наш сводный отряд проходил обучение в Московском институте механизации и электрификации сельского хозяйства. Учебная база находилась в Тимирязевской академии сельского хозяйства, а практическая — МТС и опытные поля — на станции Долгопрудной. Учиться на втором курсе МВТУ было трудно: сопромат, математика, электротехника, гидравлика, теория машин и механизмов, теоретическая механика, технология, детали машин — мы пропадали в институте с восьми утра и до девяти вечера. А после девяти шли учиться в Академию им. Тимирязева, заканчивались занятия около полуночи, и мы еле успевали на последнюю электричку. Несмотря ни на что мы выучились профессии тракториста-комбайнера, сдали экзамены на тракторе и получили «корочки».

Летом мы отправились в теплушках на целину — в зерносовхоз «Киевский» в деревне Мирюлюбовка Кустанайской области (Казахстан). Мы были нужны тут позарез! У этого совхоза было 30 тысяч га земли и всего 500 человек местного населения. Нам дали два трактора на четверых, потом комбайны, и мы приступили к работе.

Как раз в это время из райкома партии пришла директива о так называемой раздельной уборке хлеба, когда его сна-

На целине

чала сваливают, потом он дозревает лежа в валках, сушится, а затем валки собирают комбайнами. Это была западная технология, для наших условий, как оказалось, малопригодная. Местные предупреждали: не надо так делать, потому что через три дня ожидался дождь. Но директива есть директива. Соседний бригадир выполнил ее, а наш, Миша Траль, 23-летний коммунист, скомандовал сделать валки в начале поля, а дальше сразу убирать хлеб комбайном. И мы «вперед планеты всей», еще до начала дождей, организовали эшелон зерна и торжественно, с красным знаменем, отправили его в Кустанай.

А потом действительно начался дождь, и наша бригада была направлена на «поле чудес» — так у нас называлось это удивительное место. Вначале поле было засеяно озимыми, но весной они не взошли. Потом туда же по весне посадили яровую рожь, и она тоже не взошла. И тогда уже в конце июня туда же посадили просо... Когда начались дожди, взошло... все разом! И озимые, и яровые, и просо — плотной зеленой стеной. И наш бригадир решил свалить все это — пустить на сено. Потом мы его убрали и заложили в силосные ямы.

Дождь шел две недели. Валки, сделанные соседней бригадой, проросли. И наш Миша Траль, отдирая их от земли, орал, что надо показать это Хрущеву. Студентов бросили на отрывание валков: ведь они не давали вспахать землю. Оторвали. Но хлеб собрать с них было невозможно, и соседний бригадир принял решение сжечь все это. Было сожжено 300 га хлеба. В результате тот бригадир был исключен из партии. А Миша Траль получил выговор за то, что не внедрил «раздельную уборку»...

С нашим же хлебом ничего не случилось. Ведь бригадир сделал все по-хозяйски. Дожди прошли, и мы потихоньку, не торопясь, в конце сентября-начале октября, уже по первому снегу, собрали весь урожай и засыпали в закрома — сдали государству даже немного больше, чем положено. Мы были такие счастливые! Как раз в это время пришло сообщение о запуске первого искусственного спутника Земли.

Надо сказать, что урожай на целине в течение нескольких лет были огромные — 17–20 центнеров с гектара (в средней полосе России 12–13 центнеров в лучшем случае). Хлеба было море, а машин для его перевозки не хватало. Прошел на комбайне

300 метров по полю — и все, полон бункер. Куда девать зерно? Машин нет, поэтому просто ссыпаем его на землю и едем дальше — не стоять же на месте. Потом приходят студенты и собирают это зерно с земли лопатами, и сколько там остается! Урожаи были ужасно большие, а собрали, наверное, максимум 30%...

Люди на целине были разные — немного местных, командированные (трактористы, комбайнеры, механизаторы). А были и те, кого не пускали за 101-й километр — бывшие ээки. Кстати, бывшие заключенные, люди опытные, умевшие переносить трудности, были для нас во многом примером в отношении к делу. И несмотря на это различие, у всех было общее: человека здесь ценили по тому, как он работает. Как тогда говорили, «дело старше», то есть «прежде всего». Это была школа ответственного отношения к труду, к делу. Вот перед тобой земля, хлеб и трактор с комбайном — и никакого начальства, никакой идеологии. Ты один здесь ответствен за всё. Только от тебя зависит, будет ли собран урожай. А мы, выросшие в послевоенные годы, очень хорошо понимали, что значит дать стране хлеб.

Содержание

Обращение к нашим потомкам <i>А. В. Веселовский</i>	3
---	---

ГЛАВА 1

ВСПОМИНАЯ ВОЙНУ

«Для фронта всё. Всё — для Победы!» <i>В. С. Шахов</i>	8
Прости, что не пришла к тебе с цветами... <i>Н. И. Аношина</i>	10
Военное детство	14
Современные «жития» <i>Т. Криницкая</i>	21
Кто хочет жить в мире, тот должен быть готов к войне <i>А. Ф. Воскобойник</i>	26
«Пришлось немного повоевать ... » <i>А. И. Герасимов</i>	34
Чтобы не было войны <i>О. Ф. Дегтярёва</i>	40
Дети фронту на «Смерть фашистам!» <i>Ю. Г. Дегтярёв</i>	49
Воспоминания <i>А. Г. Звенигородский</i>	53
Мне шёл седьмой год... <i>С. М. Зиброва</i>	63
Но боль вызывает к людям... ..	68
Поколение мужественных <i>И. Егорова</i>	73
Тревожное детство <i>П. П. Максименко</i>	80
Без конца гудели сирены... ..	88
Безгранично радостный День Победы <i>Л. Я. Поздеева</i>	91
Блокада глазами ребенка <i>В. В. Рассказова</i>	95
Танцующие ребята <i>Н. И. Аношина</i>	105
«Дедова кучка» и немец на дереве <i>В. В. Сазонов</i>	109
Ненавижу войну <i>С. Н. Скрипка</i>	112
Не жили – пережидали <i>В. Т. Солгалов</i>	118

Детский взгляд на военное лихолетье <i>В. Н. Такоев</i>	126
Жизнь неподалеку от ада <i>А. И. Ткачёва (Понарьина)</i>	135
Годы войны <i>Ю. А. Трутнев</i>	143
Блокада. До и после	152
Синицыны в годы войны <i>Ж. Д. Шинкарева (Синицына)</i>	159
Все, пожалуйста, помни, товарищ память!.....	166
Зиму я не любил... <i>Е. П. Яшин</i>	173
САРОВ — ЗАЩИТНИК РОДИНЫ	182
Вспомнить всех поименно <i>К. Малышева</i>	182
Судьбы героев <i>К. Малышева</i>	187
Катя Сусанина. Моё сердце верит... <i>А. В. Яицкий</i>	194
Россия — страна удерживающая <i>А. А. Проханов</i>	198
Эгей <i>А. Ивахнов</i>	200

ГЛАВА 2

МЫ ПРОЙДЕМ СКВОЗЬ ШТОРМ И ДЫМ...

На пороге нового века <i>Н. В. Почтарюк</i>	206
«Главное, ребята, сердцем не стареть...» <i>В. И. Егоров</i>	208
Спасибо тебе, Комсомол! <i>С. М. Зиброва</i>	219
Подранки на целине <i>Г. Ф. Иоилев</i>	221
Дети войны штурмуют космос	224
Первая целина <i>Б. Е. Кодола</i>	232
Памяти Анатолия Мефодьевича Почтарюка <i>Н. В. Почтарюк</i>	240
На целину благослови дорогу... <i>Н. Л. Телякова</i>	245
Как это было. «Поле чудес» <i>Ю. И. Файков</i>	247

Литературно-художественное издание

Дети войны и Великой Победы

Редактор *Е. А. Мясоедова*

Дизан и компьютерная подготовка оригинала-макета *Е. Л. Соседко*

Подписано в печать 14.05.2020. Формат 60x84/16. Печать офсетная
Усл. печ. л. ~ 15. Уч. изд. л. ~ 13. Тираж 300 экз. Зак. 1129-2020

Отпечатано в ИПЦ ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ»
607188, г. Саров Нижегородской обл., ул. Силкина, д. 23